Θ. Е. МЕЛЬНИКОВЪ.

БЛУЖДАЮЩЕЕ БОГОСЛОВІЕ.

Обзоръ вѣроученія господствующей церкви.

Выпускъ первый.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульваръ, собств. домъ.
1911 г.

Θ. Е. МЕЛЬНИКОВЪ.

БЛУЖДАЮЩЕЕ БОГОСЛОВІЕ.

Обзоръ вѣроученія господствующей церкви.

Выпускъ первый.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульваръ, собств. домъ.
1911 г.

53348

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

До настоящаго времени все еще существуетъ взглядъ на старообрядчество, какъ на обрядовѣріе. По этому взгляду, лишь незначительная обрядность раздѣляетъ старообрядцевъ отъ господствующей въ Россіи церкви. Великій церковный расколъ покоится, будто бы, только на такихъ вопросахъ, какъ сугубая аллилуія, перстосложеніе, начертаніе имени Христа Спасителя и т. п.

Авторъ настоящаго сочиненія до основанія разрушаетъ этотъ ходячій взглядъ на русскій церковный расколъ. Онъ раскрываетъ, что господствующая церковь не имѣетъ единаго истиннаго ученія ни объ одномъ церковномъ таинствѣ, ни о Церкви, ни о Самомъ Сынѣ Божіемъ, ни о Пречистой Его Матери.

Самое понятіе «православія» не выяснено въ господствующей церкви.

Все богословіе ея есть сумма самыхъ разнообразныхъ противорѣчій, погрѣшностей, заблужденій и явныхъ еретическихъ положеній.

Съ самаго начала своего русская церковь, реформированная Никономъ, бывшимъ патріархомъ, вступила на путь богословскихъ блужданій и до сихъ поръ идетъ этимъ путемъ.

Между старообрядчествомъ и господствующимъ исповѣданіемъ—глубочайшее разногласіе въ основныхъ догматахъ церковныхъ. Авторъ доказываетъ это богословскими и полемическими книгами многочисленныхъ писателей господствующей церкви.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что настоящее сочиненіе, какъ и значится на немъ, есть только обзоръ вѣроученія господствующей церкви. Полный и обстоятельный разборъ этого вѣроученія еще ждетъ своего автора.

Настоящій обзоръ да послужитъ введеніемъ къ этому ожидаемому труду.

I.

ЛАТИНСКІЯ И ПРОТЕСТАНТСКІЯ НАЧАЛА.

Все богословіе господствующей церкви, его система, направленіе и духъ проникнуты началами латинства, протестантизма и даже атеизма. Мы не будемъ разсматривать его съ нашей точки зрѣнія. Приведемъ отзывы о немъ самихъ богослововъ и писателей новообрядческой церкви. Они лучше насъ знаютъ цѣну своему богословію и ихъ оцѣнка, въ данномъ случаѣ, авторитетнѣе сужденій постороннихъ лицъ.

«Нашу богословскую мысль,—говоритъ академическій журналъ «Церковный Вѣстникъ»,—давно обвиняютъ въ томъ, что она, какъ маятникъ, качается между католичествомъ и протестантствомъ въ тщетныхъ поискахъ золотой середины. И въ ней, дѣйствительно, замѣтно это качаніе; но слѣдуетъ отмѣтить, что въ послѣднія 50 лѣтъ католическія тенденціи стали замѣтно преобладать,—а старинная католическая закваска духовной школы только еще болѣе способствовала этому. Въ настоящее время у насъ есть богословы, даже изъ носящихъ іерархическій санъ, которые по закваскѣ и складу воззрѣній весьма близки къ самымъ правовѣрнымъ слугамъ папы. Въ послѣднія де-

сятилѣтія въ церковно-административной и школьной жизни, католическая закваска сказалась въ своихъ наиболѣе неприглядныхъ чертахъ,—въ томъ вѣяніи въ церковной жизни религіознаго нигилизма, который такъ правдиво описалъ въ своей поэмѣ («Великій инквизиторъ») Достоевскій» («Церковн. Вѣстн.» 1907 г., № 27).

Не въ послѣднія только десятилѣтія богословіе господствующей церкви объеретичилось латинствомъ. Болѣе 200 лѣтъ оно лишено чистоты православія. Вѣрнѣе же говоря, оно никогда не было православнымъ. Нельзя же наше древне-русское богословіе, содержимое только въ нашей св. Церкви, считать принадлежащимъ и новой, созданной Никономъ и Петромъ церкви, порвавшей и внутреннюю духовную и историческую связь съ древне-русскимъ благочестіемъ и вселенскимъ православіемъ.

«Мы забыли,—откровенно сознается одинъ изъ виднѣйшихъ архипастырей господствующей церкви, архіепископъ харьковскій Амвросій,—что намъ надо быть народомъ не только христіанскимъ, но и православнымъ. Превращеніе народа христіанскаго въ языческій не оправдаетъ предъ исторіей человѣчества никакое человѣческое мудрованіе; а утратѣ воззрѣній православныхъ есть утрата воззрѣній истинно христіанскихъ. Предки наши допетровскаго времени спасли насъ отъ покушеній римскаго папы и порабощенія насъ католичеству, но послѣ Петра мы не умѣли охранить себя отъ протестантства,

которое въ міръ христіанскій растворило двери необузданной свободы разума, а съ нею вмѣстѣ и языческимъ воззрѣніямъ и нравамъ» («О причинахъ отчужденія отъ церкви образованнаго общества», стр. 30). Архіепископъ Амвросій провелъ здѣсь яркое отличіе новаго православія отъ стараго. Слѣдовало бы ему выразиться еще прямѣе. Предки теперешнихъ «богослововъ» и «православныхъ» утеряли чистоту вѣры ранѣе петровскаго періода. Еще во времена никоновскихъ реформъ они перестали уже быть православными и въ значительной степени тогда же успѣли облатиниться. Предки же наши, т.-е. старообрядческіе предки, ни разу не свернули съ истиннаго церковнаго пути и въ неприкосновенной чистотѣ передали намъ ничѣмъ неповрежденное благочестіе. Церкви господствующей,—говорится въ книгѣ епископа Евдокима: «На зарѣ церковной жизни», — «предстоитъ огромная тяжелая работа, хотя бы, напримѣръ, въ дѣлѣ освобожденія нашей богословской мысли отъ наложенныхъ на нее путъ. Да и это ли одно? Вѣдь все наше богословіе столѣтіями было въ плѣну у латинства. Сколько потребуется работы, сколько усилій для того, чтобы освободить наше богословіе отъ римскихъ объятій. Этотъ плѣнъ, эти объятія не лучше, если не хуже, плѣна мірского» (стр. 29).

Даже редакторъ «Миссіонерскаго Обозрѣнія»—чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ правительствующаго синода г. Скворцовъ, нынѣшній вдохновитель миссіонеровъ, сознается, что богословіе

господствующей церкви дѣйствительно нуждается въ очисткѣ отъ латинской закваски. «Болѣзненность въ организмѣ, недугъ дѣйствительно есть, — говоритъ Скворцовъ.—Этого я не отрицаю. Для излѣченія этой болѣзни необходима совмѣстная работа духовенства и мірянъ. Мы, напримѣръ, міряне, не живемъ приходскою жизнью; богословіе наше проникнуто западными началами. Многія стороны жизни чужды христіанства» («Записки религіозно-философскихъ собраній», стр. 87).

200 лѣтъ—вѣдь это же время нѣсколькихъ поколѣній. Можно было бы за этотъ длинный періодъ не одинъ разъ очиститься отъ «всякой скверны и порока». Однако, мы не видимъ ни одной попытки со стороны синодальной іерархіи освободиться отъ «плѣна еретическаго». Напротивъ, чѣмъ дальше уходили отъ насъ прожитыя «времена и лѣта», тѣмъ замѣтнѣе и ярче окрашивалось господствующее «православіе» въ цвѣтъ латинства, протестантства и просто язычества. Богословская школа синодальной церкви, — характеризуетъ ее извѣстный славянофилъ Ю. Ѳ. Самаринъ, — «сдвинулась съ твердаго материка Церкви и перешла на ту зыбкую изрытую, подкопанную почву, на которую заманили ее западные богословы. Зайдя туда, она подверглась перекрестному огню и почти вынуждена была для своей обороны отъ нападеній, направленныхъ на нее съ двухъ противоположныхъ сторонъ, схватиться за готовое оружіе, издавна приспособленное къ дѣлу западными вѣроисповѣданіями для ихъ домашней, междоусобной войны. И вотъ съ

каждымъ шагомъ, запутываясь болѣе и болѣе въ латино-протестантскихъ антиномiяхъ православная школа, наконецъ, сама раздвоилась. Въ ней образовались двѣ школы, школа исключительно анти-латинская и школа исключительно анти-протестантская; православной школы, какъ будто, не стало» (Полное собран. сочин. А. С. Хомякова, т. II, стр. XXII). «Ошибка,—продолжаетъ Самаринъ,—сдѣланная въ самомъ началѣ, при переходѣ на чужую почву, отозвалась тремя неизбѣжными результатами. Во-первыхъ, школа анти-латинская приняла на себя закваску протестантскую, а школа анти-протестантская—закваску латинскую; во-вторыхъ, какъ послѣдствiе этого, каждый успѣхъ одной школы въ борьбѣ съ ея противниками постоянно обращался въ ущербъ другой школѣ, давая противъ нея оружiе тому противнику, съ которымъ она имѣла дѣло; въ-третьихъ, и это важнѣе всего: западный рацiонализмъ просочился въ православную школу и остался въ ней въ видѣ научной оправы къ догматамъ вѣры въ формѣ доказательствъ, толкованiй и выводовъ» (стр. XXIII).

Въ «Миссiонерскомъ Обозрѣнiи» за 1910 годъ напечатанъ «Дневникъ» извѣстнаго профес.-протоiерея П. Свѣтлова. Будучи еще студентомъ въ академiи, Свѣтловъ записывалъ въ свой «Дневникъ» впечатлѣнiя, вынесенныя имъ отъ слушанiя академическихъ лекцiй. «Характеристичны нынѣшнiя двѣ лекцiи В—ва по св. Писанiю объ историческомъ происхожденiи Пятикнижiя,—читаемъ въ «Дневникѣ» Свѣтлова.—

Было, — говоритъ — въ древне-іудейской церкви и во всей христіанской вплоть до XVII в. убѣжденіе, что Пятикнижіе написано Моисеемъ, за исключеніемъ послѣднихъ стиховъ книги Второзаконія, гдѣ говорится о смерти его, написанной, по мнѣнію Церкви, Іисусомъ Навиномъ, но съ XVII в. на Западѣ появились мнѣнія, по которымъ авторъ Пятикнижія признавался не Моисей, а позднѣйшій кто-нибудь. Приводилъ за симъ до двадцати самыхъ разнообразныхъ и нелѣпыхъ мнѣній; тутъ выступаютъ на сцену Ричарды, Симоны, Мазіусы, де-Ветте, Фаберы, Кнобели, Фогели, Дробели и проч. и проч. И пошло, и пошло!.. Натурально критика. Думаете, что собственная? Нѣтъ, опять западная (плюютъ на тѣхъ, кто намъ не нужны, и пресмыкаются передъ тѣми, кто намъ нужны). Симъ дѣло и закончилось... Да... Было, говоритъ, убѣжденіе... А развѣ его сейчасъ нѣтъ? Развѣ сейчасъ нѣтъ православной церкви? Вотъ о ней-то онъ и позабылъ... Можетъ, оно на бумагѣ-то не выходитъ, что онъ позабылъ, но если бы вы посмотрѣли на него въ то время, когда онъ говорилъ, то непремѣнно поняли бы, что позабылъ. Я такъ думаю рѣшительно, что онъ совсѣмъ не думаетъ о Церкви. Это — человѣкъ безъ почвы; какъ во снѣ, онъ чувствуетъ, что ему нужно защищать что-то, и защищаетъ, и все это на отвлеченной почвѣ. А ужъ эта отрицательная критика — какъ ей рады наши богословы! Вѣдь тутъ можно нѣмецкими книжками позаимствоваться... То ли дѣло? Не знаю вотъ только, какъ выразиться, но чувствую правду: В—въ — протестантскій богословъ по духу.

Тамъ тоже истины религіозныя защищаются индивидуальными умами, но не всецерковнымъ разумѣніемъ. И къ намъ эта манера, выходитъ, прилипла» («Миссіонерск. Обозр.», 1910 г., № 3, стр. 536).

Другой академическій лекторъ, по свѣдѣніямъ протоіерея Свѣтлова, проводитъ въ своихъ лекціяхъ совсѣмъ анти-христіанскіе взгляды. Третій отвергаетъ величайшіе христіанскіе праздники. Четвертый, пятый... Всѣ въ чемъ-либо ереретичествуютъ, заблуждаются и въ своихъ неправославныхъ вѣрованіяхъ и понятіяхъ воспитываютъ и своихъ слушателей-студентовъ, этихъ будущихъ пастырей синодальной церкви. Вообще же «православные богословы,—заключаетъ о нихъ профессоръ-протоіерей Свѣтловъ, собственными наблюденіями, умомъ и сердцемъ понявшій ихъ, — раболѣпствуютъ передъ нѣмцами, передѣлываютъ, крадутъ или же прямо берутъ цѣликомъ ихъ работу, получая за это докторскіе и магистерскіе дипломы («Толковое Евангеліе» еп. Михаила сдуто съ одного французскаго сочиненія съ небольшими измѣненіями, что доказалъ нашъ П. И. Горскій). А тоже ершатся передъ западными: протестанты-де, католики! Западные богословы съ полнымъ правомъ могли бы насъ назвать воришками—мелкими и крупными, смотря по чину» (стр. 537). Неудивительно, что всѣ богословскія книги господствующей церкви переполнены латинскими и протестантскими заблужденіями. Въ академіяхъ нѣтъ ни догматическаго, ни нравственнаго единенія съ древней православной Церковью. «Врядъ ли кто-нибудь будетъ спорить, — говоритъ В. Свенцицкій, — что духовная

школа создаетъ самый отталкивающій видъ атеизма, и это вполнѣ понятно. Богословское преподаваніе можетъ быть жизненнымъ только при томъ условіи, если за нимъ будетъ стоять подлинно-религіозная душа того, кто преподаетъ. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, не должно быть никакой лжи, ни малѣйшаго фарисейства. Если васъ будетъ убѣждать атеистъ бросить всякую мысль о Богѣ, онъ, можетъ-быть, поколеблетъ вашу вѣру. Но если атеистъ бездушно, какъ подневольный рабъ, будетъ призывать васъ къ религіозной жизни,—онъ оттолкнетъ васъ отъ Бога вдвойнѣ. Вотъ почему профессіональныя школы, гдѣ въ преподаватели, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, идутъ не по призванію, гдѣ часто совершенно невѣрующіе люди учатъ быть вѣрующими, потому что это входитъ въ «программу»,—эти духовныя школы дѣйствительно способны отравлять душу» («Левъ Толстой и Вл. Соловьевъ», В. Свенцицкаго, стр. 4).

Профессоръ петербургской духовной академіи Н. К. Никольскій, въ чувствѣ негодованія, рѣшительно заявлялъ: «Насъ (т.-е. профессоровъ) пытались заставить говорить не то (въ области науки), что, по нашему мнѣнію, отвѣчаетъ истинѣ или историческому факту и составляетъ наше убѣжденіе, а то, что узкому и даже невѣжественному сознанію могло казаться цѣлесообразнымъ для преходящей минуты, но что, конечно, только роняло достоинство церковнаго авторитета. Если мы позволимъ себѣ имѣть религіозныя представленія, нѣсколько отличныя отъ учебниковъ митрополитовъ Филарета и Макарія, то мы становимся

(даже въ своихъ собственныхъ глазахъ) вольтерьянцами, еретиками, протестантами, нигилистами. Мечтанія многихъ нашихъ іерарховъ, повидимому, клонятся къ тому, чтобы всѣ, даже достигшіе возраста мужа совершенна, превратились снова въ младенцевъ» («Къ вопросу о церковн. реформѣ» въ «Христіан. Чтеніи», 1906 г., ч. 1, стр. 190, 191, 200).

Судя по приведеннымъ отзывамъ профессора Никольскаго и протоіерея Свѣтлова, въ духовныхъ академіяхъ синодальной церкви существуетъ два типа преподавателей. Одинъ изъ нихъ это—рабы латинскаго и протестантскаго богословія. Другой—это тѣ преподаватели, которые ставятъ науку выше вѣры. По убѣжденію своему они совершенно отрицаютъ истины христіанства, но по службѣ они должны преподавать ихъ своимъ слушателямъ. Что же можно вынести изъ такой школы? Самый отталкивающій атеизмъ,— вѣрно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ г. Свенцицкій.

Безспорно и единогласно установлено, что богословіе господствующей церкви и по духу своему, и по общему направленію и по отдѣльнымъ пунктамъ— неправославно и даже атеистично. Проф. А. П. Лопухинъ говоритъ: «Коль скоро намъ... приходится опредѣлить, въ какое отношеніе мы должны стать къ римскому католицизму и протестантизму, то наша мысль начинаетъ колебаться и исторія развитія нашей богословской мысли показываетъ, что мы не выработали въ этомъ отношеніи самобытности и независимости, которая теоретически считается присущею православію. Извѣстно, что въ нашей богословской мысли

постоянно проходятъ два теченія, которыя изъ русла православія заходятъ иногда даже въ предѣлы инославнаго міросозерцанія, и притомъ одно окрашивается протестантизмомъ, другое римскимъ католицизмомъ. Явленіе это не новое. Оно замѣтно выразилось еще въ то время, когда великій царь-преобразователь впервые сблизилъ насъ въ общественномъ и политическомъ отношеніи съ Западомъ. Два его великихъ сподвижника Ѳеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій выступили представителями этихъ двухъ направленій, и съ того времени эта раздвоенность постоянно давала о себѣ знать прежде всего въ области богословской мысли, конечно, но она въ то же время сказывалась и во всей нашей общественной жизни и мысли» («Апологія христіанства», Лютарта, переводъ проф. Лопухина, стр. 671).

Еще задолго до временъ Ѳеофана Прокоповича и Стефана Яворскаго подъ латинское вліяніе подпала западно-русская церковь. Предки наши, возставшіе противъ никоновскихъ реформъ, совершенно основательно изобличали въ латинской заразѣ тогдашнихъ кіевлянъ и грековъ, принявшихся насаждать въ Россіи «новую незнаемую вѣру». Западная церковь,—говоритъ И. Чистовичъ, — «находясь въ постоянномъ соприкосновеніи съ латинствомъ и подчиняясь обаятельному и неотразимому вліянію его, какъ господствующаго вѣроисповѣданія, приняла нѣкоторыя воззрѣнія, обряды и обычаи латинской церкви. Латиняне и уніаты, постоянно укоряя православныхъ схизмою, обвиняли ихъ именно въ протестантствѣ. Желая снять съ себя это

пятно и уничтожить поводъ къ подозрѣніямъ и обвиненіямъ, православные какъ бы прилаживались къ латинянамъ, сближались съ ними и незамѣтно подчинялись ихъ вліянію» («Очеркъ исторіи западно-русской церкви», часть 2, стр. 348).

II.

ЕРЕТИЧНОСТЬ СИМВОЛИЧЕСКИХЪ КНИГЪ.

Извѣстное, принятое въ греческой церкви, «Православное исповѣданіе вѣры», составленное митр. Петромъ Могилою, и «назначенное въ руководство для православныхъ западно-русской церкви, носитъ слѣды латинскаго вліянія» («Очерки исторіи зап.-русс. церкви», И. Чистовича, ч. 2, стр. 349). Въ чемъ сказалось это вліяніе,—въ послѣднее время выяснено молодымъ богословомъ господствующей церкви іеромонахомъ Тарасіемъ. Любопытно, что его изслѣдованіе о великороссійскомъ и малороссійскомъ богословіи было дано въ качествѣ безплатнаго приложенія къ журналу «Миссіонерское Обозрѣніе». Очевидно, руководители этого журнала вполнѣ раздѣляютъ взгляды и выводы автора книги «Великороссійское и малороссійское богословіе XVI и VXII вв.», иначе они не преподнесли бы это приложеніе своимъ подписчикамъ, или въ крайнемъ случаѣ снабдили бы его своими критическими замѣчаніями.

«По «Православному исповѣданію»,—излагаетъ іеромонахъ Тарасій,—Христосъ является, какъ жрецъ кро-

ваваго культа, какъ царь, управляющій силою внѣшняго могущества и, наконецъ, какъ пророкъ-учитель, чуждый и сторонящійся всякой принудительной власти и дѣйствующій единственно на свободную человѣческую совѣсть. Замѣтимъ, что такое подраздѣленіе встрѣчается не въ поэтическомъ и риторическомъ произведеніи, гдѣ возможны и даже необходимы неточности и повтореніе одного и того же для усиленія, а въ догматической системѣ, главная особенность которой—точность и строгая опредѣленность выраженій. Итакъ, Христосъ признается выразителемъ трехъ служеній—первосвященническаго, пророческаго и царскаго; слѣдовательно, всѣ названныя формы служенія тѣмъ самымъ признаются за нѣчто самобытное и основное. Разсматривая это ученіе съ точки зрѣнія вселенскаго преданія Христовой Церкви, можно сказать,—говоритъ іер. Тарасій,—что оно безусловно чуждо мышленію свв. отцовъ. Мы не находили у нихъ ничего подобнаго. Если Христосъ гдѣ и называется Царемъ или Архіереемъ, то въ переносномъ или риторическомъ смыслѣ, или просто повторяются слова св. Писанія, гдѣ Христосъ называется такъ. Но ни въ одномъ изъ разобранныхъ нами памятниковъ святоотеческаго вселенскаго богословія не встрѣчается исключительнаго указанія на три названныхъ наименованія. Отсутствіе подобнаго ученія въ строго церковныхъ твореніяхъ налагаетъ и на самое ученіе печать нѣкоторой *отчужденности отъ святоотеческаго пониманія христіанства*» («Великороссійское и малороссійское богословіе XVI и XVII вв.», стр. 75—76).

Одинъ изъ лучшихъ журналовъ, издаваемыхъ и редактируемыхъ богословами и писателями господствующей церкви, далъ въ 1909 году въ качествѣ безплатнаго приложенія къ журналу очень цѣнный по содержанію апологетическій сборникъ: «За вѣру противъ невѣрія». Въ немъ по поводу указаннаго іером. Тарасіемъ ученія въ «Православномъ исповѣданіи» объ искупленіи Христовомъ говорится: «Этого ученія, по отзыву православныхъ богослововъ, древняя Церковь не знаетъ. Какъ извѣстно, «католическая» догматика придала дѣлу Христа такой видъ. Человѣкъ согрѣшилъ. За это онъ осужденъ праведнымъ гнѣвомъ Божіимъ на смерть и проклятіе. Чтобы искупить его у сатаны, Богъ послалъ Сына своего и предалъ Его на крестную смерть. Эта смерть была смертью не человѣка, а Бога, поэтому она была достаточной и даже избыточествующей жертвой за грѣхи всѣхъ людей. Она отвратила отъ человѣка гнѣвъ Божій и ради нея былъ снятъ съ человѣка первородный грѣхъ Адама, проклятіе и смерть. За человѣка внесенъ выкупъ и за этотъ выкупъ онъ былъ избавленъ отъ кары, наказанія за грѣхи. На первый взглядъ можетъ показаться, что такое ученіе близко подходитъ къ ученію св. апостола Павла и отеческому ученію»... «Въ дѣйствительности же между тѣмъ и другимъ пропасть великая. Юридическая система католиковъ должна родить невѣріе и отрицаніе. Такое пониманіе дѣла Христа (оно зовется юридической теоріей искупленія) заставляетъ смотрѣть на крестную смерть Іисуса Христа, какъ на кровавую плату за людскіе грѣхи, и, значитъ, необходимо за-

ставляетъ понимать христіанскій догматъ искупленія въ смыслѣ простого выкупа Христомъ неоплатныхъ Божіихъ должниковъ. Между тѣмъ такое пониманіе христіанскаго догмата теперь уже не можетъ быть согласовано не только съ апостольскимъ раскрытіемъ сущности и условій дарованнаго Христомъ спасенія, но и съ элементарными требованіями общечеловѣческаго здраваго смысла» («За вѣру противъ невѣрія», безплатное приложеніе къ журн. «Отдыхъ Христіанина», за 1909 г., стр. 339—340). Вотъ какое ученіе, по отзывамъ богослововъ господствующей церкви, содержится въ «Православномъ исповѣданіи».

Іером. Тарасій указываетъ и на другую неправославную мысль въ «Православномъ исповѣданіи». «Идея объ удовлетвореніи Бога жертвой кровавой,—говоритъ онъ,—была столь присуща сознанію автора «Православнаго исповѣданія», что привела его къ весьма характерной оговоркѣ: на стр. 39 читаемъ, что Христосъ пострадалъ одной плотію; правда, плоть здѣсь противополагается Божеству, но вѣдь Самъ Христосъ говорилъ о страданіяхъ своей души (Марк. XIV, 34), что не могло быть неизвѣстнымъ митрополиту Петру Могилѣ; но вѣрный тенденціи удовлетворенія, онъ всю силу страданій Христа полагалъ въ кровавой смерти» (стр. 102).

Въ ученіи объ іерархіи «Православное исповѣданіе» придаетъ ей такое же значеніе, какое присвоило себѣ римско-католическое священноначаліе. «Оно,—говоритъ о. Тарасій,—въ достаточной степени возвышаетъ іерархію, ибо совершителями важнѣйшихъ священно-

дѣйствій являются представители священноначалія; легко и удобно сводя всю внутреннюю жизнь церкви на совершеніе таинствъ и тѣмъ самымъ выдвигая въ дѣлѣ спасенія свое значеніе, римско-католическая іерархія безъ всякаго труда опредѣляетъ народу пассивное, подчиненное мѣсто въ общемъ строѣ церковной жизни и отказываетъ ему въ живомъ и дѣятельномъ участіи» (тамъ же, стр. 119).

По взгляду іером. Тарасія, въ «Православномъ исповѣданіи» не вполнѣ православно и ученіе о семи таинствахъ церковныхъ. «Относительно ученія о семи таинствахъ должно сказать,—говоритъ онъ,—что мы уже сказали о трехъ служеніяхъ Господа, т.-е. что ученіе, имѣющее своимъ источникомъ творенія еретиковъ, не можетъ быть живымъ и дѣйственнымъ. Практика вселенской восточной Церкви никогда не слѣдовала узкимъ тенденціямъ школьнаго богословія и за прочими священнодѣйствіями и молитвами признаетъ великую силу» (стр. 124).

Намъ нѣтъ нужды ни развивать, ни опровергать взгляды и выводы молодого богослова господствующей церкви. Мы лишь указываемъ, что сами богословы господствующей церкви и руководители ея миссіи убѣждаютъ насъ, что даже «Православное исповѣданіе» — эта первоначальная основа богословія новообрядческой церкви не чужда еретическихъ мыслей и носитъ печать латинства.

Въ другомъ миссіонерскомъ журналѣ «Православный Путеводитель» были напечатаны «Письма о русскомъ богословіи» П. Никольскаго, преподавателя воронеж-

ской духовной семинаріи. Авторъ ихъ также доказываетъ, что «Православное исповѣданіе» и учебники, составленные въ духѣ этого «исповѣданія», заключаютъ въ себѣ закваску католическаго богословія. «Православное исповѣданіе», — говоритъ г. Никольскій, а съ нимъ, конечно, и руководители «Православнаго Путеводителя», — пользуется великимъ авторитетомъ въ глазахъ школьныхъ богослововъ. Въ 40-хъ годахъ истекшаго столѣтія оно было введено въ семинарскій курсъ въ качествѣ учебнаго руководства. Мы не говоримъ уже о томъ, что многочисленныя богословскія системы XVII и XIX вв. построены по образцу западныхъ — католическихъ и протестантскихъ»... «Но, вѣдь, на этихъ учебникахъ воспитывалось не одно поколѣніе духовнаго юношества, которое, выходя въ жизнь и занимая мѣста пастырей, не можетъ освободиться отъ школьной закваски. Даже такой талантъ, какъ митроп. московскій Филаретъ, не могъ освободиться отъ вліянія католическаго богословія, отъ его сухости, стремленія къ системѣ съ неудачными ея подраздѣленіями. А вѣдь на его катехизисѣ воспитывалось и воспитывается не одно духовное юношество, а и свѣтское» («Православный Путеводитель», за 1903 г., декабрь, стр. 719).

Не менѣе великимъ авторитетомъ пользуется въ господствующей церкви и «Посланіе восточныхъ патріарховъ». Оно такъ же, какъ и «Православное исповѣданіе», легло въ основу богословія новой русской церкви. По словамъ извѣстнаго догматиста митр. Макарія, символическое ученіе «православной церкви»,

составлено на іерусалимскомъ соборѣ 1672 года. Оно вошло въ «Посланіе патріарховъ православно-каѳолической церкви о православной вѣрѣ» (Введеніе въ Прав. Богословіе, изд. 1884, стр. 413, 416). «По увѣренію же такого церковнаго человѣка,—свидѣтельствуетъ свящ.-проф. М. Чельцовъ, — какъ покойный проф. А. П. Лопухинъ, «Посланіе» это далеко не тѣ же мысли и не то ученіе содержитъ въ русскомъ переводѣ, какія оно имѣетъ въ греческомъ подлинникѣ. Въ послѣднемъ оно «не вездѣ удержалось на строгой почвѣ православнаго вѣроученія и впало въ тонъ латинства», а именно въ ученіи о евхаристіи, о таинствѣ священства, о канонѣ книгъ св. Писанія. Въ русскомъ переводѣ тщательно сглажены всѣ пункты, отзывающіеся латинствомъ (Робертсонъ, Исторія Христ. Церкви, т. 2, стр. 1076 и примѣчаніе). Тѣмъ не менѣе и въ такомъ видѣ оно, какъ утверждаетъ редакторъ «Миссіонерск. Обозр.» Никита Гринякинъ, подобно догматикѣ митр. Макарія, «не совсѣмъ свободно отъ замѣчаній академической критики» («Миссіонерск. Обозр.», 1903 г., № 8, стр. 1164).

III.

РАЗНОВѢРІЕ РУССКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ ЦЕРКВЕЙ.

Русская господствующая церковь и по своему вѣроученію, и взглядамъ, и по внутреннему разложенію, и практическому пути стоитъ гораздо ближе къ папскому Риму, чѣмъ церковь греческая. Во взглядахъ на первѣйшее христіанское таинство — св. крещеніе русская

господствующая церковь кореннымъ образомъ расходится съ греко-восточной церковью.

«Всѣмъ намъ хорошо извѣстно, — говоритъ проф.-свящ. М. Чельцовъ, бывшій миссіонеръ петербургской епархіи, — что греки не признаютъ латинскаго обливательнаго крещенія и отъ приходящихъ изъ латинства въ греческую вѣру требуютъ перекрещиванія. При такомъ отношеніи къ крещенію они, естественно, не признаютъ и хиротоніи католической, не принимая католическихъ духовныхъ лицъ въ сущемъ санѣ. У насъ на Руси совсѣмъ другое. Обливательное крещеніе латинъ не только признаемъ за истинное, но и у себя его допускаемъ, а духовныхъ лицъ ихъ принимаемъ лишь третьимъ чиномъ—черезъ отреченіе отъ ересей. Такимъ образомъ, если мы смотримъ на крещеніе, какъ на неповторяемое таинство, то у грековъ взглядъ совершенно другой» («Церковно-обществен. жизнь», 1907 г., № 10, стр. 294). На это разногласіе, а также и на другія, указываетъ и проф.-протоіерей П. Свѣтловъ. «Въ настоящее время, — говорится въ журн. «Вѣкъ» со словъ прот. Свѣтлова,—немалая разница замѣчается между церковью русской и греческой, и однако та и другая одинаково именуются «православною». Различіе между ними не только въ богослужебныхъ обрядахъ и особенностяхъ церковнаго строя и управленія, хотя и это не маловажно: у насъ церковно-государственная форма управленія и епископско-чиновничья форма внутренней церковной организаціи,—въ константинопольской церкви управленіе церковно-народное и епископально-общинная организація. Разногласіе идетъ

дальше, захватывая принципіальную сторону». «Казалось бы, если истина одна, то съ точки зрѣнія этой истины извѣстное явленіе должно получать одинаковую оцѣнку. На самомъ дѣлѣ въ данномъ случаѣ этого нѣтъ; обнаруживаются разныя точки зрѣнія, очевидно, потому, что исповѣдуемое ученіе тамъ и здѣсь не вполнѣ тождественно. Не безъ основанія поэтому говорятъ о православіи греческомъ и православіи русскомъ, какъ различныхъ явленіяхъ» («Вѣкъ», № 25 за 1907 г.).

О латинскомъ обливательномъ крещеніи въ греческой Кормчей, служащей обязательнымъ руководствомъ для всей греческой церкви, говорится: «Мы утверждаемъ, что крещеніе латинянъ есть *лженменное крещеніе* и не можетъ быть принято ни по строгости, ни по снисхожденію,—по строгости потому: 1) что они еретики. Нѣтъ никакой нужды доказывать это, ибо одно то, что мы имѣемъ такую ненависть и такое отвращеніе къ нимъ столько вѣковъ,—одно это явно показываетъ, что мы гнушаемся ими какъ еретиками, какъ, напр., аріанами, савелліанами... Кто желаетъ познакомиться съ ересями ихъ изъ книгъ, можетъ найти все это въ книгахъ Досиѳея,—этого бича папства,—и Минятія. Но довольно и того, что свидѣтельствуетъ о нихъ Маркъ Ефесскій: «Насъ не иное что, — дерзновенно говоритъ онъ на флорентійскомъ соборѣ, — отдѣляетъ отъ латинянъ, какъ то, что они суть не только схизматики, но и еретики»... Слѣдовательно, какъ еретики, они *суть некрещеные*, по Василію Великому, Кипріану и Фирмиліану; ибо съ

тѣхъ поръ, какъ отторглись отъ православной церкви, сдѣлались мірянами, не имѣютъ уже благодати Св. Духа, силою которой православные священники совершаютъ таинства. 2) Латиняне суть некрещеные потому, что не дѣлаютъ при крещеніи трехъ погруженій, что принято въ православной церкви отъ апостоловъ» («Пидаліонъ», изслѣд. Никольскаго, стр. 246).

Греческая церковь принимаетъ къ себѣ латинъ, какъ язычниковъ, снова крестя ихъ. Русская же церковь не только принимаетъ отъ латинъ крещеніе, признавая его дѣйствительнымъ и святымъ, но принимаетъ отъ латинской церкви и хиротонію, считая ее благодатной и преемственной отъ Христа, не подвергаетъ присоединяемыхъ къ ней латинъ даже муропомазанію, вычитываетъ имъ только такъ называемый «третій чинъ» («Исторія русской церкви», м. Макарія, т. XII, стр. 197 и «Христіанское Чтеніе», 1906 г., іюль стр. 130). Съ точки зрѣнія греческой церкви, русская господствующая церковь принимаетъ подлинно еретическое крещеніе, «ничтожное» и «скверное». Она этимъ нарушаетъ длинный рядъ каноновъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, ниспровергаетъ апостольское установленіе о крещеніи первочинныхъ еретиковъ и погрѣшаетъ въ догматѣ о таинствѣ св. крещенія, сама, такимъ образомъ, вступая въ ряды еретиковъ. По суду греческой церкви, господствующая въ Россіи церковь, принимая латинскую іерархію за дѣйствительную и благодатную, признаетъ, стало быть, дѣйствительность и апостольскую преемственность хиротоніи у еретиковъ перваго чина, подлежащихъ пере-

крещиванію, что противно и древнимъ установленіямъ вселенской Церкви, и здравому смыслу. Въ свою очередь, и русская синодальная церковь, признавая латинское крещеніе дѣйствительнымъ и святымъ таинствомъ, должна въ силу своихъ взглядовъ на это крещеніе осудить греческую церковь за вторичное крещеніе, по ученію русской церкви, дѣйствительно крещеныхъ. Блаженный Августинъ говоритъ, что «повтореніе крещенія надъ еретиками и раскольниками беззаконно, если только таинство сіе совершено надъ ними правильно, т.-е. во имя Отца и Сына и Святаго Духа» («Жизнь и творенія блаж. Августина», изд. Кіевъ, 1855 г., стр. 15). Латинское крещеніе русская церковь, какъ мы видѣли, признаетъ правильнымъ. Св. Епифаній Кипрскій называетъ «великимъ зломъ» перекрещиваніе уже крещеныхъ, хотя бы и еретиками. «Безумный еретикъ (аріанинъ) Евномій,— говоритъ о немъ св. Епифаній,—дерзнулъ на великое зло: онъ перекрещиваетъ тѣхъ, которые уже крещены не только изъ приходящихъ къ нему отъ православныхъ и еретиковъ, но (и) отъ самихъ аріанъ» (Твор. св. Епифанія Кипр., ч. 5, стр. 171). Еще строже осуждаетъ за перекрещиваніе св. Іоаннъ Дамаскинъ. «Исповѣдуемъ же, — говоритъ онъ, — едино крещеніе во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную... Слѣдовательно, подобно тому, какъ однажды совершилась смерть Господа, поэтому и креститься должно однажды... Поэтому, если тѣ, которые крещены во имя Отца и Сына и Святаго Духа и научены тому, что въ трехъ ипостасяхъ едино естество Божества, послѣ перекре-

щиваются, то они снова распинаютъ Христа» (Книга Іоанна Дамаскина, кн. 9, стр. 208). По суду приведенныхъ отцовъ, раздѣляемому русской синодальной церковью, греческая церковь, перекрещивая латинъ, поступаетъ беззаконно, творитъ великое зло и во второй разъ распинаетъ Христа. Конечно, указанные отцы древней Церкви говорятъ не объ обливательномъ крещеніи, совершенно правильно отвергаемомъ греками, а о трехпогружательномъ. Но вѣдь русская господствующая церковь именно обливательное крещеніе считаетъ за дѣйствительное и святое и, слѣдовательно, по ея взглядамъ, греческая церковь отвергаетъ не ложное и ничтожное крещеніе, а настоящее, пріемлемое безъ повторенія, и поэтому она несомнѣно распинаетъ Христа. Таковъ судъ русской синодальной церкви надъ греческой церковью.

Расхожденіе между этими церквами идетъ и по другой линіи. На него указываютъ и протоіерей-проф. Свѣтловъ, и свящ. Чельцовъ. «Въ 1872 г.,—говоритъ о. Чельцовъ,—патріархъ константинопольскій съ своимъ синодомъ, провозгласивъ филетизмъ, т.-е. стремленіе болгаръ къ національно самостоятельной церковности—*проклятою ересью*, произнесъ на экзарха болгарскаго и на всю болгарскую церковь отлученіе. Русскій же синодъ въ своемъ посланіи въ Константинополь по этому поводу, хотя уклончиво и дипломатично, но тѣмъ не менѣе ясно призналъ стремленіе болгаръ къ самостоятельной церковности ничего еретическаго въ себѣ не заключающимъ, фактомъ естественнымъ. Вотъ новый пунктъ расхожденія и опять

далеко не маловажный. И онъ не послѣдній, но о другихъ нѣтъ нужды говорить. И оказывается, такимъ образомъ, что мы съ греками по вѣрѣ нашей, хотя и называемся одинаково «православными», но «православіе» содержимъ далеко не тождественное» (№ 10 журн. «Церковн. Общественная Жизнь», 1907 г., 293—294). Говоря прямѣе, и та и другая церковь, и греческая и русская, давно перестали быть православными.

IV.

БЕЗЪ ПОНЯТІЯ ПРАВОСЛАВІЯ.

Сколько расхожденій, разногласій, противорѣчій существуетъ въ русской господствующей церкви! «Вдумайтесь повнимательнѣе, — приглашаетъ о. М. Чельцовъ, — въ разсужденія, бывшія въ предсоборномъ присутствіи въ Петербургѣ, въ синодѣ: они съ этой стороны очень важны и многое раскрываютъ. Сошлись люди ученѣйшіе, преданнѣйшіе сыны своей церкви, только о ея пользахъ и ревнующіе, люди, изъ коихъ никого никто и никогда не подозрѣвалъ въ неправославіи. И что же? Ни по одному вопросу они не сошлись въ единогласномъ мнѣніи: постоянно большинство и меньшинство. Что это значитъ? А то, что руководящіе принципы, основныя положенія о вѣрѣ правильной у нихъ были неодинаковы. Совершенно справедливо говоритъ о нихъ одинъ церковный публицистъ: «Противорѣчія между сторонами

(членовъ предсоб. присутствія) отнюдь нельзя сводить къ разномыслію въ опредѣленіи значенія каноновъ. Они лежатъ гораздо глубже, въ томъ, что спорящіе имѣютъ разнородныя воззрѣнія на существо Церкви и въ силу этого ставятъ предъ собой совершенно разнородныя задачи, когда говорятъ о церковныхъ реформахъ» («Церковн. Вѣсти.»). Разнородныя воззрѣнія на существо Церкви возможно имѣть только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ у насъ установившагося, точно опредѣленнаго, для всѣхъ обязательнаго понятія о православіи. Быть-можетъ, сильно и совершенно вѣрно замѣтилъ въ одномъ изъ отдѣловъ предсоб. присутствія одинъ изъ его членовъ — проф. И. В. Поповъ, что «православіе во многомъ есть еще искомое, которое богословской наукѣ предстоитъ выяснить». Въ подтвержденіе этого положенія онъ привелъ слѣдующіе примѣры. «Въ нашемъ присутствіи,—говорилъ онъ,— лица, стоящія за широкое участіе клира и мірянъ въ церковномъ управленіи, подвергаются упрекамъ въ протестантствующихъ тенденціяхъ; наоборотъ, представители большинства кажутся имъ католичествующими. Многіе считаютъ катехизисъ Филарета чуть ли не символической книгой, а преосвященный Антоній волынскій, въ православіи котораго, конечно, никто не сомнѣвается, недавно объявилъ, что катехизисъ наполненъ латинскими заблужденіями» («Церковн. Вѣд.», 1906 г., № 48, стр. 66, прилож.).

Нужно замѣтить, что филаретовскій катехизисъ служитъ образцомъ и основаніемъ для всѣхъ богослов-

скихъ книгъ господствующей церкви и ея учебниковъ по Закону Божію. Латинскія заблужденія, слѣдовательно, проникли черезъ филаретовскій катехизисъ во всѣ школы, приходы и семьи господствующаго исповѣданія.

«Самый православнѣйшій въ православіи К. П. Побѣдоносцевъ,—продолжаетъ о. Чельцовъ,—въ своемъ знаменитомъ, распубликованію не подлежащемъ, предложеніи св. синоду отъ 28 іюня 1906 г. долженъ былъ сознаться, что въ православіи нашемъ не все благополучно, что и вѣра наша не чужда нѣкоторыхъ заблужденій. Вотъ что онъ писалъ: «По прямому смыслу Высочайшей резолюціи на всеподданнѣйшемъ докладѣ о созваніи собора каноническому обсужденію его подлежатъ и предметы вѣры, о коихъ въ синодальномъ опредѣленіи не дано никакихъ указаній. Между тѣмъ и въ этой обширнѣйшей области предметовъ, относящихся къ познанію, утвержденію и очищенію отъ разныхъ заблужденій православной христіанской вѣры, также необходима предварительная разработка, при содѣйствіи представителей богословской науки» (Приб. къ «Церковн. Вѣд.» 1905 г., № 45, стр. 1905). Наконецъ, тотъ, кто у насъ офиціально почитается защитникомъ и покровителемъ православной вѣры, Государь Императоръ, въ своей резолюціи на одно изъ синодальныхъ постановленій о созваніи собора написалъ: «Созвать соборъ всероссійской церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго упра-

вленія» (тамъ же, стр. 1899). Нельзя не отмѣтить и того факта, что въ нѣкоторыхъ отзывахъ о церковной реформѣ, представленныхъ епархіальными преосвященными, хотя и не открыто, но все-таки довольно прозрачно просвѣчиваетъ по мѣстамъ мысль, что въ нашемъ вѣроученіи не мало того, что требуетъ коренного пересмотра» («Церковно-Обществен. Жизнь», 1907 г., № 10, стр. 294—295).

Вотъ каково богословіе и православіе господствующей церкви, по сознанію самихъ ея представителей и руководителей и даже главы ея. «Православное исповѣданіе», «Посланіе патріарховъ», «Катехизисъ» митр. Филарета, догматика митр. Макарія — все это книги еретическія, наполненныя разными заблужденіями. И доказываютъ это и утверждаютъ не старообрядцы, а богословы русской синодальной церкви. Мало того, они сознаются, что самое «православіе во многомъ есть еще искомое, которое богословской наукѣ предстоитъ выяснить». Хороша церковь, когда не знаетъ, что же у ней собственно есть православіе и что—чуждое ему. «Одинъ, — говоритъ проф. Лебедевъ, — изъ вышеупомянутыхъ нами профессоровъ духовной академіи, въ чувствѣ возмущенія порядками, господствующими въ нашей церкви по отношенію богословской наукѣ, писалъ такъ: «Никто такъ не боится истины, какъ представители церкви (т.-е. архіереи). «Православіемъ» они признаютъ государственно-національную религію; истиною же они называютъ то, что согласно съ ихъ міровоззрѣніемъ». Авторъ заканчиваетъ свою рѣчь прямымъ и рѣши-

тельнымъ протестомъ противъ такого православія и говоритъ: «православіе, какъ пониманіе христіанства, можетъ быть пріемлемо только въ той мѣрѣ, въ какой оно есть истина. Если же православіе—ложь, оно ни для кого не обязательно» (брош. Лебедева «Слѣпые вожди», стр. 49).

«Офиціальное «православіе», — говоритъ о немъ проф. С. Н. Булгаковъ, — не только отравляло своей казенщиной народную душу, но глубоко пропитало своимъ ядомъ землю, на которой стояло, и долго будетъ этотъ ядъ зачумлять все, что будетъ воздвигнуто на этомъ мѣстѣ. Но все это, къ сожалѣнію, не только прошлое, но и еще горькое настоящее» («Неотложныя задачи», стр. 7).

Трудно указать хотя одинъ вопросъ, на которомъ сошлись бы въ единомыслiи всѣ архипастыри, пастыри, богословы, канонисты, миссіонеры и писатели господствующей церкви. Начиная съ вопросовъ о Богѣ, Христѣ, Церкви, таинствахъ и кончая обрядовыми, богослужебными и дисциплинарными, представители и апологеты господствующей церкви по каждому изъ нихъ расходятся въ разныя стороны, нерѣдко заходя очень далеко отъ подлинныхъ христіанскихъ основъ. Если въ предсоборномъ присутствіи, гдѣ ихъ объединяло общность работы и единство цѣли, они, по свидѣтельству священника М. Чельцова, «ни по одному вопросу не сошлись въ единогласномъ мнѣніи», то какое поразительное разномыслiе и разновѣріе мы наблюдаемъ у нихъ, когда они работаютъ или отдѣльными группами, или каждый въ одиночку. Они еже-

годно издаютъ нѣсколько спеціальныхъ духовныхъ журналовъ, выпускаютъ въ свѣтъ каждый годъ большое количество религіознаго и церковнаго содержанія книгъ, брошюръ, листковъ. Пишутъ и въ свѣтскихъ журналахъ и въ газетахъ. Проповѣдуютъ съ церковной каѳедры, говорятъ съ трибуны Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Богословствуютъ и поучаютъ въ академіяхъ, семинаріяхъ, на публичныхъ и частныхъ бесѣдахъ. Если бы была возможность всю эту дѣятельность представителей и служителей господствующей церкви собрать въ одно цѣлое, то получилась бы преинтересная коллекція самаго противоположнаго качества вещей и всевозможнѣйшихъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Въ это собраніе вошли бы всѣ еретическія вѣрованія и взгляды какъ древнихъ, такъ и современныхъ лжеучителей. Вмѣстились бы и пороки всѣхъ развращенныхъ людей, начиная съ Содома и кончая нынѣшними санистами и саддистами. Попали бы сюда и разнаго рода проявленія язычества и атеизма. Къ сожалѣнію, мы лично не обладаемъ достаточными матеріалами и средствами, чтобы сдѣлать подобное собраніе. Для этого необходима продолжительная работа и не одного, а нѣсколькихъ изслѣдователей. Здѣсь же мы попытаемся дотронуться лишь до нѣкоторыхъ «вещей», болѣе намъ извѣстныхъ и въ болѣе близкой и знакомой намъ области.

V.

О СЫНѢ БОЖІЕМЪ.

О Самомъ Сынѣ Божіемъ, Іисусѣ Христѣ, богословы господствующей церкви имѣютъ различныя представленія и проповѣдуютъ Его по разному. «Въ теченіе двухъ лѣтъ я,—свидѣтельствуетъ нововременскій публицистъ г. Меньшиковъ,—посѣщалъ (въ Петербургѣ) такъ называемыя религіозно-философскія собранія, гдѣ воочію наблюдалъ почти всѣхъ выдающихся представителей ученаго духовенства. За исключеніемъ очень немногихъ (напримѣръ, епископовъ Сергія и Ѳеофана),—остальные меня больше, чѣмъ поразили, они просто ошеломили меня одной ужасною чертою—нерелигіозностью своей. Въ богословскую свою науку они окунулись, видимо, какъ въ хлоръ и вышли религіозно совершенно обезцвѣченными, откровенно равнодушными къ какой бы то ни было вѣрѣ, особенно христіанской. Съ изумленіемъ я встрѣтилъ профессоровъ нынѣ «торжествующей» академіи, профессоровъ въ рясѣ, отрицающихъ («между нами») Божественность Христа, чудо Воскресенія и т. п. Ученѣйшій архимандритъ доказывалъ, что Христосъ невѣрно цитировалъ пророковъ, что въ подлинномъ текстѣ сказано то-то, а не то-то и проч. Именно среди ученыхъ столичной академіи, глядя на нихъ съ широко-раскрытыми отъ удивленія глазами, я убѣдился, что корабль церкви сѣлъ на камень, и камнемъ этимъ является духовная академія» («Письма къ ближнимъ», 1909 г., стр. 894).

Въ Петербургѣ издается духовный журналъ «Странникъ», въ немъ принимаютъ участіе лучшія богословскія и профессорскія силы господствующей церкви. Ежегодно журналъ даетъ своимъ подписчикамъ отдѣльными выпусками по одному трактату подъ общимъ заголовкомъ: «Христіанство, наука и невѣріе на зарѣ XX вѣка». Въ 1909 году былъ данъ восьмой выпускъ, заключающій въ себѣ сочиненіе профессора философіи и психологіи І. А. Лейтона: «Іисусъ Христосъ и современная цивилизація». Редакція «Странника» отзывается объ этомъ сочиненіи очень похвально. «Это,—говоритъ она,—глубоко интересный трактатъ, написанный не только блестяще, но, можно сказать, возвышенно». На самомъ же дѣлѣ, этотъ «возвышенный» трактатъ срываетъ съ Христа Божеское свойство. Для профессора Лейтона Христосъ только «колоссальный религіозный геній» (стр. 15 и 16 трактата) и «крупная историческая личность». «Мы имѣемъ дѣло,—говоритъ онъ,—съ исторической личностью, обладающей высшей степенью творческой силы и вліянія. Если, съ одной стороны, мы не должны безъ дальнѣйшихъ разсужденій принимать то положеніе, что эта личность не имѣетъ ничего равнаго себѣ въ исторіи человѣчества, то мы одинаково не имѣемъ никакого права предполагать, что эта личность можетъ и должна быть поставлена на одну линію съ другими учителями того же порядка, т. е. низведена въ нашей оцѣнкѣ до уровня такихъ наставниковъ религіи, какъ Моисей, Магометъ, Будда и Лаотзе. Если первая точка зрѣнія есть край-

ность ультраконсерватизма, то вторая есть, несомнѣнно, крайность ультракритицизма, который съ самаго начала отказывается видѣть въ личности Христа что-нибудь большее, чѣмъ до извѣстной степени исключительнаго человѣка. Ни та, ни другая крайность не могутъ привести къ созданію правдиваго портрета личности Іисуса Назаретскаго и дать правильное пониманіе Его ученія» (стр. 17).

Въ трактатѣ говорится, что «Христосъ держался ходячаго воззрѣнія на нервныя и умственныя разстройства, какъ на результатъ вмѣшательства злыхъ духовъ» (стр. 21). Авторъ трактата раздѣляетъ иныя «воззрѣнія» на эти «разстройства». Онъ не вѣритъ словамъ Христа и о наказаніи грѣшниковъ (стр. 86); сомнѣвается, чтобы и «выраженія относительно сатаны дѣйствительно принадлежали Христу» (стр. 101). Утверждаетъ, что Іисусу Христу такія явленія въ мірѣ, какъ нравственное зло, «представлялись загадочными» (на той же стр.). Относительно пророчества Христа Спасителя, что при концѣ міра «увидятъ Сына Человѣческаго, грядущаго на облакахъ съ силою многою и славою» (Марка XIII, 26 и Луки XXI, 27) проф. Лейтонъ говоритъ, что это «въ существѣ дѣла не что иное, какъ апокалиптическія наслоенія, или приложеніе ходячихъ апокалиптическихъ выраженій, возникшее въ умахъ учениковъ Христа подъ вліяніемъ неправильно понятыхъ изреченій Его» (стр. 146).

Столь же сомнительное ученіе о Христѣ заключается и въ «православныхъ» учебникахъ, одобренныхъ правительствующимъ синодомъ. Напримѣръ, въ «Начальномъ обученіи Закону Божію» священника Бухарева на вопросъ: «Почему Сынъ Божій названъ Христомъ?»—дается такой отвѣтъ: «Христами или помазанниками издревле называли царей, первосвященниковъ и пророковъ, потому что помазывали ихъ св. елеемъ, чтобы низвесть на нихъ Духа Святаго. Іисусъ Христосъ хотя и не былъ помазанъ видимо, въ видѣ голубя, но Духъ Святой сошелъ на Него при крещеніи. Поэтому онъ и называется Христомъ, или помазанникомъ» (стр. 18, изд. 1898 г.). Значитъ, до крещенія Христосъ не былъ Христомъ. Такое ученіе идетъ отъ древнѣйшихъ еретиковъ гностиковъ, коринѳянъ и другихъ. Св. Ефремъ Сиринъ на слова Евангелія «нынѣ родился вамъ Спаситель» (Лука 2, 11) даетъ такое толкованіе: «Не говоритъ: родился человѣкъ, дабы сдѣлался Онъ Спасителемъ, или дабы Онъ сдѣлался Христомъ, но: «Нынѣ родился вамъ Спаситель», Который и есть именно Спаситель. И не сказалъ: Который долженъ сдѣлаться Христомъ Господнимъ, но: Который уже есть Христосъ Господа (Лука 2, 11)». Въ подстрочномъ примѣчаніи къ этому мѣсту дается поясненіе: «Имѣется въ виду лжеученіе гностиковъ, утверждавшихъ, что Іисусъ только при крещеніи, черезъ сошедшаго на него Эона, сдѣлался Богомъ и Христомъ» («Богословскій Вѣстникъ», мартъ, 1896 г., стр. 39). Въ «Церковной Исторіи» Ѳеодорита говорит-

ся, что и еретикъ «Керинфъ училъ, что Іисусъ родился отъ Іосифа и Маріи, по общему для людей закону, а Христосъ снизшелъ на Іисуса свыше при крещеніи» (Θеодоритъ, час. 6, глава 11).

Извѣстное выраженіе св. Андрея Цареградскаго: «Богъ бѣ въ молчаніи, Его же въ первомъ изреченіи: да будутъ вѣцы нетлѣнно родилъ, сирѣчь во исхожденіи Сприсносущнымъ Духомъ Своимъ Святымъ отъ сердца отрыгнулъ»,—миссіонеры господствующей церкви признаютъ погрѣшительнымъ и еретическимъ, а защитниковъ этого выраженія—нечестивцами и богохульниками. Миссіонерами (Павломъ Прусскимъ, Кругловымъ, Головкинымъ, Зубаревымъ и друг.) изданъ цѣлый рядъ сочиненій, въ которыхъ они доказываютъ, что представлять Бога Отца въ молчаніи и рожденіе Сына въ первомъ изреченіи есть величайшая ересь. «Выходитъ, по этому представленію,—поясняетъ изреченіе св. Андрея Цареградскаго о молчаніи костромской миссіонеръ свящ. Зубаревъ,—что Богъ «бѣ въ молчаніи»; потомъ восхотѣлъ сотворить вѣки, заговорилъ и «родилъ» Сына; при «первомъ» же изреченіи, какъ началъ говорить, «отъ сердца отрыгнулъ» и Духа Святаго. Что можетъ быть нечестивѣе и богохульнѣе этого «изреченія» и «отрыжки», а равно и защиты этого нечестія и богохульства?!» (Брошюра Зубарева: «Бѣлокриничное старовѣріе», стр. 13. Напеч. и въ «Миссіон. Обозр.» 1909 г., № 11).

Въ богословскихъ же книгахъ господствующей церкви содержится и защищается именно это изре-

ченіе о молчаніи Бога Отца и о рожденіи Сына при первомъ звукѣ. Въ «догматическомъ богословіи» епископа Сильвестра излагается ученіе Тертулліана о рожденіи Сына Божія. «Хотя Богъ,—учитъ Тертулліанъ,—и не изрекъ еще (non dum misera) свое Слово, но изначала имѣлъ Его въ Себѣ Самомъ вмѣстѣ съ разумомъ и въ самомъ разумѣ, въ молчаніи измышляя и приводя въ порядокъ то, что намѣревался изречь чрезъ Слово. Ибо помышляя и устрояя въ своемъ разумѣ, Онъ произвелъ То Слово, Которое потомъ произнесъ» («Опытъ догмат. богословія», т. II, § 107, стр. 337). «Это, — объясняетъ еп. Сильвестръ,—лучшая и свѣтлая сторона въ ученіи Тертулліановомъ о Словѣ, такъ онъ здѣсь много свѣта проливаетъ на ученіе предшествовавшихъ ему апологетовъ λόγος ἐνοιάθετος, раскрывая и пополняя то, что или только предполагалось, но не доказывалось, и чрезъ это совершенно отстраняетъ умѣстность упрека имъ въ томъ, будто бы они λόγος ἐνοιάθετος не считали вѣчнымъ ипостаснымъ Словомъ Божіимъ» (стран. 340). То, что миссіонеръ Зубаревъ и иже съ нимъ считаютъ «нечестіемъ и богохульствомъ», епископъ Сильвестръ признаетъ «лучшимъ и свѣтлымъ» и усердно защищаетъ ученіе Тертулліана.

Тертулліанъ училъ, что «Слово, только вышедши изъ Бога (dum ex Deo procedit), и получило свой видъ и полноту (tum etiam ipse sermo speciem et ornatum suum sumit), и въ собственномъ смыслѣ стало Сыномъ, такъ какъ Слово, существовавшее прежде подъ именемъ мудрости, разума и дру-

гими именами, исходя изъ Бога, родилось и стало Сыномъ (Filius factus est Dei, de quo prodeundo generatus est), Сыномъ первороженнымъ, какъ рожденнымъ прежде всего, и единороднымъ, какъ единымъ поистинѣ рожденнымъ отъ Бога изъ лона Его сердца (primogenitus, ut ante omnia genitus, et unigenitus, ut solus ex Deo genitus — propria de vulva cordis ipsius). Развивая далѣе эту мысль, Тертулліанъ даже утверждаетъ, что имя Отца и Сына не есть что-либо существенное въ Богѣ, а случайное, зависящее отъ Его отношеній къ міру по домостроительству, и что было время, когда Богъ не былъ Отцомъ, равно какъ было время, когда не было Сына» (стр. 340). Настоящее ученіе Тертулліана до очевидности еретично и не можетъ быть никоимъ образомъ согласовано со вѣрованіемъ вселенской Церкви. Но епископъ Сильвестръ и въ этомъ пунктѣ ученія Тертулліана не находитъ никакой ереси. «Не трудно видѣть, — говоритъ онъ, — что во всемъ этомъ выражается не та мысль, чтобы Сынъ не существовалъ отъ вѣчности, какъ ипостась, а та, что, существуя отъ вѣчности въ Богѣ, какъ Его внутреннее Слово, только по выхожденіи своемъ изъ Бога для творенія Онъ открылъ Себя, какъ Сынъ, открылъ въ такомъ особенномъ видѣ, въ какомъ доселѣ не существовалъ, пребывая въ лонѣ Божіемъ» (стр. 341). «Не трудно видѣть,—снова заявляетъ епископъ Сильвестръ, — что ученіе Тертулліаново о единосущіи и нераздѣльности Божескихъ лицъ въ общемъ и существенномъ является вѣрнымъ и согласъ-

нымъ съ церковною вѣрою въ Божественность Св. Троицы. Но нельзя не замѣтить, что въ своихъ частностяхъ и подробностяхъ оно еще не достигаетъ той точности и опредѣленности, какую получило въ никейскій періодъ» (стр. 349—350). Въ ученіи Тертулліана, что «было время, когда Богъ не былъ Отцомъ, равно какъ было время, когда не было Сына», епископъ-богословъ господствующей церкви видитъ только отсутствіе точности и опредѣленности. «Правда, — поясняетъ Сильвестръ, — въ изложенномъ Тертулліановомъ ученіи о Троицѣ мы встрѣчаемся иногда не только съ неточнымъ и двусмысленнымъ, но даже съ такого рода фразами и выраженіями, которыя легко могли бы быть вложены въ уста сторонника евіонейскаго или дальнѣйшаго аріанскаго воззрѣнія. Но было бы большою ошибкою на основаніи этого, какъ поступаютъ многіе протестантскіе критики, заподозривать Тертулліана въ невѣрности церковному ученію о Троицѣ, за которое онъ такъ стойко велъ борьбу съ монархіанами. Встрѣчающіеся у него по мѣстамъ неточные и неудачные образы, представленія и выраженія легко объясняются его языкомъ, вообще не слишкомъ выработаннымъ и точнымъ, а также недостаткомъ готовой терминологіи, которою бы можно было пользоваться для обозначенія всѣхъ тонкихъ оттѣнковъ въ ученіи о Троицѣ. Въ общемъ же и существенномъ его ученіе, какъ видимъ, не только не заключало въ себѣ ничего несогласнаго съ общецерковнымъ

ученіемъ о Троицѣ, а, напротивъ, содержало въ себѣ не мало важнаго и полезнаго, что способствовало къ его большему, сравнительно съ прежнимъ, раскрытію и вмѣстѣ съ симъ послужило подготовкою для той окончательной формы, какую имѣло получить оно впослѣдствіи въ дальнѣйшій никейскій періодъ» (стр. 334).

По признанію еп. Сильвестра, рѣшительно нѣтъ ничего ни еретическаго, ни погрѣшительнаго въ ученіи Тертулліана о Св. Троицѣ. Нужно замѣтить, что богословіе епископа Сильвестра ставится въ господствующей церкви выше всѣхъ другихъ богословскихъ книгъ, оно имѣетъ тамъ значеніе большее, чѣмъ даже изданныя соборомъ опредѣленія (см. «Православно-Русское Слово» 1904 г., № 5).

Въ «догматическомъ богословіи» епископа Сильвестра мы находимъ еще такое изреченіе: «Все было въ Немъ (Отцѣ), и Онъ былъ всѣмъ. Когда же восхотѣлъ и какъ восхотѣлъ, Онъ проявилъ въ опредѣленное Имъ время свое Слово, которымъ сотворилъ все... Это Слово родилъ Онъ, какъ Вождя-Совѣтника и Правителя всему сущему. Имѣя Его въ себѣ невидимымъ, Онъ сдѣлалъ Его видимымъ для созданнаго міра, произнося первый звукъ, и рождая свѣтъ отъ свѣта, Онъ даровалъ Господа творенію — свой разумъ, который сначала былъ видимъ только Ему одному и невидимымъ для созданнаго міра, сдѣлалъ видимымъ, дабы міръ, видя Явившагося, могъ спастись» («Опытъ догматическаго богословія», т. II, гл. 2, § 108, стр. 353). Это изреченіе заключаетъ въ себѣ ту же богословскую

мысль, которая выражена въ словахъ св. Андрея Цареградскаго. Миссіонеры утверждаютъ, что эта мысль безусловно еретическая, они объявляютъ ее нечестіемъ и богохульствомъ. Но послушайте, какъ ее понимаетъ еп. Сильвестръ. Приведенное изреченіе принадлежитъ св. Ипполиту, папѣ римскому. «Изъ приведеннаго нами разсужденія Ипполитова не трудно видѣть, — заключаетъ Сильвестръ, — что, подобно Тертулліану, онъ рожденіе Сына относитъ къ домірному времени и Его личное свойство — сыновства поставляетъ, повидимому, въ исключительную зависимость отъ Его внѣшнихъ отношеній къ міру по домостроительству, при чемъ даже утверждаетъ, чего не дѣлалъ и Тертулліанъ, что Сынъ явился собственно Сыномъ только въ воплощеніи. Но это вовсе не значитъ, чтобы Ипполитъ отвергалъ вѣчное существованіе Сына, а тѣмъ болѣе Его существованіе до воплощенія» (стр. 354). Т.-е. Сильвестръ принимаетъ за совершенно православное ученіе изреченіе Ипполита, что Богъ Отецъ родилъ Сына, «произнося первый звукъ», то самое изреченіе, которое миссіонеры господствующей церкви признаютъ и еретическимъ, и нечестивымъ, и богохульнымъ.

Относительно Сына Божія господствующая церковь не пришла къ одному опредѣленному вѣрованію. Какъ нужно мыслить Его во Св. Троицѣ: въ двухъ естествахъ—Божескомъ и человѣческомъ или только въ одномъ Божескомъ? Этотъ догматическій вопросъ представители господствующей церкви рѣшаютъ совершенно по разному. Въ «Житіи» св. Евфросина

Псковскаго говорится: «Да увѣмъ извѣстно, какъ уста благословляютъ пріятно Имя совершенно, Единосущнаго въ Троицѣ, безъ порока въ Божествѣ и человѣчествѣ». Рѣчь идетъ здѣсь, какъ это понятно и безъ поясненія, о Сынѣ Божіемъ. Онъ, по «Житію» преподобнаго Евфросина, вѣруется во Св. Троицѣ въ двухъ естествахъ — Божескомъ и человѣческомъ. Такое вѣрованіе Питиримъ, митр. нижегородскій, призналъ въ извѣстной книгѣ «Пращица» противнымъ св. Церкви мудрованіемъ и явно еретическимъ. По понятію Питирима, Сына Божія должно признавать въ обоихъ естествахъ только тогда, когда мы Его представляемъ «Единаго отъ Троицы». А кто будетъ вѣровать, что и во Св. Троицѣ Единосущный Сынъ Божій въ двухъ естествахъ, тотъ, по заключенію Питирима, всей Троицѣ «наноситъ пріятіе плоти». «Зри здѣсь всякъ,—богословствуетъ Питиримъ,—яко писатель преподобнаго Евфросина, вышеписаннымъ противнымъ о Бозѣ мудрованіемъ, показуетъ быти неправославна: понеже показуетъ имя Единосущнаго въ Троицѣ, въ Божествѣ и человѣчествѣ, и симъ наноситъ пріятіе плоти не единыя ипостаси, но всея Св. Троицы. И таковое противное о Бозѣ мудрованіе не буди намъ и помыслити на преподобнаго Евфросина: онъ бо имя Единосущнаго Бога въ Троицѣ славимаго и покланяемаго не мудрствовалъ въ человѣчествѣ быти, якоже оный писатель, но мудрствовалъ Единаго отъ Троицы Единороднаго Сына во двою естеству, въ Божествѣ и человѣчествѣ. И по сему писатель, якоже прежде еретикъ

показася, проповѣдуя воплотившагося Духа Святаго тако и здѣ явный еретикъ обрѣтеся, показуя имя Единосущнаго въ Троицѣ, Божествѣ и человѣчествѣ, сирѣчь просто рѣши: вся Троица въ Божествѣ и человѣчествѣ, и таковое мудрованіе всей св. Церкви по всему противно» («Пращица», отвѣтъ на 18 вопросъ, лис. 69, по изд. 1752 г.). «Пращицу» издалъ правительствующій синодъ. Она выражаетъ вѣрованія и взгляды не Питирима только, но всей синодальной іерархіи. Составитель «Пращицы» и издатель ея, повидимому, и не подозрѣвали, что они свою же церковь осудили въ «явномъ еретичествѣ». То, что выражено въ «Житіи» пр. Евфросина, мы находимъ въ книгѣ «Скрижаль», утвержденной соборомъ 1667 г., и другихъ книгахъ господствующей церкви. «Яко идѣже, — говорится въ «Скрижали», — познавается или исповѣдуется таинство Святыя Троицы въ образованіи, или въ именѣхъ, тамо есть и Сынъ Божій во двою естеству» (лис. 8 обор.). Повелѣваемъ «тремя первыми персты воображати на лицѣ нашемъ честный крестъ, и симъ исповѣдати Святыя Троицы тайну, вкупѣ и смотрѣнія» (стр. 806).

«Зри здѣ всякъ,—заключимъ словами «Пращицы», —яко симъ противнымъ о Бозѣ мудрованіемъ «Скрижаль» показуетъ себя быти неправославна: понеже показуетъ имя Единосущнаго въ Божествѣ и человѣчествѣ и симъ наноситъ пріятіе плоти не единыя ипостаси, но всея Св. Троицы». «И посему» весь соборъ 1667 г., утвердившій своимъ авторитетомъ книгу

«Скрижаль», по суду Питирима, «явнымъ еретикомъ обрѣтеся».

Укажемъ еще на одно мѣсто, дающее понятіе о вѣрованіи господствующей церкви во Св. Троицу и о той удивительной терминологіи, которой выражается это вѣрованіе. Въ Служебной Минеи, напечатанной по благословенію синода въ Кіево-Печерской лаврѣ въ 1787 г., читаемъ въ богородичнѣ: «Безъ матерняго на небеси паче мысли и слуха, на земли безъ Отца родила еси: Того Богородице моли о душахъ нашихъ» (іюль, 24 дня, служба свв. Борису и Глѣбу, на утрени по 1-й стихологіи). По этому тексту выходитъ, что Сынъ Божій родился безъ матери на небесахъ, значитъ созданіе небесъ предшествовало рожденію Слова отъ Отца. Можетъ быть, выраженіе «на небеси» можно объяснить въ возвышенномъ пониманіи, т.-е., что оно употреблено здѣсь въ такомъ же духовномъ смыслѣ, въ какомъ мы представляемъ очи Господа, мышцы, руки и т. п., чтобы такимъ образомъ дать людямъ болѣе доступное ихъ пониманію опредѣленіе. Но какъ объяснить, что Богородица «родила Того» «безъ матерняго на небеси», какъ богословствуется въ приведенномъ богородичнѣ?

Выше мы указывали (см. гл. II), что, по признанію богослововъ господствующей церкви, въ самомъ «Православномъ исповѣданіи», этомъ фундаментѣ богословія господствующей церкви, изложено неправославное ученіе о Христѣ, «какъ жрецѣ кроваваго культа» и о страданіяхъ Его на крестѣ одной только плотію («Великороссійское и малороссійское

богословіе XVI и XVII вв.», іеромонаха Тарасія стр. 75—76 и 102). Спорятъ между собою богословы господствующей церкви и относительно «идеи страждущаго Мессіи». Извѣстный своей ученостью проф. Н. Глубоковскій утверждаетъ въ книгѣ «Обращеніе Савла и Евангеліе св. апостола Павла», что эта идея не была «первѣйшимъ догматомъ апостольскаго благовѣстія» (стр. 42). Другой же профессоръ-богословъ, протоіерей П. Свѣтловъ, держится другихъ мыслей по этому же вопросу (см. его книгу: «Что читать по богословію», стр. 168). Совершенно различныя теоріи излагаютъ богословы и объ искупленіи Христовомъ. Одну теорію предлагаетъ проф. В. Несмѣловъ (въ «Правосл. Собесѣд.» 1902 г., сентябрь и октябрь, ст. «Метафизика жизни и христіанское откровеніе», стр. 381 и дал.), другую—«Православная Богословская Энциклопедія» (т. V, стр. 1075—1084); третью—протоіерей П. Свѣтловъ (въ кн. его «Значеніе креста въ дѣлѣ Христовомъ», въ приложеніи очеркъ: «Страничка изъ исторіи догмата искупленія въ русскомъ богословіи», гдѣ и указаны разныя теоріи искупленія). Нѣкоторые изъ богослововъ господствующей церкви откровенно проповѣдуютъ, что Іисусъ Христосъ былъ принесенъ въ жертву не Богу Отцу, а Сатанѣ. «На странныя слова и поступки приходится въ нынѣшнее время наталкиваться православному человѣку,—заявляетъ въ миссіонерской газетѣ «Колоколъ» г. К. Иксуль.—Но, понятно, странность такихъ словъ и поступковъ возрастаетъ во много разъ, когда они исходятъ отъ пастырей церкви, самое званіе и положеніе ко-

торыхъ, казалось, должно бы обязывать къ особенной осмотрительности, вдумчивости и такту въ наше лукавое время. Передо мною № 1416 газеты «Колоколъ» (за 1911 г.), въ которомъ сообщается объ одномъ изъ собраній «христіанскаго содружества учащейся молодежи». На этомъ собраніи священникъ П. Кремлевскій высказалъ и отстаивалъ свое поразительное «богословское» мнѣніе, вѣроятно, памятное еще читателямъ «Колокола». Говоря объ искупительной жертвѣ Спасителя, онъ заявилъ, что жертва эта была принесена не Богу Отцу, а Сатанѣ, потому что Богъ, какъ любящій Отецъ, не могъ требовать этой кровавой жертвы» («Колоколъ», 1911 г., № 1447).

VI.

О ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦѢ.

О Пресвятой Богородицѣ господствующая церковь содержитъ также совершенно различныя вѣрованія. Современные ея миссіонеры и богословы отвергаютъ непорочное зачатіе Богородицы. Протоіерей А. Лебедевъ написалъ большое сочиненіе «О непорочномъ зачатіи», въ которомъ доказываетъ, что это ученіе есть латинскій еретическій догматъ. Въ недавно изданной миссіонеромъ-генераломъ В. Скворцовымъ брошюрѣ свящ. К. Околовича: «Не противорѣчитъ ли Слову Божію ученіе католической церкви о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы?»—доказывается, что это ученіе противно священному Писанію. Съ особеннымъ рвеніемъ доказываетъ еретичность ученія о не-

порочномъ зачатіи владимірскій миссіонеръ о. Акцинетровъ. А, между тѣмъ, этого ученія держались виднѣйшіе архипастыри новорусской церкви. Оно вошло въ каноническую ея книгу, принято соборнѣ и до сихъ поръ остается непзмѣннымъ догматомъ церкви. «Въ XVII в.,—говоритъ прот. Лебедевъ,—нѣкоторые изъ западно-русскихъ ученыхъ, какъ-то: св. Дмитрій Ростовскій, Лазарь Барановичъ, Іоанникій Галятовскій и Антоній Радивиловскій держались ученія о непорочномъ зачатіи и открыто проповѣдывали его, на каковой случай о. Гагаринъ указываетъ, какъ на свидѣтельство всеобщаго вѣрованія русской церкви въ латинскій догматъ. Но этотъ случай съ очевидностью засвидѣтельствовалъ, что это ученіе было заимствовано отъ латинянъ подъ вліяніемъ особенныхъ обстоятельствъ южно-русской церкви, и въ особенности кіевской академіи того времени,—и что церкви великорусская и греческая, не имѣвшія непосредственнаго соприкосновенія съ латинскою, оставались чистыми, какъ отъ этого, такъ и отъ подобныхъ латинскихъ новоученій. Поэтому пока ученіе о непорочномъ зачатіи держалось въ предѣлахъ южно-русской церкви, оно оставалось, какъ частное мнѣніе нѣкоторыхъ, незамѣченнымъ, но, какъ скоро вошло въ столкновеніе съ строгимъ православіемъ великорусской церкви, оно было замѣчено и отвергнуто, какъ латинское заблужденіе, вмѣстѣ съ другими подобными» (въ книгѣ прот. А. Лебедева «О непорочномъ зачатіи», стр. 103—104). Протоіерей Лебедевъ говоритъ неправду, что ученіе о непорочномъ зачатіи Пресв. Богородицы было

«частнымъ мнѣніемъ» и имѣло мѣсто только въ южнорусской церкви. Мы имѣемъ непререкаемое свидѣтельство, что это ученіе принято всей русской никоновской церковью и утверждено соборомъ 1666—1667 гг., на которомъ принимали участіе и восточные патріархи. Въ книгѣ «Жезлъ», «сооруженной» этимъ соборомъ, говорится: «Женихъ небесный къ невѣстѣ своей въ пѣснѣхъ пѣсней глаголетъ сице: Вся красна еси ближняя моя, и нѣсть порока въ тебѣ. Сказателіе же Божественнаго Писанія въ первыхъ причитываютъ сіе Пречистѣй Богородицѣ. Того ради и въ солнце облеченною невѣстою, юже Іоаннъ святый видѣ во апокалипсіи, во главѣ 12, образована быти глаголется той же Ея чистотѣ и святости нѣцыи присмотряющееся, не усумнѣваются глаголати: яко ниже прародительному грѣху надлежаще, имъ же и православная церковь видится согласовати, поюща, въ день Рождества Ея пресвятого сице: Поемъ святое Твое Рождество, чтимъ и непорочное зачатіе Твое, Невѣсто богозванная» («Жезлъ», час. I, лис. 40 и об., изд. 1908 г.). Профессоръ П. С. Смирновъ говоритъ, что это ученіе «Жезла» есть дѣйствительно «латинское» («Исторія русскаго раскола», стр. 171, изд. 2-е). Но вѣдь опредѣленія собора, утвердившаго «Жезлъ» со всѣми его еретическими мыслями, не отмѣнены и признаются и современной церковью истинными. Въ Государственномъ Совѣтѣ во время преній по старообрядческому законопроекту архіепископъ Николай варшавскій въ своей рѣчи авторитетно заявилъ, что, если признать, что соборъ 1667 г. «по-

грѣшилъ противъ правды», то это, значитъ, «тяжко оскорбить православную церковь» («Миссіон. Обозр.», 1910 г., № 6, стр. 1049). По суду архіепископа Николая, всѣ эти обличители соборнаго ученія о непорочномъ зачатіи Пресвятой Богородицы—разные Лебедевы, Околовичи, Акципетровы, Смирновы — суть «тяжкіе оскорбители православной церкви», ибо утверждаютъ, что ученіе о непорочномъ зачатіи есть не только «погрѣшность противъ правды», это—противность слову Божію, латинскій еретическій догматъ. А его-то и содержитъ вся никоновская церковь въ соборной книгѣ «Жезлъ». Одинъ изъ болѣе видныхъ современныхъ богослововъ господствующей церкви, протоіерей-профессоръ П. Я. Свѣтловъ, дѣлаетъ попытку защитить «латинскій догматъ о непорочномъ зачатіи Пресв. Дѣвы». Этотъ догматъ, — говоритъ о. Свѣтловъ,—«несомнѣнно имѣетъ право на свое мѣсто въ спискѣ догматическихъ отличій церквей римской и православной. Однако различіе это преувеличено полемикою, если въ немъ видятъ на ряду съ другими основаніе къ разобщенію церквей: общенію церквей западной и восточной не мѣшало существованіе на Западѣ этого ученія съ IX вѣка... Ученіе о непорочномъ зачатіи... имѣло цѣлью служить возвеличенію Богоматери, какъ милосердной предстательницы за людей и санкціонировало благоговѣйное почитаніе Божіей Матери среди западныхъ христіанъ. Такимъ образомъ оно вытекало изъ хорошаго источника... Католики могутъ спросить, какимъ непререкаемымъ церковнымъ авто-

ритетомъ или на какомъ вселенскомъ соборѣ ихъ ученіе осуждено, какъ ересь?» (Прот. Свѣтловъ: «Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи», т. I, стр. 189 и слѣд., изд. 1910 г., цит. въ ж. «Вѣра и Жизнь», 1911 г., № 3, стр. 61).

Справедливость требуетъ дополнить, что соборъ 1667 г., «сооружившій» книгу «Жезлъ», утвердилъ и другую богословско-символическую книгу «Скрижаль» и повелѣлъ имѣть ее «въ великѣй чести ради многихъ богословскихъ разумовъ и таинъ церковныхъ, яже имать и содержитъ въ себѣ» (Дѣянія собора 1666—1667 г. г., гл. 25, лис. 16). Въ числѣ «многихъ богословныхъ разумовъ» «Скрижали» содержится и такое хульное «таинство» о Пресвятой Богородицѣ, прославляемой «честнѣйшую херувимъ»: «Убо не роди Дѣва съ растлѣніемъ, но Святому Духу пришедшу на Ню и очистившу словомъ архангела Гавріила: зане скверна прародительна бяше въ Ней» («Скрижаль», стр. 651). По одной соборной книгѣ, господствующая церковь признаетъ Пресвятую Богородицу непричастной прародительному грѣху; по другой, тоже соборной книгѣ, объявляетъ ее имѣвшей «прородительную скверну». Удивительное богословіе.

VII.

О ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ЗАЧАТІИ.

Въ «Жезлѣ» содержится такое ученіе о человѣческомъ зачатіи: «Вѣдати подобаетъ, яко общее составленіе плоти нашея сице бываетъ, якоже естественныхъ таинъ имѣющія искусство глаголютъ: Первѣе зачинается от-

роча изъ сѣмене, еже по малу огустѣваетъ и дѣйствомъ естества мужескъ полъ черезъ 40 дній воображается, пріемля по малу образы всѣхъ членовъ и возрасту достойный воодушевленія. Женскъ же полъ черезъ 80 дній и растетъ, и воображается по малу. Та же, егда вообразится зачатое, тогда Богомъ одушевляется» («Жезлъ Правленія», часть 1-я, лис. 31 и об., издан. 1908 г.).

Мы не будемъ судить объ этомъ ученіи съ церковной и святоотеческой точки зрѣнія. Это, какъ мы ужъ заявляли, не входитъ въ задачу настоящаго сочиненія. Мы задались цѣлью указать на разнообразіе и самопротиворѣчіе въ ученіи господствующей церкви, на то, что сами богословы ея и архипастыри опровергаютъ ученіе и опредѣленія своей церкви и доказываютъ ихъ еретическую сущность. Относительно ученія «Жезла» мы имѣемъ слѣдующее сужденіе «Православно-Русскаго Слова», издававшагося «обществомъ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви»: «Что касается обвиненія православной церкви въ оригеновской ереси,—читаемъ въ «Православно-Русскомъ Словѣ»,—то это значитъ--совершенно забывать, что Оригенъ былъ осужденъ на V вселенскомъ соборѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и его ученіе о времени зачатія души. Правда, въ «Жезлѣ Правленія» Симеона Полоцкаго повторяется оригеновская мысль, что душа въ человѣка приходитъ послѣ, однако, «Жезлъ»—неканоничная книга, и въ немъ возможны погрѣшности и неточности, какъ это видно въ дан-

номъ мѣстѣ; а потому, чтобы узнать вѣрованіе церкви православной по этому вопросу, надо обратиться къ догматическому изложенію, напримѣръ, епископа Сильвестра. Тутъ мы находимъ, что православная церковь согласно съ ученіемъ вселенскихъ соборовъ вѣритъ въ зачатіе души вмѣстѣ съ тѣломъ» («Православно-Русское Слово», за 1904 г., № 5). Любопытно это заявленіе, что «Жезлъ»—неканоническая книга. Какъ же неканоническая, если она утверждена «великимъ соборомъ» и принята всей церковью. Во всякомъ случаѣ «Жезлъ» авторитетнѣе теперешнихъ богословскихъ книгъ господствующей церкви, болѣе двухсотъ лѣтъ не собирающей соборовъ, ни великихъ, ни малыхъ. Въ оригеновской ереси обличали книгу «Жезлъ» еще предки старообрядцевъ, обличаютъ и нынѣ начетчики старообрядческіе. Но защитники новообрядчества до сихъ поръ и на публичныхъ бесѣдахъ, и въ печатныхъ произведеніяхъ отстаиваютъ эту ересь съ поразительнымъ упорствомъ. Нужно замѣтить, что журналъ «Православно-Русское Слово», изъ котораго мы привели признаніе, что въ «Жезлѣ» дѣйствительно содержится оригеновская ересь, редактированъ лучшими богословскими силами господствующей церкви. Имѣетъ серьезное значеніе и указаніе его на догматику епископа Сильвестра, принятую въ руководство въ духовныхъ академіяхъ. Отсюда понятно, что то, что миссіонеры защищаютъ передъ старообрядцами на бесѣдахъ и въ печати, какъ православно-догматическое ученіе, и что принято соборомъ 1666—1667 гг., какъ непреложная истина,—въ современномъ богословіи господствующей

церкви признается оригеновой ересью. Говоря прямѣе, миссіонеры проповѣдуютъ очевидную ересь, осужденную еще на пятомъ вселенскомъ соборѣ. Любопытнѣе всего, что оригеновская ересь «Жезла» опровергается въ «Скрижали» словами св. Аѳанасія Великаго: «Человѣческая убо душа,—говоритъ Аѳанасій В.,—есть существо умное, безплотное, безстрастное, безсмертное, ниже убо ангелъ когда бѣ душа, якоже оригеняне баснятъ, ниже предбываютъ души тѣлесемъ, якоже манихеи догматствуютъ; но якоже каменю и желѣзу сражаему отъ обою раждается огнь: тако и отъ мужескаго и женскаго смѣшенія составитися желаетъ тѣло и душа» (Скрижаль», стр. 21).

VIII.

УЧЕНІЕ О ЦЕРКВИ.

Больше всего противорѣчій и курьезовъ заключается въ ученіи современныхъ богослововъ и миссіонеровъ о Церкви. Отмѣтимъ лишь нѣкоторые изъ нихъ.

1. Академическіе богословы дѣлятъ церковь на двѣ половины: на учащую и учимую, при чемъ роль послѣдней заключается въ безусловно рабскомъ подчиненіи церкви учащей, которая одна только признается хранительницей Божественной истины и непогрѣшимой въ дѣлахъ вѣры. Но и въ этой учащей церкви нужно отличать низшую іерархію (священниковъ и діаконовъ) отъ высшей (епископовъ), которая собственно и обладаетъ даромъ непогрѣшимости; низшая же іерархія есть только

послушное и абсолютно подчиненное епископству стадо. Высшая іерархія, въ свою очередь, завершается безконтрольнымъ и безотвѣтственнымъ главенствомъ надъ ней синодальнаго оберъ-прокурора. Безъ его воли іерархія ничего не можетъ сдѣлать. Такимъ образомъ, источникомъ всякой истины и хранителемъ дара непогрѣшимости является, въ сущности, одинъ только ларчикъ—оберъ-прокуроръ правительствующаго синода. «Мы, какъ чада церкви православной,—говоритъ митр. Макарій,—когда говоримъ, что хранительницею и истолковательницею Божественнаго откровенія поставлена была Церковь, то разумѣемъ о д н у ц е р к о в ь учащую, или священную іерархію» («Введеніе въ православное богословіе», пар. 135, стр. 364, изд. 1897 г., Спб.), точнѣе говоря, одну только мірскую власть, совершенно поработившую себѣ учащую церковь. Самая жизнь и положеніе учащей церкви свидѣтельствуетъ объ этомъ. Нѣкоторые изъ писателей и богослововъ господствующей церкви, съ болѣе чуткой душой и безпокойной трепещущей совѣстью, смѣло заявляютъ, что дѣленіе церкви на учащую и учимую есть плодъ, пересаженный съ латинской и протестантской почвы. Протоіерей П. Свѣтловъ заявляетъ, что «въ русскомъ богословіи понятія о Церкви, и значеніи въ ней епископской власти конструрируются по католическимъ образцамъ» («Вѣра и Жизнь», 1911 г., № 3, стр. 63, у Свѣтлова: «Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи», стр. 187 и слѣд.). Извѣстный богословъ А. С. Хомяковъ говоритъ, что дѣленіе церкви на учащую и учимую было установлено сначала въ рим-

ской церкви, потомъ оно перешло въ протестанство; «разница лишь въ томъ, что въ римскомъ исповѣданіи оно существуетъ по праву, въ силу признаннаго закона, а въ протестантствѣ только какъ фактъ, и еще въ томъ, что мѣсто священника занялъ ученый» (Сочиненія Хомякова, т. II, стр. 57). Въ господствующей же церкви оно существуетъ и по праву, и какъ фактъ, при чемъ въ особомъ специфическомъ видѣ. Въ замѣчательной книгѣ епископа Евдокима «На зарѣ новой церковной жизни» говорится: «Раздѣленіе церкви на учащую и обучаемую, въ сущности, дѣло латинское, дѣло вредное для церкви, даже въ смыслѣ способности ея противостоять незаконнымъ притязаніямъ міра. Горькій укоръ, вызванный этимъ положеніемъ дѣлъ, чувствуется во многихъ рѣчахъ и писаніяхъ: вы, молъ, іерархи, отстранили насъ, мірянъ, отъ веденія дѣлъ церковныхъ, вы взывали къ мірской силѣ, въ вашихъ спорахъ съ нами вы монополизировали власть, ну, такъ и вѣдайтесь теперь съ вашимъ союзникомъ-міромъ, когда онъ начинаетъ васъ гнуть въ «бараній рогъ», и нельзя сказать, чтобы упрекъ этотъ былъ неоснователенъ» (стр. 28). Извѣстный епископъ-затворникъ Ѳеофанъ горько жаловался на это разъединеніе іерархіи отъ мірянъ: «Будь неладенъ тотъ,—писалъ онъ,—кто разъединилъ и разбилъ древній добрый союзъ членовъ церкви, такъ вожделѣнный для блага нашего. О соединеніи всѣхъ Господу помолимся, чего у насъ нѣтъ. Одно изъ величайшихъ золъ—полицейская приказническая форма въ дѣлахъ церковныхъ. Она всѣхъ охватила и всѣхъ закалила сѣвер-

нымъ холодомъ, и жизнь замерла. Присмотритесь: у насъ нѣтъ отцовъ въ церкви, а что-то страшное, надзирательное, судебное. Потому отъ отцовъ не течетъ къ дѣтямъ свѣтъ и тепло,—и дѣти стоятъ спиною къ отцамъ» (тамъ же, стр. 35).

Академическіе современные богословы и болѣе видные архипастыри господствующей церкви почти единогласно осудили это преступное и страшно вредное дѣленіе церкви на учащую и учимую. Тѣмъ не менѣе нижегородскій миссіонерскій съѣздъ, состоявшійся въ 1906 г., нашелъ необходимымъ подчеркнуть это дѣленіе въ своихъ резолюціяхъ, засвидѣтельствовавъ этимъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ эту латинскую ересь (см. въ кн. «За первый годъ вѣроисповѣдной свободы въ Россіи», стр. 248, прилож. къ «Миссіон. Обозр.» за 1907 г.). Московскій миссіонеръ, прот. І. Орфанитскій, написалъ въ 1907 г. особую статью съ намѣреніемъ доказать, что «обязанность пастырей—учить, обязанность пасомыхъ поучаться» и что «только епископы поставлены въ качествѣ хранителей церковной истины, и апостольскаго преданія» («Братское Слово», 1907 г. № 22, стр. 303—304).

2. Богословы и миссіонеры синодальнаго «православія» толкуютъ старообрядцамъ о Церкви, что она есть совокупность только православныхъ людей и единство ея заключается только въ нихъ однихъ. Когда лѣтъ 25 тому назадъ знаменитый старообрядческій апологетъ священноинокъ Арсеній Швецовъ, впослѣдствіи уральскій епископъ (нынѣ покойный), высказалъ въ своей извѣстной «Апологіи» мысль, что Церковь Божію со-

ставляютъ христіане «вкупѣ правовѣрніи и кривовѣрніи», какой подняли тогда шумъ оо. и гг. миссіонеры. Они объявили это мнѣніе неправославнымъ и подвергли его злой, насмѣшливой критикѣ. Но прошло съ тѣхъ поръ не болѣе 20 лѣтъ, и миссіонеры стали постепенно вразумляться на шведовскій манеръ, и даже пошли дальше покойнаго владыки Арсенія. Уже въ 1903 г. мы читаемъ въ «Миссіонерскомъ Обозрѣніи» слѣдующее утвержденіе преподавателя тамбовской семинаріи Н. Чиннова, нынѣ миссіонера херсонской епархіи: «Пропасть,—говоритъ онъ,—отдѣляющая еретиковъ (въ широкомъ смыслѣ) отъ Церкви, не для всѣхъ ихъ одинакова. Если для однихъ она непроходима, то для другихъ она не такъ глубока; если одни изъ нихъ совершенно чужды Церкви, то другіе, какъ говоритъ св. Василій Великій, еще не совсѣмъ чужды Церкви, а слѣдовательно, и ея даровъ. Это, конечно, не означаетъ того, чтобы какія бы то ни было еретическія общества сами-по-себѣ были самодовлѣющимъ источникомъ или хранилищемъ благодати Св. Духа, нѣтъ,—благодать можетъ дѣйствовать среди нихъ только постольку, поскольку они еще «не чужды», не порвали окончательно своей связи съ Церковью, единственною хранительницею благодати Св. Духа» («Миссіон. Обозр.», 1903 г., № 8, стр. 1158). Миссіонеръ Чинновъ не одинокъ въ своихъ утвержденіяхъ. Въ томъ же «Миссіонерск. Обозр.» другой миссіонеръ-священникъ Савва Потѣхинъ, пользующійся особымъ авторитетомъ среди своей братіи, помѣстилъ очень обстоятельную и интересную статью подъ огла-

вленіемъ: «Единство Церкви Христовой». Статья написана съ цѣлью дать миссіонерамъ указанія «къ веденію апологетической бесѣды объ этомъ догматѣ». Авторъ ея рѣшительно и убѣжденно заявляетъ, что въ составъ Церкви Христовой входятъ всѣ еретики, и только «развѣ самые безумные сектанты могутъ сказать о себѣ и объ остальныхъ христіанскихъ общинахъ, что они имѣютъ разныя основанія своей религіозной жизни». «Если основаніе Церкви Христовой—вѣра въ Іисуса Христа, какъ Сына Божія,—одно для всѣхъ христіанъ, то,—развиваетъ свою мысль о. Потѣхинъ,—пользуясь апостольскимъ сравненіемъ Церкви Христовой съ домомъ Божіимъ, ни одна отдѣльная христіанская община, ни одинъ, повидимому, отдѣльный домъ Божій, не могутъ сказать, что они отдѣльные, независимо другъ отъ друга стоящіе дома Божіи. У всѣхъ ихъ одно основаніе и одинъ краеугольный камень—Христосъ. Кто бы гдѣ ни проповѣдывалъ христіанство, кто бы гдѣ ни образовалъ христіанскую общину вѣрующихъ въ Іисуса Христа, какъ Сына Божія, онъ только расширитъ жизнь единой Церкви Христовой на то время и на то мѣсто, гдѣ бываетъ принята людьми отъ него вѣра во Христа» («Миссіонерское Обозрѣніе», № 6, 1908 г., стр. 880). «Пусть сквозь густоту вѣтвей одна изъ нихъ не видитъ и не можетъ видѣть другую вѣтвь, но живительный сокъ равно питаетъ обѣ вѣтви и соединяетъ ихъ въ одно древо, пусть нога не знаетъ или не хочетъ знать о существованіи руки, все же оба эти члена со-

ставляютъ одно тѣло, живутъ одною жизненною силою» (стр. 882). Миссіонеръ-священникъ Потѣхинъ далѣе утверждаетъ, что этой, по его мнѣнію, понятной и вѣрной мысли не могутъ уразумѣть только раціоналисты, неспособные мистически проникнуть въ этотъ догматъ. «Только тотъ,—говоритъ онъ,—кто смотритъ на предметы вѣры не очами разума, раціоналистически, какъ сектанты, а внутреннимъ проникновеніемъ въ существо догмата, мистически, очами вѣры, только тотъ можетъ признать, что единая Церковь Христова дѣйствительно существуетъ и существуетъ въ той органической связи, которая соединяетъ съ Богомъ и между собою всѣхъ вѣрующихъ во Христа, какъ Сына Божія, и крещенныхъ по Господню установленію, т.-е. во имя Отца и Сына и Св. Духа. Это единеніе, повторяемъ, таинственное, мистическое, постигаемое только вѣрою тѣми, кто вѣруетъ во едину Церковь Христову» (стр. 883). Отсюда понятно, что, если миссіонеры имѣютъ «очи вѣры» и способность постигать таинственное, то они должны отказаться отъ прежняго горделиваго и самохвальнаго утвержденія своего, что только они одни съ своими единомышленниками составляютъ Церковь Божію, а всѣ другіе христіане совершенно чужды Церкви. Миссіонеръ Потѣхинъ ведетъ ихъ еще къ другому выводу, что всѣ современные намъ еретики войдутъ и въ небесное царство Христа, а наказаны будутъ только одни ересіархи. «Весь грѣхъ отдѣленія отъ церковнаго общенія,—говоритъ о. Савва,—лежитъ не на членахъ этихъ (еретическихъ) церквей, а на произведшихъ

въ былыя времена своими еретическими и раскольническими мнѣніями и образомъ дѣйствій раздѣленіе въ Церкви Христовой. Ересіархи и расколоучители—вотъ кто понесетъ страшную участь суда Божія!.. Нынѣшніе же послѣдователи католичества, англиканства, армянства и другихъ отдѣлившихся отъ общенія съ единою Церковью Христовой, церквей не могутъ подвергнуться страшному наказанію, отрѣшенію отъ Христа и вѣчной погибели. Они неповинны въ томъ, что произошло около тысячи лѣтъ тому назадъ. Также неповинны послѣдователи и всѣхъ другихъ сектантскихъ и раскольническихъ церквей въ самомъ раздѣленіи церквей или отдѣленіи ихъ отъ общенія въ единой Церкви Христовой. Это грѣхъ ихъ далекихъ предковъ» («Миссіонерское Обозрѣніе», № 9, 1908 г., стр. 1155). Устами другого своего сотрудника еще болѣе авторитетнаго, чѣмъ миссіонеръ о. Потѣхинъ, то же «Миссіонерское Обозрѣніе» заявляетъ, что и всѣ старообрядцы, несомнѣнно, войдутъ въ небесныя обители Господа и будутъ вѣчно царствовать со Христомъ («Миссіон. Обозр.», 1903 г., январь, кн. 2, стр. 148—149). Сколько, бывало, миссіонеры пугали старообрядцевъ страшными адскими мученіями. Съ какимъ наслажденіемъ синодальный миссіонеръ о. Крючковъ отводилъ старообрядцамъ «квартиры» въ аду. Какъ онъ горячо, даже съ азартомъ расписывалъ «озеро огненное». А теперь, оказывается, какъ утверждаютъ тѣ же миссіонеры, ни-

чего подобнаго старообрядцамъ не будетъ. Слава Богу! Смилостивились, наконецъ! Да еще какъ смилостивились,—всѣхъ въ рай пригласили: и католиковъ, и англиканъ, и армянъ, и сектантовъ, и еще тамъ кого-то. Этой «милостью» они поставили крестъ надъ своей миссіей. Зачѣмъ она теперь? И безъ ея заботъ Милосердный Господь всѣхъ введетъ въ свое вѣчное царство. Миссіонерамъ дѣлать теперь нечего.

Многіе богословы и пастыри господствующей церкви совсѣмъ отрицаютъ вѣчность мученій за грѣхи и ереси и даже за идолопоклонство. Одного изъ такихъ богослововъ, священника П. Кремлевскаго, изобличаетъ миссіонерская газета «Колоколъ». «Этотъ священникъ во всеуслышаніе предъ ищущей свѣта и знанія молодежью высказалъ оригеновское ученіе о вѣчности мученій, то-есть отрицалъ ихъ, говоря, что онъ, Кремлевскій, не можетъ допустить, «чтобы вѣчно сосуществовало царство Божіе, царство любви и правды и царство зла,—царство діавола, иначе выходитъ, что всесовершенный Богъ ограничивается и какъ бы побѣждается діаволомъ». Мысли, какъ видимъ, не новыя: ихъ высказалъ еще въ 3 вѣкѣ Оригенъ, ихъ повторяютъ и теперь пашковцы и штундисты, говоря, что адъ выдумали «попы», чтобы запугать народъ. Вступать въ богословскія пренія съ этимъ оригинальнымъ богословомъ, конечно, нѣтъ никакой надобности, ибо для всякаго, хотя бы только разъ въ жизни прочитавшаго Евангеліе, странность его словъ очевидна“ («Колоколъ», 1911 г. № 1447). Однако, эти оригеновскія

мысли проводятся и въ богословско-философскихъ журналахъ, издаваемыхъ духовными учрежденіями господствующей церкви. Въ журн. «Вѣра и Разумъ», издаваемомъ харьковской духовной семинаріей подъ редакторствомъ семинарскаго ректора, въ статьѣ И. К. Гладкаго (за 1911 г., № 9) доказывается, что и язычники войдутъ въ Царство Христа. «Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ г. Гладкій,—неужели язычники останутся безотвѣтными на судѣ Божіемъ, неужели они погибнутъ во тьмѣ и не будутъ причастны Божественнаго свѣта?! Гдѣ же тогда правда Божія, гдѣ любовь Божія, которая, если можно такъ выразиться, составляетъ сущность Божества? Если Богъ назначилъ человѣку быть совершеннымъ по образу Бога, если мы вѣруемъ, что совершенствованіе человѣка не ограничивается временемъ его земного существованія, а продолжается безконечно и въ вѣчности, то трудно принять ту мысль, что люди (хотя бы и язычники), перешедши въ загробное существованіе, тотчасъ осуждались и осуждаются на вѣчныя мученія. Допустивъ такую мысль, мы должны отвергнуть смыслъ и значеніе Божественнаго призванія человѣчества къ совершенству въ мѣру Божественнаго совершенства; если бы человѣчество, по переходѣ въ вѣчность, обрекалось на вѣчныя мученія, тогда лучшая способность человѣческаго духа—способность къ развитію, совершенству лишалась бы должнаго отправленія и удовлетворенія. Напротивъ, понятіе о любви и правдѣ Божіей побуждаетъ насъ полагать и вѣрить, что и послѣ смерти человѣка благость Божія даетъ возможность

человѣку «возрасти во спасеніе» (1 Петр. 2, 2), лишь бы онъ былъ способенъ принимать благодать Божію. Поэтому, вѣримъ, что Богъ, «не хотяй смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему» (Іез., 33, 11), «любя безконечно всѣхъ сущихъ въ мірѣ» (Іоан. 13, 1), не допуститъ совершенной гибели своего созданія, носящаго Его образъ, а помилуетъ, и спасетъ, яко благъ, даже и языческое человѣчество» (стр. 289). Редакція журн. «Вѣра и Разумъ» дѣлаетъ примѣчаніе къ ст. Гладкаго, что у него «нѣкоторыя частныя мысли недостаточно развиты и доказаны, а потому принадлежатъ къ категоріи богословскихъ мнѣній, болѣе или менѣе допустимыхъ. Но основныя мысли статьи—несомнѣнны» (тамъ же). Т.-е. и редакція ж. «Вѣра и Разумъ» раздѣляетъ «основную мысль» статьи Гладкаго, что кто утверждаетъ, что язычники будутъ осуждены на вѣчныя мученія, тотъ «отвергаетъ смыслъ и значеніе божественнаго призванія человѣчества къ совершенству въ мѣру божественнаго совершенства».

3. Въ чемъ заключается святость Церкви? Что такое соборность ея? Что нужно понимать подъ апостольствомъ? Съ какого момента получила свое основаніе Церковь? Въ какомъ объемѣ понимается вселенскость Церкви? На всѣ эти вопросы богословы, миссіонеры и писатели господствующей церкви даютъ далеко не одинаковые отвѣты. Одни изъ нихъ святость Церкви видятъ только въ таинствахъ церковныхъ и дѣйствующей въ ней благодати Святого Духа; другіе святость Церкви приписываютъ іерархіи, правомочной творить

таинства, которыя, такимъ образомъ, являются лишь средствомъ передачи освященія. Третьи святость Церкви видятъ въ самой жизни Церкви, въ ея подвигахъ, служеніи, борьбѣ со зломъ и грѣхомъ. Такое же разнорѣчіе получается и при опредѣленіи соборности. Признакъ соборности Церкви, — говорятъ миссіонеры, — заключается въ совокупности разныхъ народностей, входящихъ въ составъ церковнаго тѣла. Останься Церковь хоть на одинъ только мигъ съ однимъ какимъ-нибудь народомъ, — она перестанетъ быть соборной. Сколько же должно входить народностей въ составъ Церкви, чтобы она была вполнѣ соборной, — этого миссіонеры не опредѣляютъ. Нѣкоторые изъ богослововъ понимаютъ соборность въ смыслѣ соборнаго управленія Церкви, въ общей, всѣхъ ея членовъ, жизни и дѣйственности.

4. Относительно самой господствующей церкви существуетъ среди богослововъ ея серьезное разномысліе. Соборная ли она церковь, если два столѣтія въ ней нѣтъ соборнаго управленія? Одни изъ нихъ утверждаютъ, что ея соборность выражаетъ собою правительствующій синодъ. Когда въ 1903 году появился рядъ статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» извѣстнаго Льва Тихомирова, доказавшаго на основаніи синодальнаго регламента и положенія синода въ ряду государственныхъ учрежденій, что его никоимъ образомъ нельзя отождествлять съ соборомъ, «Миссіонерское Обозрѣніе» выступило съ своими возраженіями. Оно, напротивъ, доказывало, что синодъ русской церкви и синодальное управленіе есть именно соборный строй

церкви. Лучшаго управленія и желать нельзя. Другіе же представители господствующей церкви откровенно сознаются, что русскій правительствующій синодъ только пародія на соборъ и сама церковь ничего не имѣетъ въ себѣ соборнаго. «Что строй нашъ неудовлетворителенъ и неканониченъ, объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній, — говорится въ замѣчательной книгѣ епископа Евдокима «На зарѣ церковной жизни», — защищать его могутъ развѣ офиціальные казенные апологеты. Что намъ необходимо возвратиться къ строю соборному, что церковь нашу необходимо освободить отъ мірского вліянія, — это знаетъ и чувствуетъ всякій, вдумчиво и сочувственно относящійся къ дѣламъ нашей церкви. Дурная сторона петровской реформы не въ томъ, что она уничтожила патріаршество и установила синодъ, а въ томъ главнѣйше, что вмѣстѣ съ этимъ упразднился и законный древній соборный строй церкви, не имѣющій ничего общаго съ новымъ синодальнымъ, кромѣ этимологическаго свойства, которымъ и пользуются офиціальные богословы для того, чтобы оправдать нашъ современный строй. «У насъ совершенно законное правильное церковное управленіе, — говорятъ они, — по древнимъ канонамъ церковь управляется соборомъ (по-гречески Συνοδος). Вотъ у насъ и есть этотъ самый синодъ или соборъ. Ничего иного намъ и не нужно. Нашъ соборъ-синодъ даже и лучше древняго, ибо этотъ собирается два раза (прав. 37 св. апост.) въ годъ, а нашъ синодъ засѣдаетъ цѣлый годъ». Но бѣда въ томъ, что это лишь наивная игра

словъ, ибо настоящій законный «синодъ», настоящій «соборъ» состоитъ не изъ нѣсколькихъ высокихъ іерарховъ, созываемыхъ въ дѣйствительности представителемъ мірской власти и дѣйствующихъ въ очень стѣснительныхъ рамкахъ, а всѣхъ, по возможности, іерарховъ русской церкви, притомъ съ привлеченіемъ въ него и низшаго духовенства, даже и мірянъ, не имѣющихъ, впрочемъ, права участвовать въ голосованіи» («На зарѣ новой церковной жизни», стр. 57).

5. Большинство миссіонеровъ подъ апостольствомъ понимаютъ непрерывный рядъ іерарховъ, имѣющихъ на себѣ апостольскую хиротонію. Они признаютъ эту апостольскую преемственность и у еретиковъ. Но есть миссіонеры, которые утверждаютъ, что подъ апостольствомъ нужно понимать не внѣшнюю преемственность іерарховъ, а внутреннюю непрерывную связь Церкви съ апостольскимъ ученіемъ и преданіемъ. Цѣла эта связь, значитъ Церковь хранитъ въ себѣ апостольство. А безъ этой связи она не можетъ быть апостольской. Поэтому ни одно еретическое общество, разорвавшее единство церковное и цѣлость апостольскаго ученія и преданія, не имѣетъ признаковъ апостольства.

6. Академическіе богословы учатъ, что Церковъ новозавѣтная получила свое начало на Крестѣ. Христосъ создалъ ее своимъ искупленіемъ на Голгоѳѣ. Иначе учатъ миссіонеры. Они говорятъ, что Церковь начало свое имѣетъ со дня Пятидесятницы и что основаніе ея составляютъ апостолы, получившіе въ этотъ день необычайные дары Св. Духа, и ихъ преемники, въ которыхъ только, какъ въ какомъ-нибудь цѣнномъ со-

судѢ, хранятся эти великіе дары. Сокрушится этотъ сосудъ или чѢмъ-нибудь загрязнится, — и Духъ Святой уже не можетъ быть въ Церкви.

7. По вопросу, возможно ли теперь быть вселенскому собору, «Миссіонерское Обозрѣніе» заявило въ 1903 г., что въ настоящее время не можетъ быть вселенскаго собора, такъ какъ и сама вселенская Церковь немыслима безъ римской каѳедры. Въ наши дни миссіонеры то и дѣло пугаютъ старообрядчество Римомъ, опасаясь, очевидно, какъ бы въ самомъ дѣлѣ мы не сблизились съ папой. Миссіонеры напоминаютъ старообрядцамъ, что, по суду книгъ «О вѣрѣ» и «Кирилловой», папа есть «наивысшій предотеча антихристовъ», и въ то же время утверждаютъ, что именно безъ этого «предотечи» не можетъ быть ни вселенскаго собора, ни вселенской Церкви. Какъ они зло и низко издѣваются надъ старообрядчествомъ, когда говорятъ о его прошломъ положеніи безъ личнаго въ немъ присутствія епископа. Тутъ выступаетъ на сцену и зависимость отъ еретиковъ, и кощунственное сравненіе присоединеній священниковъ съ незаконными рожденіями, и прелюбодѣйная связь Церкви съ чужими мужьями-епископами и т. п. Но когда тѣмъ же миссіонерамъ приходится рѣшать вопросъ о своей церкви — вселенская ли она и въ правѣ ли созвать вселенскій соборъ, — они, увы, вынуждены сознаться, что безъ «предотечи антихриста» не можетъ быть ни собора вселенскаго, ни Церкви вселенской. Не правда ли, — печальное положеніе. Постоянно чувствовать зависимость отъ еретиковъ, всегда сознавать себя безправ-

ными и безсильными быть Церковью вселенской, — что можетъ быть печальнѣе этой трагедіи? Къ этому нужно прибавить еще, что и соборность Церкви давно утрачена ими. А безъ соборности нѣтъ ни православія, ни истиннаго христіанства. Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ передаетъ, какого взгляда на соборность держатся восточные патріархи. «Мы были, — разсказываетъ онъ,—у константинопольскаго патріарха Іоакима. Іоакимъ пригласилъ насъ (ректора и профессоровъ) послѣ офиціальнаго пріема въ свой кабинетъ, ему прежде всего предложенъ былъ вопросъ о томъ, какъ онъ смотритъ на соборность въ церковномъ управленіи: есть ли соборность необходимое условіе правильнаго теченія всей вообще церковно-религіозной жизни? На это патріархъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвѣтилъ, что соборность составляетъ душу не только православія, но и христіанства вообще, безъ соборности нѣтъ ни православія, ни самаго христіанства» (въ кн. «Передъ церковнымъ соборомъ», стр. 271, изд. 1906 г., Москва).

8. Не только относительно единства, святости, соборности и апостольства Церкви богословы и миссіонеры господствующаго «православія» держатся совершенно различныхъ между собою взглядовъ, но они до сихъ поръ не выработали опредѣленнаго взгляда вообще на Церковь. Загляните-ка въ программу вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію бывшаго въ Кіевѣ миссіонерскаго съѣзда. Тамъ мы находимъ, между прочимъ, такіе вопросы: «По старообрядческому расколу: 1) понятіе объ истинной Христовой

Церкви и времени ея основанія въ ея полнотѣ и жизненности (провѣрить старый вопросъ) и 2) въ какомъ смыслѣ понимать «церковь» въ выраженіи: «аще и церковь преслушаетъ»? («Колоколъ», № 659). Не странно ли такіе вопросы видѣть въ программѣ всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда. Имъ мѣсто въ учебникахъ низшихъ школъ или въ катехизисѣ для учениковъ младшаго возраста. Миссіонеровъ вызвали на съѣздъ, какъ школьниковъ на экзаменъ. 250 лѣтъ они толковали старообрядцамъ о значеніи Церкви Христовой. Написано ими по этому вопросу столько книгъ, что едва ли хватитъ человѣческой жизни, чтобы всѣ ихъ прочесть. И вдругъ—уже въ наши дни они спохватились: да что же такое въ самомъ дѣлѣ истинная Церковь Христова? Сотни лѣтъ они доказывали старообрядцамъ, что въ выраженіи Евангелія: «аще и церковь преслушаетъ» нужно понимать подъ «церковью» никого иного, какъ только іерархію. На этомъ текстѣ они основывали обвиненіе старообрядцевъ въ преслушаніи церкви. Теперь они какъ будто опомнились и рѣшили разобраться: да такъ ли они понимаютъ слова Христа? По ихъ собственному признанію, они еще до сихъ поръ не уразумѣли смысла евангельскихъ словъ. Хороши вѣроучители — нечего сказать. Болѣе 700 миссіонеровъ на кіевскомъ съѣздѣ ломали свои головы надъ этими вопросами, да такъ и не рѣшили ихъ. Они оказались имъ не подъ силу. Разъѣхались изъ Кіева, неуяснивъ себѣ надлежащаго «понятія объ истинной Христовой Церкви». Выше нами цитированная статья миссіонера-священника Саввы Потѣхина о

«единствѣ церкви» печаталась въ «Миссіонерскомъ Обозрѣніи» уже послѣ кіевскаго съѣзда. Редакція этого журнала не согласилась съ существенными положеніями статьи. А о. Потѣхинъ остался при своемъ вѣрованіи и убѣжденіи. Это разногласіе свидѣтельствуетъ, что миссіонеры и послѣ съѣзда дѣйствительно не имѣютъ опредѣленнаго и яснаго понятія о Церкви Божіей и ея свойствахъ. Кому какъ вздумается, тотъ такъ и вѣруетъ.

Миссіонеры все блуждаютъ между трехъ сосенъ и никакъ не выберутся безъ посторонней помощи на вѣрную дорогу. Жалкіе, безпомощные люди. А еще кричатъ, что они обладатели Божественной истины, что они — настоящіе свѣтильники церковные, освѣщающіе путь заблуждающимъ. Этотъ крикъ дѣлаетъ ихъ еще болѣе жалкими. Невольно пожалѣешь ихъ, слабыхъ и безпомощныхъ.

IX.

О КРЕЩЕНІИ.

1. О самомъ первѣйшемъ христіанскомъ таинствѣ — св. крещеніи — богословы и миссіонеры господствующей церкви, да и сама церковь имѣютъ различныя вѣрованія, взаимно уничтожающія одно другое. Мы уже отмѣтили (см. гл. Ш), что греческая церковь въ вопросѣ о крещеніи состоитъ въ расколѣ съ русской синодальной церковью. Она признаетъ крещеніе только трехпогружательное. Совершонное обливательно она отвергаетъ, какъ ничтожное крещеніе. «Смерть Іисуса

Христа, — объясняется въ греческой Кормчей, — была единственнымъ необходимымъ средствомъ спасенія рода человѣческаго; это — непререкаемый догматъ православной вѣры. Безъ нея не было возможности примириться человѣку съ Богомъ... Почему и апостолъ говоритъ: «Врази бывше, примирихомся Богу смертію Сына Его». Образъ смерти Христа выражается въ каждомъ церковномъ священнодѣйствіи. Но по преимуществу онъ дѣйствуется въ таинствѣ крещенія чрезъ совершаемыя въ немъ три погруженія, по преимуществу въ этомъ таинствѣ, потому что во всѣхъ другихъ образъ Господней смерти бываетъ внѣ человѣка, а въ крещеніи самъ человѣкъ на себѣ изображаетъ ее, т.-е. самъ крещающійся образно умираетъ и спогребается Христу въ водахъ крещенія «Елицы во Христа крестихомся, — говоритъ апостолъ, — въ смерть Его крестихомся». Слѣдовательно, для того, чтобы было въ насъ подобіе смерти и трехдневнаго погребенія Христа, необходимо должны быть въ крещеніи три погруженія» («Пидаліонъ», стр. 248). Этотъ догматъ никоимъ образомъ нельзя выразить въ обливательномъ крещеніи. Въ немъ можно изобразить троичность, но погребеніе и воскресеніе Христа не мыслится въ обливаніи. «Елицы во Христа крестихомся, въ смерть Его крестихомся», — эта первооснова христіанской вѣры чужда обливательному крещенію. Восточная церковь поэтому считаетъ самымъ кореннымъ заблужденіемъ латинства принятое въ немъ обливаніе при крещеніи. Въ извѣстномъ «Изслѣдованіи о греческомъ

православіи» инока Варнавы изложена его бесѣда съ александрійскимъ патріархомъ Никаноромъ и съ пилуссійсскимъ митрополитомъ Амфилохіемъ о различіи грековъ отъ латинъ. Варнава спросилъ патріарха: «Какая разница между вами и западными, т.-е. римлянами?» Патріархъ отвѣчалъ: «Какъ же, большая разница: они — еретики». И началъ перечислять ихъ ереси и погрѣшности. Вотъ они въ крещеніи не погружаютъ, а обливаютъ (далѣе продолжалъ говорить объ опрѣснокахъ, объ измѣненіи календаря, объ исхожденіи Духа Святаго отъ Отца и Сына, и нелѣпой власти папской, о нехраненіи постовъ, установленныхъ Церковью и проч.). Варнава: «А вы развѣ не поливаете» (въ крещеніи)? Патріархъ: «Какъ можно поливать, у насъ первый доводъ на римлянъ, что они обливаютъ, а не погружаютъ» («Изслѣдов. о греческомъ православіи», инока Варнавы). Замѣчательно, что и представители русской синодальной церкви, ея архипастыри и богословы, когда обличаютъ латинъ въ ихъ заблужденіяхъ, тоже выдвигаютъ этотъ «первый доводъ», что «римляне обливаютъ, а не погружаютъ». Недавно генеральный миссіонеръ В. М. Скворцовъ издалъ серію брошюръ священника К. Околовича въ обличеніе католическихъ заблужденій. Одна изъ нихъ носитъ заглавіе: «Гдѣ правильнѣе — въ православной церкви или католическомъ костелѣ — совершается таинство крещенія?» «Католическая церковь, — говорится въ этомъ обличительномъ сочиненіи, — отступила отъ православной въ самомъ способѣ крещенія. Ксендзы

крестятъ младенцевъ не чрезъ погруженіе, а чрезъ обливаніе и окропленіе. Такой способъ крещенія утвердился въ католической церкви не ранѣе какъ съ 13 вѣка, — одного изъ мрачныхъ среднихъ вѣковъ, — а до этого времени не только на Востокѣ, но и на Западѣ, какъ это видно изъ сохранившихся требниковъ церкви 15 вѣка и изъ устройства древнихъ крещаленъ, крестили именно чрезъ погруженіе. Обычай православной церкви совершать таинство крещенія чрезъ погруженіе имѣетъ твердыя основанія въ св. Писаніи» (стр. 3). Далѣе приводится рядъ доказательствъ изъ Евангелія и изъ дѣяній и посланій апостольскихъ. Указано и извѣстное апостольское 50-е правило. Въ этомъ правилѣ, — цитируетъ его авторъ миссіонерской брошюры, — «ясно изображено: «Аще кто епископъ или пресвитеръ совершитъ не три погруженія единаго тайнодѣйствія, но единое погруженіе, даемое въ смерть Господню, да будетъ изверженъ». Седьмымъ правиломъ второго и 95 правиломъ шестого вселенскихъ соборовъ постановлено не перекрещивать тѣхъ только еретиковъ, которые крещены въ три погруженія» (стр. 6). Стало-быть, еретиковъ, крещенныхъ безъ погруженій, должно перекрещивать, по смыслу этихъ правилъ, какъ ихъ понимаетъ и авторъ изданной Скворцовымъ брошюры. «Изъ сказаннаго мы видимъ, — дѣлается выводъ въ этомъ сочиненіи, — что крещеніе должно совершаться чрезъ погруженіе, а не чрезъ обливаніе, какъ это произвольно дѣлаютъ у себя католики. Чѣмъ же оправдываетъ римская церковь свой позднiй, произ-

вольный обычай крестить младенцевъ чрезъ обливаніе? Да тѣмъ, что, — говорятъ католики, — младенцы слабы, и погруженіе въ воду можетъ быть опасно для ихъ здоровья; но это оправданіе слишкомъ ничтожно. Въ православной церкви погружаютъ же младенцевъ, и однако-жъ погруженіе младенцевъ не сопровождается болѣзненнымъ состояніемъ ихъ. Притомъ же это оправданіе односторонне: оно касается только младенцевъ, а къ взрослымъ неприложимо» (стр. 4—5). Никакихъ разумныхъ основаній нельзя привести въ оправданіе поливательнаго крещенія. «Только своевольное измѣненіе древнихъ постановленій въ католической церкви было причиною того, что исключительный образъ крещенія посредствомъ изліянія воды на крещаемаго вошелъ на Западѣ во всеобщее употребленіе, какъ-будто утвержденный правилами вселенскихъ или частныхъ соборовъ, и совершается ксендзами такъ, что если бы въ наше время воскресли первенствующіе христіане, то, смотря на обрядъ крещенія, совершаемаго на Западѣ, не узнали бы, какое ксендзами совершается таинство» (стр. 7). Они, конечно, отвергли бы обливательное крещеніе, какъ еретическое и ничтожное. Характерно заключеніе въ этой брошюрѣ: «Мы, православные русскіе люди, счастливы тѣмъ, что все у насъ дѣлается въ церкви не по своему разуму, не такъ, какъ мы желаемъ, а такъ, какъ требуетъ этого Слово Божіе. Мы, поэтому, каждому католику можемъ гордо сказать, что въ дѣлахъ религіи, въ дѣлахъ вѣры и церкви нужно сообразоваться съ богооткровеннымъ

ученіемъ, съ постановленіями св. Церкви, а не со своимъ разумомъ, не съ требованіями удобствъ, капризовъ и прихотей» (стр. 8). Можно ли подумать, что это говоритъ представитель и апологетъ русской господствующей церкви, въ которой именно «все дѣлается по своему разуму» и «по требованіямъ удобствъ, капризовъ и прихотей». Вѣдь такъ говорить, обращаясь къ еретикамъ, можемъ только мы, старообрядцы, не допускающіе у себя ни обливательнаго способа крещенія, ни другихъ какихъ-либо нововведеній, противныхъ постановленіямъ древней св. Церкви. «Гордость же въ дѣлахъ религіи» всѣхъ этихъ Скворцовыхъ, Околовичей и другихъ миссіонеровъ синодальной церкви вызываетъ только смѣхъ. Съ нею они похожи на ворону въ павлиньихъ перьяхъ. Но послушайте, какъ они отчитываютъ католиковъ все за то же обливаніе. «Да, если бы католики читали св. Евангеліе, то они узнали бы, поняли бы, что въ таинствѣ крещенія нельзя только лба чуть-чуть облить водой, но необходимо всего крещаемаго погрузить въ воду, чтобы онъ весь очистился, а не только одинъ лобъ или голова, отъ грѣховъ. Ксендзы нарочно запрещаютъ католикамъ читать Евангеліе и держатъ ихъ во тьмѣ, чтобы они не узнали истину, чтобы заставить ихъ вѣровать выдуманному гордыми папами ученію, идущему вразрѣзъ съ священнымъ Писаніемъ, съ ученіемъ свв. отцовъ Церкви, съ преданіемъ и примѣрами древней вселенской Церкви. Бѣдные католики! Вы покорно идете за своими ксендзами, вы охотно слушаете ихъ ученіе! Вспомните же слова ап.

Павла, который сказалъ, что тотъ, кто благовѣствуетъ не то, что мы благовѣствуемъ, да будетъ анаѳема!» (стр. 8). Жестоко раздѣлались современные богословы господствующей церкви съ обливательнымъ крещеніемъ. Не поскупились и на анаѳему. Подумаешь, какіе ревнители апостольскихъ преданій и установленій.

Въ другомъ сочиненіи, изданномъ обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія, въ составъ котораго входятъ многіе изъ архипастырей господствующей церкви, еще обстоятельнѣе и основательнѣе доказывается необходимость крещенія только трехпогружательнымъ способомъ. «Почему вообще въ православіи крестятъ именно погруженіемъ въ воду?» — такъ озаглавлено это сочиненіе, составленное архимандритомъ Іосифомъ. Приведя слова Христа Спасителя: «Иже вѣру имѣтъ и крестится, спасенъ будетъ», архим. Іосифъ говоритъ, что здѣсь «разумѣется крещеніе именно погруженіемъ, такъ какъ слово «креститься» съ подлиннаго греческаго языка, на которомъ впервые написаны святыя Евангелія, въ которыхъ употреблено это слово, означаетъ именно: окуниваться, окунаться, погружаться въ воду съ головою, — а «крестить» — погружать въ воду съ головою, окунывать, окунать» (стр. 6). «Непосредственные ученики Господа Спасителя, первѣйшіе преемники Его святыхъ дѣлъ и всего служенія, святые апостолы такъ именно и поступали въ совершеніи таинства св. крещенія, какъ приняли совершать оное отъ примѣра и слова своего Законоположителя Господа» (стр. 7). «Такъ же

точно и вообще въ древней Церкви совершалось свя тое крещеніе, какъ это положительно утверждается однимъ изъ правилъ свв. апостоловъ — 50-мъ, а также и свидѣтельствомъ свв. отцовъ Церкви первыхъ вѣковъ» (стр. 8—9). Приводятся изреченія св. Ипполита, папы римскаго, блаженнаго Іеронима, св. Льва, папы римскаго, блаж. Августина, папы Пелагія, св. Григорія Великаго, св. Василія Великаго, и указываются постановленія соборовъ западной церкви: целихитскаго, ворчестерскаго, экстерскаго, нимскаго, утрехтскаго. Всѣ они требуютъ, чтобы таинство св. крещенія совершалось не иначе, какъ трехпогружательно. Таковымъ оно должно быть и въ настоящее время въ церкви православной, ибо «это, — объясняетъ архим. Іосифъ, — очевидное, неуступное, святоревнивое пребываніе въ видимомъ послушаніи установителямъ христіанства и блюденіе этого согласія въ точности есть главная, отличительная черта, это — характеръ единой, святой, соборной или каѳолической, апостольской, православной Церкви. И глубокимъ значеніемъ знаменуется это наше именно погружательное православное крещеніе. Оно всего болѣе и многознаменательно соотвѣтствуетъ тому высшему смыслу, какой имѣетъ это святое таинство въ христіанствѣ, и прямо, наглядно и содержательно выражаетъ собою оный смыслъ, какъ это частью и означено въ приводимыхъ выше извлеченіяхъ изъ писаній отцовъ. Только при погруженіи можетъ быть все тѣло въ водѣ: что и есть знакъ всесовершеннаго очищенія и всецѣлаго освященія, кои

щедротами тріипостаснаго Бога, по вѣрѣ Господа Іисуса Христа, подаются въ таинствѣ святого крещенія». «Когда крещаемый нисходитъ, ниспускается, погружается въ воду, тѣмъ какъ бы погребаетъ съ собою вмѣстѣ все свое ветхое, грѣховно человѣческое въ ней; выходитъ же изъ воды чистымъ, оправданнымъ, обновленнымъ христіанииномъ и видимымъ образомъ какъ бы прямо отрождается, воскресаетъ для этой новой христіанской жизни, подобно Господу своему Іисусу Христу, погребенному въ нѣдрахъ земли по человѣчеству и всеславно воскресшему по силѣ Божества». Такого, — заключаетъ авторъ этого сочиненія, — «подлинно великаго таинственнаго смысла крещенія, изъясняемаго притомъ св. апостоломъ, невозможно выразить обливаніемъ» (стр. 19—20). Но, «можетъ-быть, — продолжаетъ о. Іосифъ, повидимому, прекрасно знакомый съ настроеніемъ своихъ товарищей-богослововъ, — кто-либо скажетъ: вопросъ о способѣ совершенія таинства св. крещенія не представляетъ собственно серьезной важности въ смыслѣ потребности именно погружательнаго крещенія, когда и обливательное или даже поливательное крещеніе тоже есть крещеніе, дѣйствительное для того, чтобы содѣлаться христіаниномъ. И некрещенный погруженіемъ, а только политіемъ воды и даже кропленіемъ есть дѣйствительный членъ Тѣла Христова» (стр. 26). Да, это очень знакомое и намъ разсужденіе. Какъ же его опровергаетъ цитируемый нами авторъ? «Такъ могутъ говорить, — заявляетъ арх. Іосифъ, — только несерьезно относящіеся къ подобнымъ предметамъ».

Вѣдь «ежели Самому Господу Спасителю угодно было установить спасительное таинство св. крещенія именно чрезъ погруженіе въ водѣ и вслѣдъ за Господомъ святымъ апостоламъ и древней Церкви точно держаться установленнаго Господомъ и соединить съ нимъ такое знаменательное глубокое значеніе, то едва ли въ правѣ послѣдующимъ исповѣдникамъ христіанской вѣры дерзать въ установленіе Господне вносить какое-либо личное вчинаніе и, тѣмъ болѣе, измѣненіе. Съ принятіемъ инославныхъ и не могущихъ называться православными обычаевъ и мнѣній, мы, напр., — православные христіане — состояли бы въ опасности унизить и разрушить вселенскій древній чинъ христіанства». «И измѣненіе, отступленіе въ одномъ, обыкновенно, ослабляетъ и подрываетъ цѣлость и твердость всей вѣры, какъ равно наоборотъ: неотступное держаніе своего, небезразличное отношеніе къ дѣламъ своего праваго вѣроисповѣданія, еще болѣе укрѣпляетъ это свое, при несомнѣнно высокомъ достоинствѣ его и чистѣйшей святости. А это уже не малость. Къ этому уже не слѣдъ относиться безразлично» (стр. 27—28). Святая истина. Противъ нея могутъ спорить только маловѣрующія или совсѣмъ невѣрующія лица.

Итакъ, вотъ какое ученіе о св. крещеніи излагается отъ лица русской господствующей церкви въ ея обличительной литературѣ, направленной противъ римско-католическихъ заблужденій. Погруженію при крещеніи придается такой глубокій таинственный смыслъ, что безъ него не можетъ быть самаго таинства. Замѣна

погруженія обливаніемъ или окропленіемъ признается нарушеніемъ основного догмата христіанства о смерти и воскресеніи Христовомъ, противленіемъ Христу и свв. Его апостоламъ, измѣной всей древней Церкви; это — преступленіе, достойное анаѳемы.

Но совершенно другое ученіе той же господствующей церкви о крещеніи мы находимъ въ ея книгахъ и опредѣленіяхъ, направленныхъ противъ старообрядчества. Укажемъ прежде всего на книгу, изданную правительствующимъ синодомъ въ 1727 году. «Истинное оправданіе правовѣрныхъ христіанъ крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ». «Такъ какъ этотъ трактатъ, — говоритъ о немъ священникъ А. Синайскій, — писанъ по распоряженію святѣйшаго синода и изданъ съ его одобренія и согласія, то въ разсужденіяхъ автора его (Ѳеофана Прокоповича) о поливательномъ крещеніи нужно видѣть взгляды высшей церковной власти» («Отношеніе русской церковной власти къ расколу», А. Синайскаго, стр. 118). По взгляду синода, выраженному въ этомъ сочиненіи, «тайнодѣйствіе св. крещенія поливаніемъ творимое, равно какъ и творимое погруженіемъ, есть правильное, важное и дѣйствительное; для совершенія его необходимо водное омовеніе, а омовенія, поливаніемъ ли или погруженіемъ бываемыя, есть дѣло среднее, къ существу дѣла не относящееся, не чрезъ внѣшній образъ омовенія возрождается крещаемый чрезъ прощеніе грѣховъ, а чрезъ внутреннюю благодать Божію, невидимо посылаемую при совершеніи таинства святого крещенія» (тамъ же, стр. 118—119).

Хотя прошло уже 187 лѣтъ со времени изданія книги Ѳеофана Прокоповича, но, судя по ея содержанію и аргументаціи, авторъ ея какъ будто имѣлъ подъ руками вышецитированныя нами современныя сочиненія богослововъ господствующей церкви и разбираетъ изложенныя въ нихъ основанія шагъ за шагомъ. Въ изданиномъ В. М. Скворцовымъ сочиненіи священника К. Околовича разъясняется, что «само слово «крестить», употребленное въ словахъ Спасителя, устанавливающихъ таинство крещенія (Мѳ. 28, 19) — по-гречески «вантизинъ», по-еврейски «табаль» — означаетъ собственно «погружать», «окунывать въ воду». Слѣдовательно, словомъ этимъ ясно указывается на Божественное установленіе не другого какого-либо способа крещенія, какъ только именно способа чрезъ крещеніе» («Гдѣ правильнѣе — въ православной церкви или въ католическомъ костелѣ — совершается таинство крещенія», стр. 4). Синодъ возражаетъ: «Христосъ опредѣлилъ крещенію быти водою, а не опредѣлилъ, дабы всеконечно погруженіемъ было, а не возліяніемъ». Одинаковое значеніе слѣдуетъ признать за обоими видами крещенія со стороны филологической, потому что слово «крещеніе во многихъ мѣстахъ священнаго Писанія означаетъ и погруженіе и обливаніе, и даже окропленіе» (Синайскаго, стр. 119). Противъ указанія на таинственное изображеніе погруженіемъ смерти и воскресенія Христова синодъ замѣчаетъ, что «всѣ тые рѣчи образы внѣшними видимыми дѣйствіями изобразить не узако-

нилъ Христосъ, но токмо узаконилъ омовеніе». «Довольно и отъ сего мощно знать, — богословствуетъ синодъ, — что нужна токмо есть совершать таинство св. крещенія образомъ омовенія, а нѢтъ нужды, дабы омовеніе то было погруженіемъ, а не обліяніемъ: понеже апостолъ крещеніе банею нарицаетъ, а баня омовеніе есть, и какъ погруженіемъ, такъ и поливаніемъ добрѢ совершается» (въ книгѢ «Истинное оправданіе», гл. 3, лис. 14 об.). «НѢтъ нужды совершать подъ единымъ токмо видомъ погруженія, — снова повторяетъ синодъ, — но довольно оное такъ дѢйствовать, дабы изобразилося омытіе» (гл. 5, лис. 19). «Но аще силу св. крещенія разсудимъ, то и вящше увидимъ, что какъ погруженіемъ, такъ и обліяніемъ равнѢ совершается таинство и благодать Св. Духа подается» (гл. 7, лис. 22). «Также силу и вину таинству разумѢвше, не трудно познать можемъ, что не весьма нужно есть погруженіемъ таинство сіе совершать, но равнѢ какъ погруженіемъ такъ и возливаніемъ совершается» (лис. 24). «Кто речетъ, что великаго омовенія, т.-е. погруженія, требуемъ? Вода крестильная дѢйствуетъ и вообразуетъ очищеніе души, то довольно кое-нибудь дѢлать омовеніе души, всякимъ бо омовеніемъ изобразится очищеніе души». «Довольно, — еще разъ подтверждаетъ синодъ, — да нѢкій только видъ омовенія будетъ» (тамъ же, гл. 9). Защитниковъ же трехпогружательнаго крещенія правительствующій синодъ не задумался записать въ «сущіе атеисты и прямые

безбожники». «Какъ не смѣшно, — читаемъ въ «Истинномъ оправданіи», — что пустые и грубые сумасброды, и единой части христіанскаго исповѣданія не знающіе, но только обманою простого народа чреву своему служащіе, сущіе атеисты, прямые безбожники, какъ таковые дерзаютъ крещеніе, поливаніемъ дѣемое, отметать акибы неправильное?» (Предисловіе, лис. 5). Слушайте, современные богословы, какъ вы смѣете отвергать поливательное крещеніе, — спрашиваетъ васъ синодъ? Вы за это безбожники, «сущіе атеисты», безъ всякой что ни на есть примѣси. Кромѣ того, вы — «сумасброды», самые пустые и грубые. Вы даже малѣйшей «части христіанскаго исповѣданія не знаете». Синодъ справедливо называетъ васъ обманщиками, «служащими только чреву своему». Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ инымъ, какъ не самымъ грубымъ обманомъ, должно признать ваше бахвальство предъ католиками, что въ господствующемъ исповѣданіи сохранился «этотъ отличительный характеръ единой святой, соборной, апостольской Церкви, — святоревнивое пребываніе въ видимомъ послушаніи установителямъ христіанства». Отъ этого послушанія и слѣда не осталось въ синодальной церкви, такъ яростно защищающей обливаніе. Неужели вы серьезно думаете, что католики такъ наивны, что не поймутъ вашего лицемѣрія и обмана. Книга, изданная синодомъ въ защиту поливательнаго крещенія, пользовалась и пользуется въ господствующей церкви такою широкою извѣстностью, такимъ огромнымъ авторитетомъ, что на нее нерѣдко ссы-

лаются полемисты этой церкви въ своихъ «обличеніяхъ» старообрядчества. Не менѣе знаменитое, чѣмъ это твореніе Ѳеофана Прокоповича, сочиненіе архіепископа Ѳеофилакта Лопатинскаго «Обличеніе», убѣждая старообрядцевъ, что погруженіе и обливаніе имѣетъ одинаковую силу, отсылаетъ ихъ къ книгѣ Ѳеофана «Истинное оправданіе» («Обличеніе», гл. 9, лис. 46—47). Въ книгѣ «Миръ съ Богомъ», въ ученіи о догматахъ также говорится о равносильномъ значеніи обливанія съ погруженіемъ: «Имать же быти соединеніе формы съ матеріею, сіе есть, имутъ словеса, совершающія сію тайну, глаголаны быти съ погруженіемъ, или поне возліяніемъ трикратнымъ» (стр. 109). Обливательное крещеніе признано въ господствующей церкви правильнымъ и законнымъ въ самомъ зачатіи ея. Другъ Никона, патріархъ антіохійскій Макарій, писалъ ему въ 1656 г.: «Латинянъ не должно перекрещивать: они имѣютъ священство и принимаютъ всѣ седмь таинствъ и всѣ седмь вселенскихъ соборовъ, поклоняются св. мощамъ и иконамъ и всѣ они крещены правильно во имя Отца и Сына и Св. Духа, съ призываніемъ Св. Троицы. Перекрещивать ихъ значило бы впадать въ ересь второкрещенцевъ и противорѣчить символу вѣры, гдѣ сказано: «исповѣдую едино крещеніе». Мы признаемъ ихъ священство и никогда не хиротонисаемъ вновь латинскихъ священниковъ при обращеніи ихъ въ православіе: такъ же должны признавать ихъ крещеніе. Они только схизматики; а схизма не творитъ

человѣка невѣрнымъ и некрещеннымъ, а творитъ только отлученныхъ отъ церкви» («Исторія русской церкви», Макарія, митр. московскаго, т. XII, стр. 197). Годомъ раньше этого посланія Макарія въ Москвѣ состоялся никоновскій соборъ, на которомъ участвовалъ и Макарій антіохійскій. «Отцы собора объявили, что вторичное крещеніе поляковъ незаконно, такъ какъ поляки вѣруютъ и крещаютъ въ Св. Троицу и не настолько разнятся отъ насъ, какъ прочіе еретики лютеране, напримѣръ, шведы, англичане, венгры и другія франскія секты, которыя не соблюдаютъ постовъ, не поклоняются иконамъ, не творятъ на себѣ крестнаго знаменія и проч.» (тамъ же, т. XII, стр. 174). Постановленія этого собора не утратили своей силы и въ наше время. Въ печальные дни разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ старообрядческаго законопроекта одинъ изъ членовъ верхней законодательной палаты объявилъ противленіе этому собору — и именно въ вопросѣ о крещеніи — государственнымъ преступленіемъ. «Какъ въ древней греческой церкви, — говорилъ протоіерей Т. Буткевичъ, — такъ и въ нашей даже соборныя постановленія только тогда получали обязательную силу, когда были одобряемы царскимъ авторитетомъ. Такъ, напр., въ 1655 году проживавшій въ Москвѣ антіохійскій патріархъ Макарій обратилъ вниманіе русскихъ архіереевъ на то, что практиковавшееся тогда у насъ принятіе въ церковь поляковъ (т.-е. католиковъ) чрезъ вторичное крещеніе незаконно. Созванный по этому поводу соборъ

согласился съ Мелетіемъ (нужно съ Макаріемъ) и сдѣлалъ соотвѣтствующее постановленіе. Но для того, чтобы это постановленіе возымѣло силу, царь Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ издать еще особый указъ объ его утвержденіи. Ясно, что раскольники, не признающіе этого соборнаго постановленія, оказываются противниками и царской воли» («Миссіон. Обозр.» 1909 г., № 11, стр. 1699). Ну, а гг. Скворцовы, свящ. Околовичи, архим. Іосифы и другіе обличители латинства, доказывающіе, что обливательное крещеніе незаконно и ничтожно, — они государственные ли преступники или только, по суду синода, «сумасбродные атеисты»? Необходимо замѣтить, что рѣчь Буткевича, сказанная въ Государственномъ Совѣтѣ, была встрѣчена бурными одобреніями со стороны преосвященныхъ законодателей и другихъ представителей церкви. Онъ выражалъ взглядъ не личный, а принадлежащій высшей церковной власти.

Особнякомъ отъ нея стоитъ волынскій архіепископъ Антоній. Въ 1904 году онъ обратился къ епархіальному духовенству съ воззваніемъ объ оставленіи поливательнаго крещенія. «Неоднократно волынскіе архіереи, — пишетъ арх. Антоній, — увѣщевали священниковъ оставить нечестивый обычай обливательнаго крещенія. Его неправильность сознаютъ и сами іереи»... «Теперь главнымъ препятствіемъ къ обращенію старообрядцевъ къ церкви является это нечестивое небреженіе святымъ таинствомъ, какъ они и указываютъ». «Прошу оо.

благочинныхъ, — заключаетъ волынскій архіепископъ свое посланіе, — потребовать, чтобы во всѣ церкви были пріобрѣтены купели, и священниковъ, не умѣющихъ погружать младенца, научить». Замѣчательно, что архіепископъ Антоній, ниспровергая обливательное крещеніе, какъ нечестіе, опирается на соборное изложеніе патріарха Филарета и 79 главу Большого Потребника (см. «Церковныя Вѣдомости» 1904 года, № 28, стр. 1054). Онъ, очевидно, признаетъ ихъ имѣющими законную силу до настоящаго времени. Въ противномъ случаѣ онъ не руководствовался бы ими. Что же говорятъ объ обливательномъ крещеніи приведенныя арх. Антоніемъ авторитетныя законоположенія русской церкви? Они осуждаютъ обливаніе, какъ ересь. «Римская ересь и инѣхъ еретикъ такова», — говорится въ соборномъ изложеніи патр. Филарета: «мудрствуютъ неправо и богомерзко о непорочнѣй бани бытія — о святомъ крещеніи и крещаютъ: водою обливаютъ, а трижды не погружаютъ» (лис. 21, гл. 70 въ Б. Потребникѣ, соборн. изложеніе). Соборное изложеніе требуетъ поэтому вновь крестить римлянъ, «понеже убо еретическое крещеніе (какъ совершонное обливательно) нѣсть крещеніе, но паче осквернѣніе» (тамъ же, лис. 17). Также строго осуждается обливаніе и въ 79 гл. Потребника. «Иже не креститъ въ три погруженія во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будетъ проклятъ» (листъ 72). Именно это проклятіе напомнилъ архіепископъ волынскій Антоній своему духовенству и, такимъ образомъ, призналъ, что и синодъ, рѣшительно выступившій на

защиту обливательнаго крещенія, очень глубоко и основательно погрузился въ это проклятіе. Любопытно, что посланіе Антонія напечатано было и въ синодальныхъ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ».

Предъ нами, такимъ образомъ, два совершенно противоположныхъ между собою взгляда одной и той же церкви на таинство крещенія. Вопросъ о крещеніи оказался для іерарховъ и богослововъ этой церкви крѣпкою костью, около которой они вотъ уже 250 лѣтъ грызутся между собою съ необыкновенной яростью. Они обвиняютъ другъ друга въ богоотступничествѣ, въ попраніи первѣйшихъ догматовъ христіанства, гремятъ анаѳемами, выставляютъ злое обвиненіе въ государственномъ преступленіи, обзываютъ одинъ другого пустыми и грубыми самасбродами, глупцами, сущими атеистами, прямыми безбожниками. За 250 лѣтъ они не могли прійти къ одинаковому вѣрованію относительно таинства крещенія и въ злобныхъ взаимныхъ препирательствахъ по сему вопросу только скрежещутъ зубами. Позволительно спросить, что-жъ это за христіане, если они не знаютъ — какимъ должно быть первѣйшее христіанское таинство, рождающее насъ въ новую жизнь? Но ихъ незнаніе идетъ еще глубже. Они до сихъ поръ еще не уяснили себѣ, изъ чего же собственно слагается таинство крещенія, что составляетъ его сущность.

2. Многіе пастыри и богословы господствующей церкви смотрятъ на таинство крещенія какъ на какое-то колдовство или казенный штемпель, удостовѣряющій законность заштемпелеванной вещи. Они не

придаютъ никакого значенія внутреннему воспріятію крещаемымъ таинства; нисколько не помышляютъ и о Совершителѣ таинства—Духѣ Святомъ. Сущность крещенія они полагаютъ только въ томъ, что сдѣлаетъ священникъ, хотя бы онъ творилъ что-нибудь и несоотвѣтствующее и даже противное истинному крещенію. На иркутскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ 1910 г. удостовѣренъ былъ поразительный фактъ. Начальникъ забайкальской миссіи, архіепископъ Веніаминъ, примѣнялъ антихристіанскій методъ крещенія язычниковъ: безъ всякаго съ ихъ стороны вѣрованія, даже безъ какого бы то ни было понятія о Христѣ и христіанствѣ онъ обливалъ ихъ водой, иногда окуналъ въ водѣ. И этого было достаточно, чтобы считать ихъ «христіанами, просвѣщенными св. крещеніемъ». Какъ происходило подобное кощунственное просвѣщеніе, объ этомъ много разъ сообщалось въ печати. Вотъ одно изъ такихъ сообщеній: «Чтобы увеличить число обращеній въ «православіе», миссіонеры прибѣгали къ разнаго рода подкупамъ. Бывали нерѣдко случаи, когда чукчи принимали крещеніе за нѣсколько фунтовъ табаку. Случалось,—сообщаетъ г. Врангель,—что иные добровольно вызываются и вторично крестятся и явно выражаютъ свое негодованіе, когда имъ въ томъ отказываютъ. Священникъ, пріѣзжающій изъ Нижне-Колымска на время ярмарки въ Островное, обыкновенно находитъ нѣсколько чукчей и ламутовъ, которые, въ надеждѣ получить подарки, согласны на крещеніе. При насъ также одинъ молодой чукча объявилъ, что онъ за нѣсколько фунтовъ черкасскаго табаку желаетъ окре-

ститься. Въ означенный день собралось въ часовню множество народа, и обрядъ начался. Новообращенный стоялъ смирно и благопристойно, но когда слѣдовало ему окунуться три раза въ купель съ холодною водою, онъ спокойно покачалъ головою и представилъ множество причинъ, что такое дѣйствіе вовсе не нужно. Послѣ долгихъ убѣжденій со стороны толмача, при чемъ, вѣроятно, неоднократно упоминался обѣщанный табакъ, чукча, наконецъ, рѣшился и съ видимымъ нехотѣніемъ вскочилъ въ купель, но тотчасъ же выскочилъ и, дрожа отъ холода, началъ бѣгать по часовнѣ, крича: «Давай табакъ! Мой табакъ!» Никакія убѣжденія не могли принудить чукчу дождаться окончанія дѣйствія: онъ продолжалъ бѣгать и скакать по часовнѣ, повторяя: «Нѣтъ! Болѣе не хочу, болѣе не нужно! Давай табакъ!» («Рус. Вѣд.», 1907 г., № 171). Сознательно крестить совершенно невѣрующаго человѣка и обѣщать ему за это вмѣсто благодатныхъ даровъ нѣсколько фунтовъ табаку,— развѣ это не антихристіанскій актъ? Онъ является не случайностью въ миссіонерской дѣятельности того или другого священника господствующей церкви, старающагося во имя карьеры какъ можно больше совершить подобныхъ кощунственныхъ актовъ: это— практическій результатъ богословскаго пониманія таинства крещенія. Разъ сущность крещенія синодальные богословы понимаютъ только въ дѣйствіяхъ священника, то незачѣмъ заботиться ни о вѣрѣ крещаемаго, ни о его мотивахъ принятія крещенія. Табакъ, такъ табакъ,—не все ли равно; лишь бы къ этому

лицу священникъ приложилъ казенный штемпель, кощунственно называемый крещеніемъ.

Бывали случаи, что священники господствующей церкви крестили татаръ даже заочно. Въ 1905 году была подана министру внутреннихъ дѣлъ «записка» мусульманъ, уполномоченныхъ отъ крестьянъ Казанской губ., Тетюшевскаго уѣзда, деревень: Кукшумъ, Балтаевской волости, 2-го Чермшана, Таябинской волости, и Бѣловоложка, Амикеевской волости. Въ «запискѣ» говорится: «Какъ первоначальный актъ причисленія насъ, мусульманъ, въ лоно православія носилъ чисто произвольный и случайный характеръ, такъ и во всѣхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ администраціи и духовенства, направленныхъ къ сохраненію насъ въ православіи, трудно было бы усмотрѣть какую-либо послѣдовательность. Надъ нѣкоторыми изъ насъ совершали обрядъ заочнаго крещенія и записывали въ клировыя вѣдомости православными именами, нѣкоторые же этому обряду неподвергались. И хотя тѣ и другіе фактически исповѣдывали мусульманскую религію, формально они различались другъ отъ друга. Лица первой категоріи считались православными, къ нимъ предъявлялись требованія, какъ къ православнымъ, они подвергались различнымъ преслѣдованіямъ, яко бы за отпаденіе къ магометанству, ихъ судили, наказывалы». (Газета «Русь», 1905 г.; № 58 отъ 7 мая). Любопытно было бы посмотрѣть, какъ ухитряются пастыри синодальной церкви совершать заочное крещеніе: кого они въ данный моментъ обливаютъ или погружаютъ,

надъ кѣмъ совершаютъ мyропомазаніе, постриженіе волосъ, одѣяніе и т. п. дѣйствія. Въ то время, какъ крещаемые заочно татары, можетъ быть, спали или отправляли какія либо естественныя потребности, ихъ вводили въ сонмъ православныхъ какимъ-то страннымъ, чтобы не сказать болѣе, способомъ. Таинство крещенія было превращено въ какую-то своеобразную артилерію, дѣйствующую на далекомъ разстояніи. Живешь себѣ спокойно, ничего не подозрѣвая, и вдругъ тебѣ объявляютъ, что ты—крещенъ. Ловко.

Иркутскій съѣздъ, отмѣтивъ, что «многіе инородцы крещены безъ надлежащаго оглашенія, призналъ необходимымъ, чтобы крещеные инородцы были утверждаемы въ истинахъ вѣры» («Колоколъ», № 1318). Съѣздъ высказался только о крещенныхъ уже инородцахъ. Относительно же приступающихъ къ таинству крещенія онъ не вынесъ опредѣленнаго рѣшенія: нужно ли ихъ предварительно «оглашать», или просто крестить безъ всякаго приготовленія ихъ къ этому таинству? Очевидно, и съѣздъ мало придавалъ значенія душевному перелому крещаемаго лица. И для него крещеніе—не болѣе, какъ заклинательный заговоръ. Третій миссіонерскій съѣздъ, бывшій въ Казани въ 1897 г., постановилъ отбирать у старообрядцевъ дѣтей и крестить ихъ въ господствующей церкви, если они рождены отъ брака, заключеннаго въ этой церкви. Это постановленіе показываетъ, что и казанскій съѣздъ былъ не лучшаго вѣрованія въ таинство крещенія, чѣмъ нижнеколымскій іерей, крестившій чукчу за табакъ. Дѣтей старообрядцевъ іереи господствующей

церкви нерѣдко крестили по насилію. Были распоряженія епархіальныхъ архіереевъ слѣдить за рожденіями въ старообрядческихъ семьяхъ и крестить рожденныхъ младенцевъ безъ воли родителей. Смоленскій епископъ Никаноръ сообщилъ смоленскому губернатору письмомъ отъ 22 октября 1896 г. за № 12409, что «на совратившихся въ иновѣріе, расколъ, сектантство, даже въ язычество, должно смотрѣть юридически, т.-е. если они записаны въ православныя метрическія книги по рожденію, какъ на православныхъ». Епископъ Никаноръ также не придавалъ никакого значенія душѣ человѣка, ея вѣрованію. Нуженъ былъ только штемпель «православія». Въ этомъ и вся суть. Вслѣдствіе означеннаго письма смоленскаго архіерея было сдѣлано распоряженіе всѣмъ полицейскимъ чинамъ Смоленской губерніи: «имѣть строгое наблюденіе за раскольниками при рожденіи и погребеніи, чтобы со стороны ихъ не было отнюдь допускаемо отступленіе отъ установленныхъ закономъ правъ при совершеніи ихъ обрядовъ. И если встрѣтится сомнѣніе, по какому обряду должно быть совершено погребеніе того или другого лица изъ умершихъ у раскольниковъ, т.-е. по православному или раскольниками,—о каждомъ такомъ случаѣ тотчасъ доводить до свѣдѣнія мѣстнаго приходскаго священника и затѣмъ уже руководствоваться его указаніемъ. Для точнаго и неупустительнаго выполненія всего вышеизложеннаго гг. приставамъ, чрезъ посредство подвѣдомственныхъ имъ урядниковъ, сотскихъ, десятниковъ, должно имѣть за всѣмъ этимъ

строгое наблюденіе и независимо отъ сего, чрезъ тѣхъ же урядниковъ, объявить объ этомъ всѣмъ сельскимъ старостамъ, обязать ихъ также сообщать обо всѣхъ случаяхъ: рожденіи и смерти, и другихъ, совершаемыхъ раскольниками обрядовъ къ явному оказательству публичнаго раскола, или мѣстному полицейскому сотскому, или уряднику, а эти послѣдніе обязаны тотчасъ же доносить вамъ для соотвѣтствующихъ распоряженій» (распоряженіе гжатскаго исправника отъ 31 января 1897 г. за № 502).

Старообрядцы въ своей родной странѣ всегда были въ иномъ положеніи, чѣмъ инородцы. Послѣдніе получали всякіе подарки въ придачу за совсѣмъ даровое крещеніе. Старообрядцы же сами дарили всѣмъ, что было у нихъ, и всѣхъ, кому только охота была брать съ нихъ, чтобы только не совершали кощунства надъ ними и ихъ дѣтьми. Но дѣло не въ этомъ печальномъ положеніи коренныхъ сыновъ Россіи, а въ томъ, что пастыри и архипастыри господствующей церкви признавали и признаютъ совершаемое ими крещеніе не таинствомъ, въ которомъ Духъ Святый перерождаетъ душу крещаемаго лица, а простымъ клеймомъ, свидѣтельствующимъ, что заклейменное лицо принадлежитъ къ господствующему исповѣданію, хотя бы оно отступило «даже въ язычество». Насильно совершая крещеніе надъ дѣтьми старообрядцевъ, пастыри господствующей церкви въ этихъ случаяхъ, какъ и во многихъ другихъ, копировали латинскихъ іезуитовъ. Послѣдніе,—говорится о нихъ въ «Христіанскомъ Чтеніи»,—«насильно вторгались въ дома православныхъ

съ предложеніемъ своихъ услугъ и даже тщательно наблюдали, гдѣ родятся дѣти, чтобы поспѣшить совершать надъ ними крещеніе по латинскому обряду» («Христ. Чтеніе», май, 1897 г., стр. 681).

3. Не только надъ невѣрующими людьми господствующая церковь допускаетъ крещеніе, она признала возможнымъ крестить еще нерожденныхъ младенцевъ. «Яко егда неудобное будетъ рожденіе,—говорится въ книгѣ «Миръ съ Богомъ»,—отроча же въ утробѣ матерней, близъ смерти сущее, показывало бы главу точію, или иную начальнѣйшую тѣлеси часть, являющую отроча живо быти; тогда убѣгающи бѣды смертныя на отроча, имать и абіе крестити баба, или кто-либо, поливая ону часть, яже бися показала, и глаголя словеса совершающа: во имя Отца и Сына и Святаго Духа»... «Но аще бы имущая родити умерла не родьши, тогда грѣшатъ иже не изъемлютъ абіе отрочати живаго, прорѣзавши сохранно утробу мертвыя матере и изъемше не крестятъ» (стр. 110). Въ 1910 году почти во всѣхъ газетахъ было сообщено о такомъ фактѣ крещенія: «Интересный случай изъ церковной практики произошелъ на-дняхъ въ одной деревнѣ Уссурійскаго края. Священникъ собирался въ отпускъ и не имѣлъ замѣстителя. Деревенская баба хохлушка, находившаяся въ послѣднемъ періодѣ беременности, видя, что духовнаго отца долго въ селѣ не будетъ, попросила батюшку заранѣе окрестить ребенка, находящагося въ утробѣ матери. Умный священникъ немедленно согласился, при чемъ выдалъ двѣ метрики—на младенца мужского пола (Прокопія)

и женскаго (Евдокію). Мать-роженица, такимъ образомъ, сдѣлалась гарантированной отъ всякихъ формальностей въ будущемъ: мальчикъ родится—будетъ Прокопій, дѣвочка — метрика имѣется на Евдокію» («Утро Россіи», отъ 22 января). Священникъ, въ сущности, исполнилъ то, что предписываетъ книга «Миръ съ Богомъ». Этотъ курьезный случай лишній разъ подтверждаетъ, что духовенство господствующей церкви дѣйствительно смотритъ на таинство крещенія, какъ на какое-то заклинаніе. Что-то тамъ прочиталъ священникъ, что-то сдѣлалъ, и, разумѣется, кое-какъ, съ обычнымъ въ господствующей церкви небреженіемъ,—и вотъ вамъ крещеніе. Извѣстно, что никоніанскіе іереи, глубже другихъ проникнутые подобнымъ взглядомъ на крещеніе, совершали его даже надъ четвероногими животными. Справки объ этомъ имѣются очень скандальнаго свойства. Чтобы не смутить нашихъ читателей, мы ихъ не приводимъ. Достаточно и того, что нами выше указано. И изъ этого ясно, что многіе пастыри и богословы господствующей церкви имѣютъ антицерковное и антихристіанское вѣрованіе относительно первѣйшаго таинства христіанскаго—крещенія, совершаемаго внутри самой церкви ея собственными священнослужителями.

4. Что же касается крещенія, совершаемаго внѣ церкви, то и по этому вопросу богословы и миссіонеры синодальной церкви не пришли къ единому вѣрованію. Миссіонеры, вышедшіе изъ школы Павла Прусскаго, учили и учатъ, идя по слѣдамъ своего учителя, что внѣ церкви не можетъ быть ни одного таинства,

въ томъ числѣ и крещенія. Если же церковь не перекрещиваетъ нѣкоторыхъ еретиковъ, то дѣлаетъ это не потому, что признаетъ за ними дѣйствительность крещенія, а лишь по снисхожденію. Извѣстный отвѣтъ, приписываемый Тимоѳею Александрійскому, что если бы перекрещивать еретиковъ, то «не бися человѣкъ скоро обращалъ отъ ереси, покрещенія стыдяся», приводится въ многочисленныхъ миссіонерскихъ брошюрахъ, написанныхъ и самимъ Павломъ Прусскимъ, и его учениками. Они неуклонно и настойчиво проповѣдуютъ въ своихъ сочиненіяхъ и на публичныхъ бесѣдахъ, что совершенное у еретиковъ крещеніе «нѣсть крещеніе». Право крестить они признаютъ только за православными священнослужителями. Самая вѣра еретиковъ, по понятію этихъ миссіонеровъ, дѣлаетъ ихъ священнодѣйствія преступными и ничтожными. Совершенно иначе смотрятъ на еретиковъ и ихъ таинства, главнымъ образомъ крещеніе, богословы и миссіонеры академическаго воспитанія и образованія. «Какъ не уничтожаются дѣйствительность и истинность таинства грѣхами совершающаго оное, такъ,—увѣряетъ петербургскій миссіонеръ г. Булгаковъ,—не уничтожаются оныя и грѣхами пріемлющаго; еретики суть тѣ же грѣшники, не сохранившіе закона вѣры и заповѣдей Господнихъ или любви, которая есть исполненіе закона; а если святость таинства не оскверняется грѣхами человѣка вообще, то она не можетъ осквернится и грѣхомъ еретика, когда онъ совершаетъ таинство по Господню учрежденію. Посему крещеніе, совершенное еретикомъ по Господню учрежденію, съ

призываніемъ имени Св. Троицы,—есть крещеніе Христа, которое свято, а не еретика. Какъ Божественное учрежденіе или Господня собственность,—таинство крещенія, таинство возрожденія, всегда, гдѣ бы ни было совершено, въ церкви или внѣ ея, кладетъ на человѣка неизгладимую печать или знакъ, который не можетъ быть истребленъ и не требуетъ возобновленія, подобно тому воинскому знаку, который выжигается на рукѣ римскаго воина для напоминанія ему о его обязанностяхъ, который дѣлаетъ извѣстными бѣглецовъ и подвергаетъ ихъ наказанію, и который разъ отпечатлѣнъ законнымъ ли полководцемъ или бунтовщикомъ, не измѣняется и не возобновляется у пойманнаго бѣглеца» («Мис. Обозр.», 1903 г., № 1, стр. 69). Въ подтвержденіе своего взгляда на крещеніе еретиковъ г. Булгаковъ ссылается на книгу священника А. Серафимова: «Правила и практика церкви относительно присоединенія къ православію неправославныхъ христіанъ» и на «Посланіе восточныхъ патріарховъ». Въ этихъ двухъ произведеніяхъ опредѣленно говорится, что крещеніе, совершенное еретиками во имя Св. Троицы, есть святое таинство Христа, собственность Божія. «Мы почитаемъ,—говорятъ восточные патріархи въ своемъ посланіи,—ложнымъ и нечестивымъ то ученіе, будто бы несовершенствомъ вѣры нарушается цѣлость и совершенство таинства. Ибо еретики, которыхъ принимаетъ Церковь, когда они отрекаются отъ своей ереси и присоединяются ко вселенской Церкви, получили крещеніе совершенное, хотя имѣли вѣру несовер-

шенную» (см. гл. 15 и 16 въ «Посланіи патріарховъ»). Стало быть, этихъ еретиковъ преступно перекрещивать, хотя бы они совсѣмъ не стыдились перекрещиванія. Нечестивымъ и ложнымъ восточные патріархи, очевидно, называютъ то ученіе, которое проповѣдаютъ миссіонеры школы Павла Прусскаго. Они, по приговору патріарховъ, есть лжецы и нечестивцы.

Въ одной изъ своихъ книгъ богословы господствующей церкви утверждаютъ, что совершать крещеніе можетъ совсѣмъ невѣрующій и некрещенный человѣкъ. «Можетъ крестить,—учитъ книга «Миръ съ Богомъ»,—паче же и той, иже и самъ есть некрещенный и невѣрный точію дабы имѣлъ намѣреніе творити то, еже творитъ Церковь Христова, егда крещаетъ» (стр. 109). Выше мы видѣли, что богословы господствующей Церкви всю силу таинства крещенія заключили въ дѣйствіяхъ своего священнослужителя. Здѣсь же они опредѣляютъ дѣйственность таинства «намѣреніемъ» крестящаго, не придавая, повидимому, никакого значенія ни отсутствію въ немъ вѣры, ни тому, что онъ самъ еще не просвѣщенъ крещеніемъ. Это раскрываетъ, что синодальные богословы сами нуждаются въ истинномъ христіанскомъ просвѣщеніи. Безъ него же они не въ состояніи опредѣлить, въ чемъ же заключается сущность св. крещенія.

5. Различно они смотрятъ и на крещеніе, самозванцемъ совершенное. Въ бесѣдахъ съ старообрядцами и въ своихъ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ старообрядческой іерархіи, они доказываютъ, что крещеніе самозванцевъ недѣйствительно. Извѣстныя

слова блаж. Симеона Ѳессалоникійскаго, что крещенные самозванцами «не крещени суть», приводятся почти во всѣхъ миссіонерскихъ сочиненіяхъ. «Богопроповѣдники святые апостолы опредѣлили,— читаютъ миссіонеры старообрядцамъ,—что освященіе отъ Божественнаго крещенія должно быть подаваемо вѣрнымъ чрезъ епископовъ и пресвитеровъ. Ибо въ 46 и 47 правилѣ они говорятъ буквально слѣдующее: «Епископа или пресвитера, пріявшихъ крещеніе, или жертву еретиковъ, извергати повелѣваемъ. Епископъ или пресвитеръ, аще по истинѣ имѣющаго крещеніе, вновь окреститъ, или аще отъ нечестивыхъ оскверненнаго не окреститъ, да будетъ изверженъ, яко посмѣвающійся Кресту и смерти Господней и не различающій священниковъ отъ лжесвященниковъ». Итакъ, кто говоритъ, что не должно крестить крещеннаго мірянином-лжесвященником, и не освященнаго по истинѣ, тотъ, какъ мнѣ кажется,—разъясняетъ Вальсамонъ патріархъ антіохійскій,—явно противится симъ правиламъ; ибо онъ, вопреки предписанію ихъ, пріемлетъ ложное крещеніе мірянина-лжесвященника» (Толкованіе Вальсамона на 18 прав. сардикійскаго собора). Приводятъ миссіонеры и слѣдующее опредѣленіе блаж. Ѳотія, святителя константинопольскаго: «Тѣхъ же, которые крещены самозванцами, мы никакъ не признаемъ пріявшими благодать Духа, а потому и опредѣляемъ, что они должны быть и крещены водою, и помазаны муромъ. Въ этомъ случаѣ мы слѣдуемъ апостольскимъ правиламъ, кото-

рыя строго претятъ тѣмъ, кто не креститъ пріявшихъ крещеніе отъ нечестивыхъ и кто, такимъ образомъ, не различаетъ священниковъ отъ лжесвященниковъ» (А. Павловъ: «Номоканонъ при Б. Требникѣ», стр. 353, изд. 1897 г., Москва).

Такого взгляда на самозванное крещеніе держался и Никонъ патріархъ. Признавая своего замѣстителя по каѳедрѣ, крутицкаго митрополита Питирима, самозванцемъ, онъ дѣлалъ выводъ, что «вси отъ него поставленніи пресвитеры и діакони и прочіи причетницы чужды священія. И елицы отъ тѣхъ крещени, ниже христіане нарицати тоже лѣпо есть. Такожде и вси, елицы ему пріобщишася: митрополиты, епископы и прочіи священнаго чина, и мірстіи люди, кто-нибудь, по святымъ правиломъ, извержени и отлучени». Указывая на правила соборовъ, Никонъ пишетъ: «Мірского суда у царя просяй—не епископъ. Такожде и прочіи священнаго чина, оставивше церковные суды, къ мірскимъ судіямъ прибѣгнутъ, аще и оправданы будутъ—извергнутся. И елицы нынѣ митрополиты, архіепископы и епископы, архимандриты, игумены, священницы и діаконы, и прочіи пречетницы церковніи, чрезъ Божественныя правила подъ судъ царскій и прочихъ мірскихъ людей ходятъ: митрополиты уже нѣсть къ тому достойни именоватися митрополитами, тако жъ и архіепископы, даже до послѣднихъ, аще и въ чину себе сочетаваютъ и священныхъ одеждъ лѣпотами (украшенными) являются, яко митрополиты и архіепископы и прочіи,—по святымъ Божественнымъ канонамъ извержены суть; тѣмъ же: и елика освящаютъ—

не освящени суть, елико благословляютъ—не благословени суть, ибо отъ тѣхъ крещени—не крещени, и поставлени—не причетницы»... («Богословскій Вѣстникъ», 1910 г., іюнь, стр. 285—286). На самомъ же дѣлѣ господствующая церковь принимаетъ крещеніе отъ самозванцевъ, считая его не только дѣйствительнымъ, но и святымъ. Мы видѣли уже, что въ книгѣ «Миръ съ Богомъ» богословы ея допускаютъ, что крещеніе можетъ совершать даже атеистъ, ни во что невѣрующій и некрещеный. Она признаетъ дѣйствительнымъ крещеніе и у протестантовъ, къ которымъ собственно и относятся слова Симеона Ѳессалоникійскаго, что у нихъ нѣтъ ни рукоположенія, ни крещенія. Принимаетъ она крещеніе и отъ старообрядческихъ священнослужителей, хотя въ то же время признаетъ, что они—самозванцы и даже «горѣе нечестивыхъ бѣсовъ». Это любимое выраженіе ея миссіонеровъ не сходитъ съ ихъ устъ, когда они громятъ старообрядческую іерархію. Говоря же о крещеніи, совершонномъ служителями этой іерархіи, они доказываютъ, что отъ этихъ «горшихъ нечестивыхъ бѣсовъ» крещеніе дѣйствительно и даже свято (см., напр., «Бесѣды синодальнаго миссіонера о. Крючкова съ Шведовымъ въ Уральскѣ», стр. 27—28, или «Разборъ шведовскихъ показаній", Е. Антонова, стр. 197). О самихъ же бѣсахъ нечего и разсуждать. Отъ нихъ богословы господствующей церкви съ особой радостію примутъ «крещеніе». Вѣдь бѣсы не только «вѣруютъ», но и «трепещутъ» передъ Богомъ (Іаковъ, гл. II, ст. 19). Они, во всякомъ случаѣ, лучше тѣхъ, которые «горше»

ихъ. Это какая угодно логика подтвердитъ, даже миссіонерская.

Спрашивается: во что же вѣруютъ богословы и миссіонеры господствующей церкви, когда говорятъ въ символѣ вѣры: «вѣрую во едино крещеніе?» Они обманываютъ Бога, ибо признаютъ не одно крещеніе, а нѣсколько. Они признаютъ крещеніе: 1) трехпогружательное, 2) обливательное, 3) еретическое, 4) самозванное, 5) кощунственное и 6) какое угодно, включительно до атеистическаго и заочнаго, совершаемаго и надъ отсутствующими невѣрами и даже надъ нерожденными еще дѣтьми. Чего можно ждать отъ такихъ «богослововъ», если они по самому важнѣйшему христіанскому таинству имѣютъ дикія, сумасбродныя вѣрованія и ползутъ въ разныя стороны, какъ старая, изношенная ветошь. Ну, и богословы! А еще безцеремонно лѣзутъ къ старообрядцамъ съ своими обличеніями на счетъ вещевѣрія и еретичества. Сами не въ силахъ разобраться въ самыхъ очевиднѣйшихъ «вещахъ», не способны понять сущности св. крещенія, а берутся просвѣщать другихъ. Вотъ они—дыромоляи и вещевѣры. Синодальное вѣдомство разложилось на многочисленныя секты, а самая опасная и вредная изъ нихъ это—секта дыромоляевъ и вещевѣровъ, которую составляетъ огромнѣйшій штатъ богослововъ и миссіонеровъ господствующей церкви. Вѣра у нихъ—пустая дыра, въ которую можно вставить какой угодно догматъ. Ихъ вѣра, что дышло: куда повернулъ, туда и вышло! А всякія вещи, начиная съ денегъ, изъ-за которыхъ они служатъ, и кон-

чая табакомъ, которымъ они награждаютъ чукчей при крещеніи вмѣсто креста Христова, они считаютъ своимъ культомъ и молятся имъ, какъ величайшей святынѣ.

X.

О МѵРОПОМАЗАНІИ.

О таинствѣ мѵропомазанія господствующая церковь такъ же, какъ и относительно крещенія, не имѣетъ одинаковаго ученія. Богословскія и миссіонерскія ея творенія заключаютъ въ себѣ самыя противорѣчивыя пониманія таинства мѵропомазанія.

1. «Мѵропомазаніе есть таинство, въ которомъ вѣрующему, при помазаніи освященнымъ мѵромъ частей тѣла во имя Святаго Духа, подаются дары Святаго Духа, возращающіе и укрѣпляющіе въ жизни духовной». Такъ учитъ «Пространный Катехизисъ» (изданіе 70-е, стр. 54). Въ другой канонической книгѣ новообрядческой церкви говорится о мѵропомазаніи: «Отъ сего таинства происходятъ таковые плоды: во-первыхъ, какъ чрезъ крещеніе мы возрождаемся, такъ чрезъ помазаніе святымъ мѵромъ дѣлаемся причастниками Святаго Духа, утверждаемся въ вѣрѣ Господней и возрастаемъ въ Божественной благодати, по словамъ апостола: спасе насъ по своей милости банею, пакибытія и обновленія Духа Святаго, Его же изліяна насъ обильно Іисусъ Христомъ, Спасителемъ нашимъ (Тит. 3, 5, 6). Во-вторыхъ, силою Святаго Духа мы столько дѣлаемся твердыми, крѣпкими, что духовный врагъ не можетъ

нанести никакого вреда душѣ нашей. Сіе таинство не повторяется, развѣ для тѣхъ, которые, отвергнувшись имени Христова, опять обращаются» («Православное исповѣданіе», отвѣтъ на 105-й вопр., стр. 68—69). Смотря на таинство мvропомазанія, какъ на благодатное дѣйствіе, укрѣпляющее человѣка въ вѣрѣ, дающее его душѣ твердость и силу въ духовной жизни, восточная церковь признаетъ возможнымъ и нужнымъ совершать мvропомазаніе и надъ священными лицами, присоединяемыми къ ней отъ другихъ исповѣданій. «Четыре восточные патріарха, — разсказывается въ «Православн. Обозрѣніи»,—случайно собравшіеся въ Константинополѣ въ 1860 году, дозволили уніатамъ имѣть свои храмы, подъ управленіемъ ихъ епископовъ, и даже священство уніатскихъ пресвитеровъ признали законнымъ безъ повторенія рукоположенія; но въ то же время они опредѣлили, чтобъ епископы уніатовъ, избираемые по ихъ желанію, зависѣли отъ патріарха того престола, къ которому они принадлежатъ по мѣсту своихъ каѳедръ. Уніаты не колебались соединиться съ православною церковью, и въ 1860 г. 29 ноября торжественно заключено было соединеніе значительной части грекоуніатовъ съ церковью восточною, и унія совершенно ослабѣла. О. Иванъ Хабибъ и о. Гавріилъ Жибара, принявъ мvропомазаніе, въ знакъ вступленія въ православную церковь служили съ константинопольскимъ патріархомъ Іоакимомъ литургію. Антіохійскій патріархъ почтилъ перваго саномъ архимандрита престола

антіохійскаго, а александрійскій патріархъ второго также почтилъ саномъ архимандрита престола александрійскаго» («Православное Обозрѣніе» 1863 г., т. XI, стр. 295, ст. «Возсоединеніе уніатовъ въ Сиріи и Египтѣ»). Совершеніе мѵропомазанія надъ этими духовными лицами съ оставленіемъ ихъ въ іерархическомъ достоинствѣ было не случайностью, допущенною восточными патріархами по какимъ-нибудь тактическимъ соображеніямъ. Оно вытекало изъ глубокаго сознанія и вѣрованія восточной церкви, что таинство мѵропомазанія дѣйствительно сообщаетъ мѵропомазуемому лицу укрѣпляющую въ духовной жизни благодатную силу и что оно есть подлинная печать Духа Святаго. По поводу настоящаго присоединенія уніатскихъ іереевъ къ греко-восточной церкви московскій митрополитъ Филаретъ писалъ въ свое время: «Двоякій образъ дѣйствованія видимъ мы нынѣ въ православной греческой церкви. По строгому сужденію, она отъ приходящихъ изъ латинства требуетъ крещенія. Но недавно двухъ мельхитскихъ священниковъ приняла въ свое общеніе посредствомъ мѵропомазанія, съ сохраненіемъ ихъ священной степени» («Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета», т. V, ч. 1, стр. 284, изд. Москва, 1887 г.). Немало было случаевъ присоединенія духовныхъ лицъ подъ мѵропомазаніе съ сохраненіемъ на нихъ священныхъ сановъ и въ русской церкви (о нихъ см. въ кн. епископа старообрядческаго Иннокентія: «О мѵропомазаніи священнослужителей», стр. 64—66). Они свидѣтельствуютъ, что и русская церковь

смотрѣла на мvропомазаніе не какъ на актъ, разрушающій хиротонію, смазывающій священное достоинство съ мvропомазуемыхъ лицъ, а какъ на таинство, запечатлѣвающее ихъ дарами Св. Духа.

Совершенно другого вѣрованія относительно мvропомазанія держатся современные богословы и миссіонеры господствующей церкви. Церковь православная учитъ, — заявляетъ отъ ея лица современный миссіонеръ-священникъ о. Д. Александровъ,—что «клирики-еретики, присоединяемые къ православію вторымъ чиномъ чрезъ таинство мvропомазанія, должны снова быть рукополагаемы» (см. его «Критическій разборъ сочиненія Усова: «О мvропомазаніи священнослужителей», стр. 1). «Извѣстно, — доказываетъ о. Александровъ,—что православная церковь не признаетъ законнымъ, истиннымъ, благодатнымъ Бѣлокриницкое священство, получившее свое начало отъ бѣжавшаго изъ греческой церкви митрополита Амвросія который, никѣмъ не посланный, явился въ Бѣлую-Криницу къ раскольникамъ, и тѣ приняли его, какъ еретика, вторымъ чиномъ, чрезъ таинство мvропомазанія, а отсюда Амвросій сталъ, по суду книги Кормчей, простымъ мірянином. Православные миссіонеры въ бесѣдахъ съ австрійцами всегда указывали и указываютъ, что по мvропомазаніи Амвросій сталъ простымъ мірянином» (тамъ же, стр. 1). Замѣтьте: «по мvропомазаніи» сталъ міряниномъ, а до этого былъ митрополитомъ. На протяженіи цѣлой сотни страницъ своего «разбора» миссіонеръ Але-

ксандровъ повторяетъ эту мысль на разные лады десятки разъ. «Наша церковь, при присоединеніи къ ней, принимаетъ старообрядческихъ клириковъ не въ сущемъ санѣ, а какъ простыхъ мірянъ, потому что родоначальникъ вашего священства м. Амвросій принятъ былъ въ Бѣлой-Криницѣ бѣглымъ попомъ Іеронимомъ, какъ еретикъ, вторымъ чиномъ, чрезъ таинство мѵропомазанія, отсюда, по суду книги Кормчей (37 гл., л. 290 об.), Амвросій сталъ «потщаливымъ мірскимъ человѣкомъ». «Мы и говоримъ, что по мѵропомазаніи клирика-еретика, его нужно снова рукополагать» (стр. 3). То же утверждаютъ и другіе миссіонеры. «Митрополитъ Амвросій,—вторитъ за Александровымъ миссіонеръ Н. Гринякинъ,—принятъ въ расколъ чрезъ мѵропомазаніе. И архіерейскую благодать онъ могъ получить (по 293 л. «Кормчей») лишь послѣ новаго рукоположенія» («Миссіон. Обозрѣніе», 1908, № 12, стр. 1766).

На книгу «Кормчую» миссіонеры ссылаются совершенно неосновательно. Мы уже неоднократно заявляли, что въ задачу настоящаго сочиненія не входитъ полемика съ миссіонерами и богословами господствующей церкви. Наша цѣль лишь указать (и то бѣгло) на взаимныя противорѣчія въ богословскихъ вѣрованіяхъ господствующей церкви и ея богослововъ и на то, что по собственному ихъ суду они—еретики. Признавая, что мѵропомазаніе уничтожаетъ хиротонію, «смазываетъ» ее, какъ выражаются миссіонеры

на публичныхъ бесѣдахъ съ старообрядцами, они становятся въ полное противорѣчіе съ своей же восточной церковью, которая, какъ мы выше показали, иначе смотритъ на таинство мѵропомазанія. Было бы еще понятно, если бы миссіонеры утверждали, что отъ еретиковъ второго чина совершенно не принимается хиротонія, потому что у этихъ еретиковъ нѣтъ совсѣмъ священства. Но этого-то миссіонеры и не говорятъ. Напротивъ—они очень ясно и опредѣленно утверждаютъ, что присоединяемые отъ еретиковъ второго чина клирики становятся мірянами именно черезъ мѵропомазаніе. У себя-то, въ средѣ еретиковъ, они дѣйствительно клирики, имѣющіе на себѣ настоящіе священные саны; но какъ только ихъ помажутъ «православнымъ» мѵромъ, они превращаются въ «простыхъ мужиковъ». Таково, по ученію миссіонеровъ, свойство самого мѵра, и именно ихъ «никоніанскаго» мѵра. Неразумно приписываютъ они это свойство и старообрядческому мѵру. За всѣми же другими мѵрами, гдѣ бы они ни совершались, миссіонеры и богословы господствующей церкви не признаютъ этого сокрушающаго хиротонію свойства. Извѣстно, что, напримѣръ, въ римской церкви рукоположеніе въ іерархическое достоинство совершается съ мѵропомазаніемъ. Никола Кавасилъ, архіепископъ солунскій, говоритъ: «Въ церкви латинской рукоположеніе священника совершается такъ, что, по взліяніи мѵра на главу рукополагаемаго, совершитель таинства молится о нисшествіи на него обильной благодати Святаго Духа» («Писанія свв. отецъ и учит. Церкви», т. III, гл. 29, стр. 362). Блаженный Симеонъ

Θессалоникійскій заявляетъ: «Латиняне вводятъ нѣчто новое, при рукоположеніяхъ помазуясь по ветхому закону мѵромъ и рукополагаясь не у престола» (т. II, гл. 43, стр. 90). И никоновская «Скрижаль» свидѣтельствуетъ: «Въ церкви западныхъ, внегда бываетъ священнодѣйствіе архіереово, отнележе проліютъ мѵро на главу рукополагаемаго, онъ иже рукополагаетъ, молитъ, да снидетъ благодать Пресвятаго Духа богатно на него» (глава 102, стр. 486—7 перв. сч.). Также хиротонія совершается и у старо-католиковъ. Въ книгѣ «Старо-католицизмъ», въ описаніи дѣйствій, совершонныхъ при рукоположеніи старокатолическаго епископа Рейкенса въ 1873-мъ году, говорится: «Затѣмъ посвящаемый удалился въ алтарь и по возвращеніи оттуда въ митрѣ и съ епископскимъ крестомъ преклонилъ колѣна предъ рукополагавшимъ, который во время пѣнія молитвы «veni kreator», вмѣстѣ съ генералъ-викаріями Гаарлема и Утрехта возложилъ на него руки, со словами «Assipe Spiritum sanctum» (то же, что «Божественная благодать» и проч.). Потомъ слѣдовало съ чтеніемъ извѣстныхъ молитвъ, положенныхъ по римско-католическому чинопослѣдованію, мѵропомазаніе посвящаемаго на челѣ, кругомъ головы, на обѣихъ ладоняхъ и на большихъ пальцахъ обѣихъ рукъ, дарованіе ему Евангелія, пастырскаго жезла и перстня» (гл. 2, стр. 154). Но у латинъ и старо-католиковъ господствующая церковь признаетъ дѣйствительность и даже благодатность хиротоніи. Очевидно, латинское и старо-католическое мѵропомазаніе не обладаютъ уничтожающей священство силой. Она присуща

мvру, совершенному только въ господствующей церкви. По суду собора 1667 года, латиняне есть еретики второго чина, т.-е. подлежащіе мvропомазанію при присоединеніи ихъ къ греко-россійской церкви. Соборъ опредѣлилъ помазывать ихъ мvромъ. «Согласно судихомъ вси,—законополагаетъ соборъ,—яко неподобно латинъ покрещевати, но точію по проклинаніи своихъ имъ ересей, и по исповѣданіи согрѣшеній, и подаяній рукописанія помазовати ихъ святымъ великимъ мvромъ и сподобляти святыхъ и пречистыхъ таинъ и тако пріобщати святѣй соборнѣй и апостольстѣй восточнѣй церквѣ» («Дѣянія соборовъ 1666—1667 гг.», лис. 74 второго счета). Слѣдовало бы по этому опредѣленію и духовныхъ лицъ, присоединяющихся отъ латинства къ господствующей церкви, помазывать мvромъ. Однако надъ ними этого не совершаютъ. Нельзя,—вѣдь «смажется» хиротонія, и они превратятся въ мірянъ. Признаетъ господствующая церковь дѣйствительность хиротоніи у еретиковъ даже перваго чина. Напримѣръ, московскій соборъ 1655 г. призналъ англиканъ еретиками первочинными, подлежащими перекрещиванію. «Отцы собора объявили,—говорится въ «Исторіи» Макарія, митрополита московскаго,—что вторичное крещеніе поляковъ незаконно... такъ какъ поляки вѣруютъ и крещаются во Св. Троицу, и не настолько разнятся отъ насъ, какъ прочіе еретики и лютеране, напримѣръ, шведы, англичане, венгры и другія франкскія секты, которыя не соблюдаютъ постовъ, не поклоняются иконамъ, не творятъ на себѣ крестнаго знаменія

и проч.» (томъ XII, стр. 174). Но «русская церковь,— заявляетъ «Церковный Вѣстникъ» (1897 г., № 19),— никогда не подвергала сомнѣнію дѣйствительность англиканскаго священства» (см. объ этомъ рядъ доказательствъ въ нашей книгѣ «Испытаніе и побѣда Церкви Христовой», стр. 140 — 145). Помазать же мѵромъ англиканскаго клирика, подлежащаго крещенію, господствующая церковь не смѣетъ. Какъ же—хиротонія уничтожится. Къ старообрядческой іерархіи синодальная церковь относится, какъ извѣстно, совершенно отрицательно. Признавая всѣ существующія на свѣтѣ іерархіи всѣхъ ѣеретическихъ обществъ дѣйствительными и пріемлемыми, господствующая церковь дѣлаетъ исключеніе только одной старообрядческой іерархіи. Только подлинное Христово священство ненавистно ей. Въ послѣдніе годы миссіонеры ея стали утверждать, что даже и старообрядческую іерархію, столь ненавистную имъ, можетъ, наконецъ, господствующая церковь признать дѣйствительной. Но опять-таки подъ непремѣннымъ условіемъ отмѣны мѵропомазанія. «Теперь она,—свидѣтельствуетъ рязанскій епархіальный миссіонеръ И.П. Строевъ,—принимаетъ къ себѣ старообрядческихъ клириковъ вторымъ чиномъ, чрезъ помазаніе св. мѵромъ, при чемъ за клириками ихъ священнаго сана не признается. Если же старообрядцы вразумятся и захотятъ примириться съ св. церковью, то церковь можетъ и не помазать ихъ мѵромъ, а ограничится простымъ ихъ раскаяніемъ, оставивъ притомъ за ихъ клириками теперешніе ихъ саны» («Миссіон. Сборн.», 1906 г.,

стр. 495). Замѣтьте: «теперешніе ихъ саны». Духовные саны на старообрядческихъ священнослужителяхъ и теперь есть. Но только мѵро господствующей церкви уничтожаетъ эти саны. А перестаньте помазываться мѵромъ, и саны останутся. Не правда ли, диковинное мѵро? Такого мѵра, съ такимъ удивительнымъ свойствомъ, сокрушающимъ дотла священство, нигдѣ и никогда и ни у кого не было. Не знала его и древняя Церковь. Много было всякихъ ересей въ церковной исторіи, на какія только нелѣпости и кощунства не были способны еретики. Но и они не могли додуматься до поразительнаго открытія, что мѵро уничтожаетъ хиротонію. Честь изобрѣтенія этой чудовищной ереси принадлежитъ современнымъ богословамъ и миссіонерамъ господствующей церкви. Они исказили самую природу таинства мѵропомазанія. Самыя врата ада могутъ позавидовать ихъ изобрѣтенію. Священство вѣчно и неуничтожимо,—учитъ св. Церковь.—И врата ада не могутъ уничтожить его.—Пустяки,—возражаютъ миссіонеры,—вы помажьте его легонько нашимъ мѵромъ, и отъ него и слѣда не останется. Мѵро въ ученіи миссіонеровъ получаетъ значеніе орудія борьбы съ іерархіей. Они любятъ называть хиротонію благодатью священства. Но стоитъ только прикоснуться къ этой благодати мѵромъ, какъ она исчезнетъ, «яко дымъ». Мѵро, по понятію миссіонеровъ, не только не сообщаетъ благодати мѵропомазуемому лицу, оно, напротивъ, смазываетъ благодать, стираетъ ее до послѣдней капли. Это—не печать Духа Святаго, а какая-то смерть священству, подобно яду: «смерть

чернилами», или: «смерть мухамъ». Что можетъ быть преступнѣе этого кощунственнаго пониманія таинства мѵропомазанія. Академическіе богословы господствующей церкви учатъ, что даръ священства, подобно крещенію, неизгладимъ. Что хотите, вы дѣлайте съ дѣйствительно крещеннымъ человѣкомъ, предавайте его какимъ угодно анаѳемамъ, опустите его въ самое дно ада, печать крещенія все равно съ него не снимется. Будь онъ самымъ наизлѣйшимъ богоотступникомъ, онъ все же остается крещенымъ. «А также,—говорятъ богословы господствующей церкви,—и рукоположеніе ставится на-ряду съ крещеніемъ и признается, какъ оно, неповторяемымъ вслѣдствіе своей особеннѣйшей значимости» («Опытъ догматическаго богословія», еп. Сильвестра, т. IV, стр. 372). И его ничто не можетъ уничтожить: ни анаѳемы, ни богоотступничество, ни другое что-либо подобное. Первочинныя ереси, по ученію господствующей церкви, не въ силахъ прекратить у еретиковъ преемственную хиротонію. Только одно мѵро въ состояніи въ прахъ сокрушить какую угодно хиротонію, будь она вовсе безпорочна и чиста, какъ Самъ Учредитель ея. По понятію миссіонеровъ о своемъ мѵрѣ, оно нѣчто болѣе ужасное, чѣмъ всѣ анаѳемы и всѣ богоотступничества. Какъ бы священнослужитель ни велъ себя позорно, какія бы чудовищныя преступленія онъ ни совершалъ, пусть это будетъ смертный грѣхъ, и даже что-либо ужаснѣе этого грѣха, онъ не лишается чрезъ это дара священства. Сожгите его на кострѣ, раздробите его на части,—и этимъ способомъ вы не уничтожите на

немъ священный санъ. Опустите его въ самую нечистую и зловонную клоаку, и это не можетъ сгладить съ него хиротонію. Но... помажьте его миссіонерскимъ мѵромъ. И этого,—одного только этого достаточно, чтобы онъ въ одинъ мигъ превратился въ простого мірянина. Мѵро, какъ волшебство какое, моментально сниметъ съ священнослужителя священный его санъ. Вотъ какое ядовитое значеніе приписываютъ миссіонеры своему мѵру. Оно страшнѣе смерти, ядовитѣе всѣхъ разрушительныхъ средствъ.

Въ древней Церкви иногда выполнялся тяжелый и сложный чинъ изверженія духовнаго лица изъ сана. Теперь же этотъ чинъ можно упростить. Къ лицу, заслужившему изверженія, стоитъ только прикоснуться мѵромъ, какъ съ него снято всякое духовное достоинство. Академическіе богословы синодальной церкви утверждаютъ, что изверженное духовное лицо остается все же духовнымъ лицомъ. Въ немъ не дѣйствуетъ благодать священства, онъ лишенъ всѣхъ священнослужительскихъ правъ, но онъ не простой мірянинъ, это—изверженный с в я щ е н н о с л у ж и т е л ь. Изверженные священнослужители никогда снова не хиротонисались. По возвращеніи изъ ереси они признавались священными лицами, правоспособными совершать таинства. «Когда свв. отцы и учители Церкви Христовой, какъ свѣтила, блиставшія въ разныя времена и все устроившія къ душевному спасенію людей, въ силу епископской власти «О Духѣ Святомъ», поставившемъ ихъ къ этой самой цѣли, позволяли, какъ мы видѣли, обращающихся изъ ереси клириковъ принимать съ тою же

священною ступенью, какую они имѣли, получивъ хиротонію такъ же, какъ и крещеніе, отъ еретиковъ,— когда сами нерѣдко многихъ такихъ приняли въ общеніе Церкви, хотя они были рукоположены и крещены еретиками, несомнѣнно низложенными и съ соборнаго рѣшенія осужденными, то они поступали такъ, обращая вниманіе на правильность и законность совершенія таинствъ («ибо не суть крещены не крестившіеся въ то, что намъ предано», какъ говоритъ св. Василій Великій) и, слѣдовательно, на неизгладимость и неотъемлемость этихъ спеціальныхъ даровъ Св. Духа» («Къ исторіи вопроса о принятіи схизматиковъ въ православную церковь», стр. 23, изд. М., 1892 г.). Даже соборное низложеніе, по ученію восточной церкви, не въ силахъ сгладить неотъемлемый даръ священства. Мѵропомазаніе же дѣйственнѣе всякаго низложенія. Оно, по понятію миссіонеровъ, превращаетъ священное лицо въ подлиннаго, первобытнаго міянина, на которомъ нѣтъ и не было и малѣйшаго слѣда хиротоніи. Такое перерождающее дѣйствіе совершаетъ мѵропомазаніе только въ одной господствующей церкви. Такимъ необычайнымъ свойствомъ отличается только ея мѵро.

Вѣруя, что мѵропомазаніе уничтожаетъ хиротонію, миссіонеры подписываютъ этимъ смертный приговоръ всему священству господствующей церкви. Еще при Никонѣ патріархѣ оно было уже «смазано». Вотъ что мы читаемъ объ этомъ въ «Чтеніи Импер. Общ. Остор. и Древн. Россійскихъ» (изд. М., 1871 г., кн. 3 іюль-

сент., стр. 54—55). «Страстная недѣля. Всѣ дни этой недѣли русскіе проводили въ молитвахъ и поклонахъ. Въ Великую среду патріархъ (Макарій антіохійскій) давалъ всѣмъ разрѣшеніе, а въ Великій четвергъ совершилъ обрядъ освященія мѵра... Тутъ патріархъ Никонъ спросилъ Макарія: надлежащимъ ли образомъ совершается этотъ обрядъ? Патріархъ Макарій сдѣлалъ лишь одно замѣчаніе, что слѣдовало бы возлить вино на елей... Никонъ согласился съ этимъ замѣчаніемъ... Оба патріарха сошли съ амвона и подошли къ сосуду съ елеомъ, а остальные архіереи держали надъ ихъ головами раскрытое Евангеліе. Никонъ сталъ мѣшать большою серебряною ложкою мѵро въ сосудѣ, при чемъ опускалъ ее до самаго дна сосуда, чтобы благословеніе могло, такъ сказать, проникнуть всю массу... Оба патріарха взаимно помазали другъ друга, а потомъ стали мѵропомазывать всѣхъ присутствующихъ, начиная съ архіереевъ...» Это мѵропомазаніе должно было превратить и Никона, и Макарія, и всѣхъ русскихъ архіереевъ въ «простыхъ мужиковъ». Относительно митрополита Бѣлокриницкаго Амвросія миссіонеры говорятъ иногда,что онъ былъ помазанъ «простымъ масломъ». Это обязываетъ ихъ признать, что на Амвросіи не могло быть «смазано» рукоположеніе. За масломъ, какъ увидимъ ниже, миссіонеры признаютъ иное значеніе. Но о Никонѣ и своихъ архіереяхъ они не могутъ этого сказать. Они были помазаны не масломъ, а настоящимъ мѵромъ, тѣмъ самымъ, которое, по ихъ ученію, уничтожаетъ хиротонію.

2. Приписывая мѵропомазанію господствующей церкви качество, уничтожающее неизгладимую печать даровъ Св. Духа на священнослужителяхъ, миссіонеры въ то же время признаютъ, что еретическое мѵропомазаніе имѣетъ несомнѣнную святость, что оно сообщаетъ мѵропомазуемому еретику св. дары, и что оно совершается въ еретическомъ обществѣ не въ противность Церкви Христовой, а по присущему этому обществу праву, признаваемому за нимъ господствующей церковью. «Признаніе церковью на приходящемъ къ церкви еретикѣ даровъ св. мѵропомазанія,— говоритъ миссіонеръ Строевъ,—указываетъ на то, что за его обществомъ церковь признаетъ право не только помазывать мѵромъ, но и крестить истиннымъ крещеніемъ» («Миссіон. сборникъ», 1906 г., стр. 490). Понятно, отсюда, почему господствующая церковь не мѵропомазуетъ приходящихъ къ ней еретиковъ даже перваго чина. Во-первыхъ, она признаетъ, что они еще въ еретическомъ обществѣ получили уже «печать св. мѵропомазанія». «Во-вторыхъ, зачѣмъ же мазать ихъ сильнодѣйствующимъ мѵромъ, которое, по свойству своему, разрушитъ и сотретъ всѣ прежнія «печати». Это было совсѣмъ «въ убытокъ себѣ». Другое дѣло—старообрядческіе священнослужители. Ихъ непремѣнно нужно помазывать. Самая трудная и серьезная задача у господствующей церкви— стереть съ лица земли старообрядческую іерархію. А чѣмъ ее стереть? Только мѵромъ. Поэтому и пользуется синодальная власть каждымъ случаемъ, чтобы хотя на нѣкоторыхъ лицахъ старообрядческой іерархіи

смазать священные саны. Быть можетъ, только въ этихъ разсчетахъ синодальные богословы и миссіонеры и мѵро свое сдѣлали такимъ уничтожающе дѣйствующимъ на хиротонію средствомъ. Какъ бы то ни было, но кощунственное ученіе о смазываніи мѵромъ хиротоніи ниспровергаетъ катехизическое опредѣленіе мѵропомазанія, какъ таинства, утверждающаго и укрѣпляющаго людей въ духовной благодатной жизни, и противорѣчитъ принятому въ восточной церкви способу принятія въ ея среду еретическихъ клириковъ.

3. Противорѣчія въ ученіи современныхъ богослововъ о мѵропомазаніи идутъ еще дальше. «По ученію православной церкви,—богословствуетъ свящ. К. Околовичъ, присяжный обличитель латинства,—таинство мѵропомазанія могутъ совершать не одни только епископы, но и священники. И только освященіе мѵра для таинства предоставлено, согласно древнему ученію, праву одного епископа. По ученію же католической церкви, таинство мѵропомазанія, называемое ею конфирмаціею, или попросту «бижмованіемъ», должно быть совершаемо исключительно епископомъ, а ксендзамъ этого права не предоставлено» («Православному народу о католическихъ заблужденіяхъ», стр. 1). Обстоятельнѣе объ этомъ латинскомъ заблужденіи говорится въ «Опытѣ догматическаго богословія» еп. Сильвестра: «Церковь западная, вопреки своимъ собственнымъ древнимъ, основывавшимся на апостольскомъ преданіи, постановленіямъ, право не только освященія мѵра, но и совершенія самаго мѵропомазанія, присвоила однимъ епископамъ, лишивъ его

всецѣло священниковъ, къ чему, какъ извѣстно, прямой и рѣшительный шагъ сдѣланъ былъ ею еще въ IX вѣкѣ въ допущенномъ ею фактѣ повторенія ея епископами мѵропомазанія надъ мѵропомазанными греческими священниками болгарами». «Слѣдуетъ замѣтить,— поясняетъ епископъ Сильвестръ,—что сами римскіе епископы впослѣдствіи стали волею-неволею сознавать непростительную въ семъ отношеніи ошибку своихъ предшественниковъ и пытались отчасти смягчить и поправить ее, время отъ времени (съ XV в.), ставши, въ виду особенныхъ обстоятельствъ, снабжать полномочіями на совершеніе мѵропомазанія и священниковъ, вслѣдствіе чего стала оказываться въ ученіи о совершителяхъ мѵропомазанія только та разность между восточною и западною церковью, что тогда какъ въ первой священники чрезъ самую хиротонію свою получаютъ право совершать мѵропомазаніе, въ послѣдней они получаютъ таковое право случайно, по требованію особенныхъ епископскихъ полномочій, являясь, такимъ образомъ, только случайными или чрезвычайными совершителями мѵропомазанія, тогда какъ наоборотъ, совершителями его постоянными признаются одни епископы» (стр. 457—458). Но не тѣмъ ли самымъ заблужденіемъ страдаютъ и миссіонеры господствующей церкви. Ни въ одномъ ихъ сочиненіи вы не найдете этой православно-канонической мысли, что въ самой хиротоніи дается священнику право совершать таинство мѵропомазанія. Напротивъ, миссіонеры настойчиво утверждаютъ, что самъ по себѣ

священникъ—ничто. Безъ епископа онъ не въ правѣ дѣлать что-либо: ни крестить, ни мѵропомазывать, ни исповѣдывать онъ не можетъ безъ епископской воли. Только по особому повелѣнію епископа («особому полномочію», какъ выражено у Сильвестра), священники, по объясненію миссіонеровъ, получаютъ право мѵропомазывать. А гдѣ нѣтъ епископа, тамъ священникъ, несмотря на то, что имѣетъ на себѣ вполнѣ законную хиротонію, не можетъ совершить таинство мѵропомазанія. «У старообрядцевъ,—говоритъ синодальный миссіонеръ Крючковъ,—180 лѣтъ не было епископовъ, и, слѣдовательно, не было лицъ, имѣющихъ законное право освящать мѵро, а потому и таинство мѵропомазанія у нихъ не могло быть совершаемо», хотя у нихъ были законно поставленные іереи («Бесѣда» Крючкова въ Уральскѣ, стр. 81). «Св. мѵропомазаніе, — повторяетъ о. Крючковъ,—за отсутствіемъ епископовъ, не могло быть совершаемо» (стр. 80) именно священниками и при наличности освященнаго благочестивыми святителями мѵра. Обличая латинъ въ беззаконномъ лишеніи священниковъ принадлежащаго имъ по хиротоніи права совершать мѵропомазаніе, современные богословы господствующей церкви осуждаютъ собственно свою церковь и ея миссіонеровъ, зараженныхъ погрѣшностями римлянъ. И тутъ они противорѣчатъ сами себѣ, произносятъ приговоръ надъ собственнымъ богословіемъ и вѣрованіемъ.

4. На иркутскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ было предложено однимъ наиболѣе типичнымъ миссіонеромъ

провозгласить старообрядчество еретичествомъ, такъ какъ-де старообрядцы держатся страшной и зѣло вредной ереси вещевѣрія: они придаютъ большое значеніе разнымъ церковнымъ вещамъ — всякой видимости, обрядности. Это ли не ересь,—ужасались миссіонеры на иркутскомъ съѣздѣ. Но вотъ тѣмъ же миссіонерамъ приходится говорить съ старообрядцами о разбавленіи мура елеемъ. И тутъ они обнаруживаютъ чрезвычайно любопытное и курьезное вещевѣріе. Въ греческой «Кормчей» говорится: «Позволительно прибавлять къ остаткамъ мура елей, дабы достаточно было его для совершенія освященія нуждающихся въ немъ, т.-е. если эти нуждающіеся находятся въ опасности и негдѣ взять другого мура» (въ греческой Кормчей—«Пидаліонъ», стр. 177). Старообрядцы въ нужныхъ случаяхъ такъ и дѣлали. Обличая старообрядцевъ въ разбавленіи мура, богословы и миссіонеры господствующей церкви принялись съ необыкновеннымъ усердіемъ за математическія вычисленія, стараясь доказать, что благодатная сила въ мурѣ уничтожается такой простою вещью, какъ елей. «О, это великая вещь—деревянное маслице, — глубокомысленно разсуждаютъ миссіонеры.—Вотъ стоитъ его побольше влить въ муро, какъ послѣдняго совсѣмъ не станетъ». Благодатную силу мура миссіонеры заключаютъ въ матеріалистическія частицы, изъ которыхъ состоитъ муро. Духъ Святый, по ихъ понятію, совсѣмъ безсиленъ освятить человѣка, если муро разбавить елеемъ. Этому маслу они придаютъ такое огромное значеніе, что оно въ ихъ представленіи является болѣе сокрушительной силой, чѣмъ

само мvро. Какъ мы видѣли, миссіонеры признаютъ за мvромъ страшное свойство—уничожать священство: въ немъ мvро,—по безбожному ученію миссіонеровъ,—убиваетъ даже Духа Святаго. Казалось бы, что можно противопоставить столь чудовищной силѣ. «Да видите ли,—дѣлаютъ новое открытіе миссіонеры,—эту силу очень легко уничтожить простымъ елеемъ». Мы, христіане, вѣрили и вѣруемъ, что одна капля св. мvра дѣлаетъ освященнымъ весь елей, съ которымъ она соединяется. Миссіонеры вѣруютъ обратно: отбросивъ въ сторону благодатную силу Духа Святаго, преподаваемую чрезъ мvро, они вѣруютъ въ силу простой вещи—елея. «Здѣсь,—свидѣтельствуетъ епископъ Михаилъ,—лишнее доказательство того математическиатеистическаго воззрѣнія на таинство и Церковь, какое живетъ въ государственной церкви» (въ ж. «Церковь» 1908 г., № 11). Здѣсь, прибавимъ мы, логическій выводъ изъ миссіонерскаго понятія о мvрѣ. Разъ оно имѣетъ свойство, по ученію миссіонеровъ, не сообщать дары Духа Святаго, а разрушать ихъ, сглаживать съ мvропомазуемаго духовнаго лица печать священства, то что же стоитъ такое мvро. Въ немъ, очевидно, не дѣйствуетъ Духъ Святой, иначе какъ бы оно могло разрушать печать того же Духа Святаго. А такое мvро, конечно, очень легко уничтожить чѣмъ угодно. Оно само по себѣ ничтожно, какъ только смѣсь матеріалистическихъ веществъ. Такимъ удивительнымъ мvромъ обладаетъ только одна господствующая церковь, и такимъ дикимъ вещевѣріемъ изъѣдены только ея миссіонеры. Прежде чѣмъ отправиться на иркутскій съѣздъ

и сдѣлать тамъ предложеніе провозгласить старообрядчество вещевѣрною ересью, редакторъ «Миссіонерск. Обозрѣнія» г. Н. Гринякинъ напечаталъ въ своемъ журналѣ слѣдующее разсужденіе о «вещахъ»: «Матерія» таинствъ церковныхъ — вода, вино, хлѣбъ, мyро и т. п.—настолько существенны въ таинствахъ, что безъ нихъ недѣйствительны они и безблагодатны?» Извѣстно, что «разсуждавшіе» иначе осуждалися св. Церковью,какъ еретики. Вѣдь вода (въ крещеніи), вино и хлѣбъ (въ причащеніи), и мyро (въ мyропомазаніи)—это «матеріалистическія частицы», подлежащія общимъ законамъ химіи и физики. Однако древняя Христова Церковь обращала строгое вниманіе на количественно-математическую мѣру элементовъ матеріи таинствъ» («Миссіонерск. Обозр.», 1908 г., № 12, стр. 1767—1768). Кого же придется синоду проклинать за вещевѣріе и объявлять еретиками?

Сколько, посмотрите, у современныхъ богослововъ во всѣхъ ихъ богословствованіяхъ и вѣрованіяхъ всякой путаницы и противорѣчій, дикихъ и смѣшныхъ!

Если бы ихъ мyро обладало цѣлебнымъ свойствомъ уничтожать вотъ эти страшныя болѣзни и злокачественные наросты на душѣ миссіонеровъ и богослововъ господствующей церкви, то ихъ всѣхъ слѣдовало бы подвергнуть мyропомазанію. Можетъ быть, тогда они хотя на одну каплю поумнѣли бы.

XI.

О ПРИЧАЩЕНІИ.

1. При самомъ возникновеніи «устроенной» Никономъ новой церкви поднялись горячіе, ожесточенные споры о таинствѣ евхаристіи. Никонъ и его преемники, какъ извѣстно, создавали новую церковь при помощи вызванныхъ съ этой цѣлью въ Москву кіевскихъ ученыхъ. Всѣ они, по признанію тогдашней церковной власти, были еретики, пропитанные насквозь ядомъ латинства. Они заложили этотъ ядъ и въ основу никоновской церкви. Главнымъ и болѣе яркимъ изъ ихъ среды дѣятелемъ былъ Симеонъ Полоцкій. О немъ такъ отзывается московскій патріархъ Іоакимъ въ своемъ сочиненіи «Остенъ»: «Въ царство благочестивѣйшаго государя и великаго князя Алексія Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержавца, по плѣненіи польскаго государства, пришедъ изъ Полотска въ царствующій градъ Москву нѣкто іеромонахъ, у іезуитовъ учившійся по-латинѣ, именемъ Симеонъ, прозваніемъ Полотскій, сказа себе восточнаго благочестія послѣдователя быти. Благочестивый же царь и священніи архіерее, повѣрившие ему яко благочестивому и православному, вручаху ему всякія церковныя дѣла писати» («Остенъ», стр. 130). Воспитанный въ латино-іезуитской школѣ, онъ и мыслилъ и вѣровалъ по-латински. Ставъ во главѣ никоно-реформаторской дѣятельности, онъ велъ ее въ духѣ латинизма, во всякое свое твореніе, въ каждое дѣло реформы

вкладывая какую-либо римскую ересь. «Написа онъ, — свидѣтельствуетъ о немъ тотъ же Іоакимъ, — нѣкая писанія, собирая отъ латинскихъ книгъ, и иная же съ тѣхъ же латинскихъ книгъ готовая преведе. И во всѣхъ тѣхъ своихъ писаніяхъ написа латинскаго зломудрованія нѣкія ереси: аще отъ неискусства, аще ухищренно и неудопознанно лежаще суть въ писаніяхъ его, яко о исхожденіи Святого Духа отъ Отца и Сына, овыя же и явленно, яко написа словесы Господними токмо претворятися хлѣбу и вину въ Тѣло и Кровь Христову, и яко покланятися на словесѣхъ увѣщеваше, егда еще не пресуществившася хлѣбъ и вино въ Тѣло и Кровь, но токмо возъобразна суть Тѣла и Крове Христовы» («Остенъ», стр. 131). Современникъ Симеона Полоцкаго, извѣстный іеромонахъ Епифаній Славинецкій утверждаетъ, что Симеонъ намѣренно и настойчиво распространялъ въ Москвѣ латинскія ереси и между ними «католическое ученіе о пресуществленіи Даровъ произнесеніемъ словъ Христа: «пріимите, ядите»..., а не особою молитвою священника». «Это ученіе, — говоритъ І. Татарскій, — было весьма распространеннымъ между малороссійскими учеными тогдашняго времени, и Симеонъ, во всемъ раздѣлявшій ихъ воззрѣнія, явился естественнымъ представителемъ его въ Москвѣ. Одно мѣсто изъ этой проповѣди его, гдѣ онъ приглашаетъ къ себѣ желающихъ «на угоднѣйшее мѣсто и свободное время» для болѣе подробнаго наставленія, ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ велъ здѣсь даже устную пропаганду въ видахъ распро-

страненія этого ученія» (кн. Іерофея Татарскаго «Симеонъ Полоцкій», стр. 173). Мудрованіе, что пресуществленіе даровъ на литургіи совершается словами Христа: «пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое» іеромонахъ Епифаній называетъ «латинскою ересью». «Наши кіевляне, — заявляетъ онъ, — учились и учатся точію по-латинѣ и чтутъ книги токмо латинскія, и оттуда тако мудрствуютъ, а гречески не учился и книгъ греческихъ не чтутъ и того ради о семъ истины не вѣдаютъ и вельми въ семъ погрѣшили, зане сіе есть ересь латинская; латини бо тако мудрствуютъ, яко и самъ (Симеонъ) глаголеши, яко западніи учителіе глаголяютъ, Христовыми токмо словесы совершатися Тѣлу Христову и Крови. И азъ глаголю, яко латини тако новомудрствуютъ» (тамъ же, стр 174 и въ «Остенѣ», стр. 73). Во время патріаршества Іоакима «появися тетрадь печатная, названная «Выкладъ о церкви святой», лживо глаголящая на святыя отцы, якобы имъ глаголющимъ, еже пресуществлятися въ литургіи хлѣбу и вину въ Тѣло и Кровь Христову словесы токмо: «пріимите, ядите» и «пійте отъ нея вси»: еже не единому святыхъ сихъ и иныхъ всѣхъ Церкве святыя учителей въ умѣ бысть, ниже глагола кто ихъ когда, ниже писа гдѣ тако, но мнѣніе таковое новое латинскаго папы, отъ себе новомышленное не въ давнихъ временахъ по отступленіи ихъ отъ святыя восточныя Церкве» («Остенъ», стр. 21). Въ этомъ сочиненіи на вопросъ: «Кіими словесы освящаются святые дары и бываетъ хлѣбъ — Тѣло Христово и вино — Кровь?»

дается отвѣтъ: «По согласному святыхъ учителей разумѣнію сими словесы Христовыми: «пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое», и «пійте отъ нея вси, сія есть Кровь Моя»; по изреченіи сихъ словесъ, уже не есть хлѣбъ, но Тѣло Христово въ видѣ хлѣба, и вино не есть, но въ видѣ вина Кровь Христова есть» («Остенъ», стр. 22). Далѣе въ «Выкладѣ» приводятся въ ложномъ объясненіи слова блаж. Симеона Солунскаго, св. Іоанна Дамаскина, св. Іоанна Златоустаго «о преданіи Іудинѣ» и другихъ учителей церковныхъ. Въ обличеніе «Выклада» патріархъ Іоакимъ написалъ довольно обстоятельное сочиненіе, вошедшее въ его книгу «Остенъ». Іоакимъ доказываетъ, что авторъ «Выклада» не только вѣруетъ по-еретически о пресуществленіи въ литургіи Даровъ, но совершенно изуродовалъ мысли свв. отцовъ, допустивъ даже подлоги въ ихъ словахъ. Напримѣръ, — доказываетъ патріархъ Іоакимъ, — въ приводимомъ авторомъ «Выклада» словѣ Златоуста «о преданіи Іудинѣ» говорится: «Иже бо ону трапезу украси тогда, той и сію διακοσμεῖ, сирѣчь украшаетъ нынѣ», нѣкто же, подъ образомъ благочестія сый, утвердити хотя новшество папежниковъ, разумъ святаго Златоуста и реченіе, еже «украшаетъ», растливъ, украде истину, по папежскаго же новосѣченія мысли написа мѣсто «украшаетъ», — «освящаетъ», сице глаголя: «глаголетъ Златоустъ: Иже бо ону трапезу украси тогда, той и сію освящаетъ нынѣ», еже святому Златоусту рещи или писати: «той и сію ἁγιάζει, сирѣчь освящаетъ нынѣ, ниже въ мысль когда вознесеся. Сія оба глаголы, мѣсто διακοσμεῖ, знаменующее

«украшаетъ», превращенно написанное «освящаетъ», и мѣсто μεταῤῥυθμίζει, знаменующее «престрояетъ», превращенно написанное «претворяетъ», восхитивше нѣцыи младоумныхъ, всѣваютъ въ слухи неутвержденныхъ и тѣмъ простыхъ души возмущаютъ, глаголюще, яко и тетрадь «Выкладъ» лжетъ, яко Златоустъ святый написа: «сей глаголъ предлежащая претворяетъ» («Остенъ», стр. 29—30). Разбирая тетрадь, именуемую «Выкладъ», патріархъ Іоакимъ свои обличенія въ латинскихъ ересяхъ ея автора направлялъ собственно противъ «сооруженной» соборомъ 1666 года книги «Жезлъ Правленія», такъ какъ въ ней содержится и та самая ересь, которую Іоакимъ осуждаетъ въ своемъ сочиненіи, и тѣ подлоги, которые онъ раскрываетъ въ своихъ обличеніяхъ. Въ «Жезлѣ» буквально приводится то утвержденіе о пресуществленіи Даровъ, которое находится и въ «Выкладѣ». «Жезлъ» составлялъ, какъ извѣстно, Симеонъ Полоцкій, онъ счелъ своимъ долгомъ и въ эту соборную книгу заложить, какъ фундаментъ, латинскія ереси. «Истинно то есть, — богословствуетъ «Жезлъ», — яко хлѣбъ, предложенный во всей проскомидіи и до половины литургіи, даже до оныхъ словесъ Господнихъ: «Пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое», и вино съ водою, до оныхъ словесъ Господнихъ: «Пійте отъ нея вси, сія есть Кровь Моя» и до прочихъ, не имѣютъ пресуществленія въ Тѣло и Кровь Господню. Сихъ бо словесъ Господнихъ силою, хлѣба и вина существо прелагаетъ въ существо Тѣла и Крови Господни» («Жезлъ», час. 1, листъ 45 об. и 46, изд.

3-е). Вѣдь это же богословствованіе слово въ слово изложено въ разоблаченномъ Іоакимомъ «Выкладѣ». «Жезлъ» ссылается на тѣхъ же самыхъ отцовъ Церкви, которые приведены и въ «Выкладѣ». Авторъ «Выклада», какъ мы видѣли, ссылается на слово Златоуста «о преданіи Іудинѣ», — на это же слово ссылается и «Жезлъ», и въ той же «превращенной» редакціи. «Святый Іоаннъ Златоустый, — доказывается въ «Жезлѣ», — въ словѣ своемъ пятомъ, въ Великій четвертокъ о святѣй вечери Спасовѣ, и о Іудинѣ предательствѣ свидѣтельствуетъ сице: Предстоитъ и нынѣ Христосъ, трапезу сію украшая, иже бо ону трапезу украси тогда, той и сію освящаетъ нынѣ. Не человѣкъ бо есть творяй предлежащая быти Тѣло Христово, но Самъ распныйся о насъ Христосъ, образъ исполняя точію стоитъ іерей и приноситъ мольбу, и глаголы оны вѣщаетъ, благодать же и сила Божія есть вся сія содѣловающая, сіе есть Тѣло Мое, рече: сей глаголъ предложенныя претворяетъ. И якоже онъ гласъ рекій: растителся и множителся, и сполняйте землю: речено убо есть единою, во всякое лѣто бываетъ дѣло, взимая естество наше къ рожденію: Тако и гласъ сей, единою убо реченъ бысть отъ Божественнаго языка оного, на всякой же трапезѣ въ церквахъ даже до днесь, и даже до Его пришествія, жертву совершенную содѣловаетъ. Се явѣ есть яко сими словесы таинство евхаристіи совершается» («Жезлъ», листъ 46 и об.). Очевидно, что патр. Іоакимъ обличалъ въ еретичествѣ именно «Жезлъ». Онъ и не скрывалъ того,

что имѣетъ въ виду эту еретическую книгу. Въ его обличеніи, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ разоблачаетъ превращеніе Златоустоваго слова, онъ дѣлаетъ ссылку на «книгу, глаголемую «Жезлъ», листъ 41, изд. Москва 7174 г.» (см. въ «Остенѣ», стр. 29). На этомъ листѣ «Жезла» дѣйствительно находятся искаженныя слова св. Іоанна Златоустаго и «латинская ересь» о пресуществленіи Даровъ. Такимъ образомъ, ясно, во-первыхъ, что «Жезлъ» «сооруженъ» еретиками, и, во-вторыхъ, что въ немъ, по суду п. Іоакима, заключается дѣйствительно латинская ересь о таинствѣ евхаристіи. Современный намъ историкъ, профессоръ петербургской духовной академіи П. Смирновъ, откровенно сознается, что въ «Жезлѣ» есть «латинскія» мнѣнія о зачатіи Богоматери и о времени пресуществленія св. Даровъ» («Исторія русскаго раскола» П. С. Смирнова, изд. 2, стр. 171). Кстати сказать, какъ правы были наши предки, изобличавшіе современную имъ высшую іерархію въ уклоненіи въ латинство. И это уклоненіе было не частичнымъ заблужденіемъ того или иного іерарха, а всѣхъ русскихъ архіереевъ совмѣстно съ восточными патріархами. «Прежде всего надлежитъ установить,—говорится въ предисловіи къ третьему изданію книги «Жезлъ»,—что книга «Жезлъ Правленія», изданная соборомъ 1666 года, была одобрена соборомъ 1667 года. Слѣдовательно, она является выраженіемъ мнѣній обоихъ соборовъ. Что издана она соборомъ 1666 г., видно изъ напечатаннаго на первомъ листѣ ея указанія на годъ изданія (1666-й) и изъ

слѣдующихъ словъ конца предисловія: «на него же (т.-е. на Никиту Пустосвята) мы, освященный соборъ, исходимъ, якоже Давидъ съ жезломъ симъ мысленнымъ» (т.-е. съ книгою «Жезлъ Правленія»). Что «Жезлъ Правленія» принятъ соборомъ — свидѣтельствуютъ «Дѣянія» собора 1667 года (см. по изданію братства Петра митрополита, 16 листъ на оборотѣ и начало 17 листа)» («Жезлъ», лис. 3 об., изд. 3-е). Книга «Жезлъ Правленія» до настоящаго времени имѣетъ обязательное каноническое значеніе въ господствующей церкви. Стало-быть, до сихъ поръ еретическій догматъ «Жезла» о пресуществленіи Даровъ стоитъ твердо и непреложно. Но въ то же время съ неменьшей непреложностью и твердостью содержится въ господствующей церкви и вѣрованіе патр. Іоакима, что догматъ «Жезла» есть злая ересь латинъ. Въ книгѣ «Пращица», изданной той же господствующей церковью и имѣющей въ ней не меньшее значеніе, чѣмъ «Жезлъ», законополагается: «Аще ли кто противно святѣй восточнѣй и великороссійской церкви мудрствуя, единѣми точію словеси Христовыми, якоже и латины мудрствуютъ, кромѣ оныхъ словесъ, яже глаголются со знаменіемъ честнаго креста сіе есть: И сотвори убо хлѣбъ сей, честное Тѣло Христа твоего: А еже въ чаши сей, честную Кровь Христа твоего, преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ, аминь, аминь, аминь. Таковаго быти разумѣю суща неправославна» («Пращица», отв. на 195 вопр., лис. 334, изд. 1752 г.). По этому суду «Пращицы», въ господствующей церкви всѣ еретики: и тотъ, кто

составлялъ «Жезлъ», и тотъ, кто его одобрилъ, и тотъ, кто его принимаетъ и содержитъ. «Иначе же мудрствуяй о сихъ, — подтверждаетъ и патр. Іоакимъ, — далече отъ церкви вѣрныхъ да будетъ, и отъ паствы православныхъ да ижденется, и таковый, внѣ овчарни Христовой бывъ, истребится отъ волковъ душегубительныхъ, и часть его будетъ со всѣми противляющимися истиннѣ, аще искренно о томъ не покается и чужаго мудрованія отъ себе не отрынетъ и истинны не проповѣсть» («Остенъ», стр. 69). Въ свою очередь и защитники еретическаго догмата «Жезла» не скупятся на подобныя же осужденія. «Аще ли кто нынѣ, — опредѣляетъ соборъ 1667 г., — начнетъ прекословити о изложенныхъ винахъ на соборѣ семъ великомъ, отъ святѣйшихъ вселенскихъ патріарх яже исправиша и узаконоположиша о аллилуіи, и о крестѣ и о прочихъ винахъ, яже писаны въ соборномъ изложеніи настоящаго сего собора, въ лѣто отъ Божія по плоти рожденія 1667 и въ книзѣ Правленія Жезла, да будетъ по апостолу Павлу въ правду самоосужденъ и наслѣдникъ клятвѣ сего собора, писаннѣй въ соборномъ дѣяніи его, яко преслушникъ Божій, и святыхъ отецъ правиломъ противникъ» («Дѣянія» соб. 1667 г., лис. 93 и об.). «Наслѣдство» обѣщаетъ соборъ не совсѣмъ пріятное. Наслѣдникъ клятвы «будетъ и по смерти отлученъ, и часть его и душа со Іудою предателемъ и съ распеншими Христа жидовы: и со Аріемъ, и съ прочими проклятыми еретиками. Желѣзо, каменіе и древеса да разрушатся, и да растлятся:

а той да будетъ не разрѣшенъ, и не растлѣнъ, и яко тимпанъ, во вѣки вѣковъ» (тамъ же, листъ 7). Бѣдныя чада никоновской церкви! Они находятся въ такомъ безвыходномъ положеніи, что, какъ бы ни вѣровали они относительно пресуществленія Даровъ, имъ не избѣжать осужденія въ еретичествѣ. И «Жезлъ», и соборы 1666 и 1667 гг., и «Пращица», и Іоакимъ, и синодъ — всѣ они точно сговорились, единодушно и дружно, неизмѣнно и твердо, награждаютъ своихъ чадъ единственнымъ наслѣдствомъ — проклятіями и адомъ.

2. Стоитъ народиться около какого-нибудь богословскаго вопроса одной ереси, какъ тотчасъ же плодятся отъ нея другія ереси. Раскрывъ въ богословіи никоновской церкви латинскую ересь о времени пресуществленія Даровъ, патріархъ московскій Іоакимъ тогда же подмѣтилъ и изобличилъ и другую ересь своей церкви. Онъ называетъ ее «хлѣбопоклонннческой». Она заключается въ благоговѣйномъ поклоненіи молящихся во время великаго выхода на литургіи. Въ этотъ моментъ Дары еще не претворились въ Тѣло и Кровь Христовы. Поэтому поклоненіе здѣсь относится къ простому хлѣбу и вину. Іоакимъ приводитъ сужденіе по этому предмету какого-то «слагателя слова о благоговѣйномъ въ храмѣ Божіемъ стояніи»: «Яко поклоняющіися на великомъ входѣ хлѣбу и вину, яко совершенному Тѣлу и Крови Христовѣ, таковіи прельщаются и смертно грѣшатъ и, хлѣбу отдающе поклонъ Божій, хлѣбопоклонницы бываютъ, въ вѣчную душу своея погибель» («Остенъ» патр. Іоакима, стр. 162). Этотъ «смертный

грѣхъ» совершается и въ другой моментъ литургіи. «И яко на великомъ входѣ поклоняющіися хлѣбу и вину смертно грѣшатъ, тако, — говоритъ патр. Іоакимъ, — и на словесѣхъ: «пріимите, ядите» поклоняющіися хлѣбу и вину смертно грѣшатъ. Въ обѣихъ временѣхъ сихъ и хлѣбъ, и вино еще тоежде, и хлѣбопоклоненія таяжде: и грѣхъ смертный хлѣбопоклоненій тѣхъ равенъ есть и здѣ и тамо» («Остенъ», стр. 163). Свое осужденіе «хлѣбопоклоненія» Іоакимъ подкрѣпляетъ слѣдующимъ разсужденіемъ: «Въ Божественной убо литургіи предложенная, по пресуществленіи Святымъ Духомъ, самое есть живое и животворящее Тѣло Христово и Кровь, купно съ душею и Божествомъ, ему же должны вси, яко суще Самому Христу Богу, яко и есть полатрія (т.-е. боголѣпно) покланятися. Прежде же пресуществленія тварь есть; хлѣбъ бо еще есть и вино по своему существу. И поклоняющіися непресуществленному хлѣбу и вину (яко нынѣ премнози отъ неразмыслъства и отъ упорства творятъ, по латинскому обычаю) самымъ величайшимъ смертнымъ грѣхомъ грѣшатъ — твари поклоненіемъ». Для большей убѣдительности авторъ «Остена» опирается на имъ же разоблаченнаго еретика — книжнаго справщика Сильвестра Медвѣдева. Онъ «въ покаянномъ своемъ писаніи глаголетъ: въ томъ смертно согрѣшихъ хлѣбу и вину боголѣпную честь отдавати учахъ по обычаю латинскому (си есть покланятися на возглашеніи отъ іерея словесъ: «пріимите, ядите»). И отъ нынѣшняго времени исповѣдую и обличаю и отвергаю то мое прежднее не-

православное и вредословное мудрованіе» («Остенъ», стр. 164). Нужно ли говорить, что «хлѣбопоклонническая ересь» до настоящаго времени не уничтожена въ господствующей церкви. Зайдите въ любой храмъ ея во время совершенія литургіи, и вы увидите, какъ усердно выполняется этотъ «латинскій обычай» поклоненія въ моментъ великаго выхода и на словахъ «пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое». То же творится неизмѣнно и въ единовѣрческихъ храмахъ. Можно, конечно, возразить, что самъ Іоакимъ слишкомъ далеко заходилъ въ своихъ обличеніяхъ и искорененіяхъ латинскихъ ересей въ своей церкви. Еще одинъ шагъ, и можно договориться до «дерево- и желѣзо-поклонническихъ ересей», и вообще придется всякіе поклоны отмѣнить не только св. мощамъ, иконамъ, кресту, но и людямъ. Пусть возражаютъ Іоакиму современные «богословы». Это ихъ дѣло. Они, несомнѣнно, за нимъ самимъ отыщутъ не мало ересей. Въ одномъ его знаменитомъ «Увѣтѣ» сколько ихъ. Мы же ведемъ свою линію: лишь указываемъ, что по собственному суду архипастырей, богослововъ и миссіонеровъ господствующей церкви, она и богословіе ея преисполнены ересей, заблужденій и всякихъ грѣховъ. Даже въ вопросѣ о такомъ таинствѣ, какъ Божественная евхаристія, они являются разновѣрными и разноязычными.

3. Въ своихъ Катехизисахъ, Служебникахъ и полемическихъ книгахъ господствующая церковь выражаетъ вѣрованіе, что таинство причащенія есть «Божественныя, безсмертныя и животворящія тайны», есть «са-

мое пречистое Тѣло Христа и самая честная Кровь Его». Это — «огнь попаляяй грѣхи и очищаяй отъ всякія скверны». Родоначальникъ богослововъ господствующей церкви Никонъ, бывшій патріархъ, находилъ невозможнымъ давать причащеніе ворамъ и разбойникамъ даже въ самый часъ смерти ихъ. Онъ видѣлъ въ этомъ униженіе Самому Христу. «Я разослалъ, — заявляетъ Никонъ, — по всѣмъ городамъ грамоты, чтобы разбойники покаялись прежде, нежели будутъ пойманы и взяты; а о томъ, чтобы пойманныхъ на разбоѣ исповѣдывать и причащать, я нигдѣ не нашелъ правила. Господь сказалъ: ядый Мою плоть и піяй кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ. Кто-жъ осмѣлится удостоить человѣка причастія и потомъ казнить?» «Къ этому Никонъ присоединилъ, — свидѣтельствуетъ историкъ м. Макарій, — нѣсколько правилъ, которыми убійцамъ запрещалось причастіе на двадцать лѣтъ и повелѣвалось преподавать причастіе съ разсужденіемъ только достойнымъ» («Исторія русск. церкви», Макарія, митр. московскаго, т. XII, стр. 392—393).

Иначе смотрѣли на это таинство преосвященные законодатели временъ царевны Софіи Алексѣевны. Въ извѣстныхъ драконовскихъ статьяхъ Софьи, продиктованныхъ «святѣйшимъ» Іоакимомъ, патріархомъ московскимъ, опредѣлялось: «Которые люди ходили по деревнямъ и людей, которые въ совершенныхъ и малыхъ лѣтахъ перекрещивали и прежнее святое крещеніе нарицали неправымъ, а перекрещиванье вмѣняли въ истину и тѣхъ воровъ, которые перекрещивали,

хотя они церкви Божьей и покоренье приносятъ и отца духовнаго и св. Таинъ причаститься желати будутъ истинно и ихъ исповѣдавъ и причастивъ, казнить смертію безъ всякаго милосердія» («Новые матеріалы для исторіи старообрядчества», собр. Е. В. Барсовымъ, стр. 27). Отсюда ясно, что патр. Іоакимъ и его современники признавали причащеніе менѣе спасительнымъ таинствомъ, чѣмъ страшное немилосердное убійство. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ требовалось непремѣнно казнить смертью тѣхъ «воровъ», которые «истинно» раскаялись въ своихъ духовныхъ преступленіяхъ и приняли причастіе? Если не вѣрили ихъ искренности, считали, что они и въ душѣ раскольники и еретики, то достойно ли такихъ лицъ сподоблять причащенія? «Еретика и раскольника, — говорится въ «Пращицѣ», — явленна суща и проклята, аще въ таковой ереси, или расколѣ явленномъ сущь оный еретикъ, или раскольникъ стоитъ, противися святѣй восточнѣй церкви, и не кается о ономъ, и отъ проклятія не разрѣшенъ и не прощенъ, таковаго святыхъ Таинъ, еже есть Тѣла и Крови Христовы, причащать весьма не подобаетъ: понеже Христосъ Спаситель рече: Не дадите святая псомъ. А еретики и раскольники, хулами на святую церковь, яко пси лаютъ весьма, и кто таковаго святыхъ Таинъ причаститъ, и таковый по намѣренію, егоже ради причащалъ, судъ пріиметъ отъ архіерея по святымъ правиломъ» («Пращица», отв. на вопр. 214, лис. 349, изд. 1752 г.). Этого суда не могли не знать сами архіереи,

и во главѣ ихъ патріархъ Іоакимъ. И если, тѣмъ не менѣе, они давали причастіе «писамъ», то значитъ они низводили это таинство до простого какого-то средства или пластыря, который можно приложить къ какому угодно больному и прокаженному. Если же они вѣрили, какъ сказано въ статьяхъ Софьи, что эти «воры» раскаивались «истинно» и принимали таинство по искренней вѣрѣ, то значитъ патр. Іоакимъ и тогдашняя іерархія признавали причащеніе не вполнѣ достаточнымъ, чтобы имъ спасти раскаявшихся людей и посредствомъ него ввести ихъ въ жизнь вѣчную. Смертную казнь они сдѣлали дополнительнымъ таинствомъ къ причащенію. Только по совершеніи этого кроваваго таинства они получали увѣренность, что удостоившійся его получить непремѣнно войдетъ въ Царство Христа. Вѣровать, что таинство причащенія менѣе спасительно, чѣмъ смертоубійство, — это ли не кощунство? Никонъ признавалъ за причащеніемъ столь великую силу, что опасался, какъ бы посредствомъ причащенія не наполнить рай ворами и разбойниками. Въ противоположность этому взгляду Никона, патр. Іоакимъ и его единомышленники вѣровали, что таинство евхаристіи столь безсильно, что не въ состояніи спасти отъ ада и самыхъ искренно и истинно раскаявшихся въ своихъ проступкахъ людей. Они опасались, какъ бы адъ не наполнился вѣрующими людьми, принявшими въ себя Самого Христа, и поэтому заповѣдали «казнить ихъ смертію безъ всякаго милосердія».

4. Архипастыри и богословы господствующей церкви

петровскаго времени стали смотрѣть на таинство причащенія, какъ на особаго вида татуированіе или, въ большинствѣ случаевъ, какъ на злое орудіе мести. Превращали они это таинство и въ орудіе полицейскаго сыска. Синодъ зналъ, что многіе старообрядцы, боясь жестокихъ, кровавыхъ преслѣдованій, подобно древнимъ христіанамъ таили свою вѣру, живя среди послѣдователей Никона. Какъ открыть принадлежность ихъ къ старообрядчеству? Синодъ ничего иного не могъ придумать, какъ примѣнить въ этомъ дѣлѣ причастіе, отдавъ его на служеніе полицейскимъ цѣлямъ. «Аще который христіанинъ, — предписываетъ синодъ, — покажется, что онъ весьма отъ святого причастія удаляется, тѣмъ самымъ являетъ себе, что не есть въ тѣлѣ Христовѣ, сіесть, не есть сообщникъ церкви, но раскольщикъ. И нѣсть лучшаго знаменія, почему познать раскольщика. Сіе прилежно подобаетъ наблюдать епископамъ и приказывать, чтобъ имъ священницы приходскіе по вся годы о своихъ прихожанахъ доносили, кто изъ нихъ не причащался черезъ годъ, кто же и чрезъ два, и кто никогда же» («Регламентъ», стр. 72, изд. 1897 года). Разумѣется, раскрытые такимъ путемъ старообрядцы отказывались отъ причастія. Въ такихъ случаяхъ ихъ причащали насильно. Синодъ какъ бы говоритъ старообрядцамъ: «А, вы боитесь нашего причастія, какъ чего-то преступнаго, позорнаго. Такъ вотъ же вамъ: мы силою васъ опозоримъ, заклеймимъ васъ нашимъ «тавромъ», на душѣ вашей положимъ нашу печать». Архипастырство господствую-

щаго исповѣданія оказенило сначала свою церковь, а потомъ оказенило и самыя таинства. Старообрядцевъ причащали на зло, въ насмѣшку и ради издѣвательства. «Вѣмъ, по истинѣ вѣмъ, — сознается авторъ «Пращицы», — яко никоторыи іереи, никоторыхъ еретиковъ и раскольниковъ не покаявшихся, проклятыхъ, насильно не причащаютъ, кромѣ васъ таковыхъ сущихъ» («Пращица», отвѣтъ на вопр. 214, лис. 349 об.). Съ какимъ злорадствомъ сказано это старообрядцамъ. Ихъ считала господствующая церковь хуже всѣхъ еретиковъ и даже «хуже жидовъ». Митрополитъ Арсеній Маціевичъ заявлялъ отъ имени церкви, что «истребленіе раскольниковъ должно совершаться съ большимъ прилежаніемъ и настойчивостью, чѣмъ жидовъ и другихъ еретиковъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи» («Отношеніе русск. церковн. власти къ расколу», свящ. Синайскаго, стр. 150). Надъ старообрядцами испробовали всѣ мѣры самыхъ страшныхъ наказаній и казненій: ихъ рѣзали, пытали, жгли. Но всего этого казалось синоду мало, и онъ ломалъ голову надъ ужаснымъ вопросомъ, какое бы придумать этимъ людямъ, «горшимъ жидовъ», наиболѣе страшное наказаніе. И придумалъ: причащать старообрядцевъ насильно. Синодъ прекрасно понималъ, что всѣ внѣшнія мѣры преслѣдованія не достигали цѣли — онѣ не калѣчили и не сквернили душу старообрядцевъ, она оставалась чистой, вѣрующей, отъ подвиговъ мученичества становилась ближе къ Христу. А это ли нужно было синоду? Ему хотѣлось самую душу старообрядцевъ искалѣчить и осквернить. Именно съ этою

цѣлью онъ дѣлалъ распоряженія насильно причащать старообрядцевъ. Отсюда понятно, какимъ ужаснымъ средствомъ считалъ синодъ таинство евхаристіи. Самый ужаснѣйшій хулитель христіанства едва ли могъ придумать болѣе атеистическое и болѣе кощунственное отношеніе къ таинству, чѣмъ то, какое практиковалъ синодъ и его усердные служители. Одинъ изъ этихъ служителей, именно оберъ-іеромонахъ Маркелъ Родышевскій, доносилъ синоду изъ г. Риги, что его «прилежнымъ тщаніемъ вездѣ здѣ крывшійся у бородатыхъ раскольниковъ въ бородахъ ихъ гнѣздившійся пакостный змій съ онымъ гнѣздомъ своимъ, еже есть бородами, истребленъ и всегда истребляется, и суевѣріе всякое отъ среды изъемлется, правда же насаждается елико мощно». Средствомъ для истребленія раскола М. Родышевскій избралъ прямое, грубое насиліе: это видно изъ того, что онъ «взялъ подъ караулъ до 500 человѣкъ, не бывшихъ у исповѣди и святаго причастія и, какъ овецъ, загнавъ ихъ въ цитадель, велѣлъ говѣть и всѣхъ сподобить святыхъ Таинъ» («Отношеніе русск. церковн. власти къ расколу», свящ. Синайскаго, стр. 265—266).

Оберъ-іеромонахъ Родышевскій такъ дѣйствовалъ по указу синода. Въ 1722 агенты синодальные доносили въ синодъ: «Нѣцыи, обратившіеся отъ раскола, аки бы и повинуются по всему, а показуютъ за собою тяжкіе грѣхи, а мнится происходятъ подъ видомъ коварства, дабы не причаститься святыхъ таинъ, понеже учители ихъ зловѣрные сего таинства всѣми образы лукавства учатъ происходить. А друзіи отъ благоче-

стивыхъ мнимыхъ такожде при исповѣди показуютъ тяжкіе грѣхи, и тѣмъ отлучаютъ себя многолѣтно отъ святаго причащенія, а мнится и о сихъ равнымъ же образомъ вышеписанныхъ злохитрствомъ себя прикрываютъ, подобаетъ ли обоимъ симъ преподаяти святыя тайны?» Вопросъ этотъ предложенъ былъ разновременно тобольскимъ митрополитомъ Антоніемъ и архимандритомъ Антоніемъ. Синодъ указомъ отъ 28 февраля 1722 года рѣшилъ предложенный вопросъ слѣдующимъ образомъ: «О отрицающихся тяжкими отъ причастія грѣхами древнія правила были, которыми за нѣкія тяжчайшія беззаконія на долгое время запрещено отъ святаго причастія, и то было врачество церковное, дабы знали грѣшницы тяжесть беззаконія своего и Божія отъ нихъ раздраженія; а нынѣ понеже оное врачество раскольницы обратили себѣ въ отраву и притворно на себѣ сказуютъ грѣхи безмѣстные (т.-е. придуманные), дабы тако отбитися отъ причастія святой евхаристіи, ими безбожно хулимой, того ради церковь святая, всегда едину власть имущая издавати правила къ исправленію сыновъ своихъ, по разсужденію временъ и нравовъ человѣческихъ, прощаетъ исповѣдующимся древній канонъ, яко въ отраву отъ злоковарныхъ человѣкъ на погибель ихъ употребленный; кающагося же и исповѣдующаго грѣхи своя, какіе бы ни были, къ причастію святыхъ таинъ припускаетъ безотложно». («Отношеніе русской церковной, власти къ расколу», Синайскаго, стр., 233). Въ этомъ дикомъ указѣ синодъ повелѣваетъ отъ имени церкви причащать такихъ лицъ, о кото-

рыхъ онъ знаетъ, что это—«раскольники», «безбожные хулители святой евхаристіи», принимающіе всякія средства, чтобы «отбиться» отъ ненужнаго и противнаго имъ причащенія. Могло ли такимъ людямъ быть причастіе во отпущеніе грѣховъ, во спасеніе? Ясно, что синодъ въ своей борьбѣ съ «расколомъ» пускалъ въ ходъ причастіе какъ какую отраву, которой возможно причинить вредъ своему врагу, сдѣлать его негоднымъ и сквернымъ. Средствомъ осквернения признавалъ синодъ таинство евхаристіи. Вотъ чѣмъ для него было великое таинство Христа.

Въ новомъ указѣ отъ 14 октября 1723 г. синодъ призналъ, что лица, придумывающія на себя грѣхи, совершаютъ этимъ новый грѣхъ, который не отпускается на исповѣди, и тѣмъ не менѣе снова приказалъ причащать ихъ. «Подозрительныхъ въ расколѣ людей,—говоритъ синодъ,—тяжкими отъ святаго причастія грѣхами удаляющихся, отцемъ ихъ духовнымъ увѣщевать, чтобы они напрасно и ложно такихъ себѣ тяжкихъ грѣховъ не притворяли, ибо какъ за утаеніе грѣховъ, такъ и за ложныя на себѣ клеветы равное бываетъ грѣховъ неотпущеніе, а о причащеніи ихъ чинить, какъ объявленный въ оной выпискѣ 1722 года февраля 28 числа состоявшійся, указъ повелѣваетъ» (тамъ-же, стр. 233).

Въ «Исторіи Выговской пустыни» Филиппова и въ «Исторіи раскола» проф. Смирнова передаются возмутительные случаи насильственнаго причащенія старообрядцевъ: имъ вставляли въ ротъ особый, вѣроятно

синодомъ изобрѣтенный, инструментъ, называемый «кляпомъ», и при помощи его вливали въ горло причастіе, заставляя старообрядцевъ непремѣнно его проглотить. «Овіи же, — повѣствуется въ «Исторіи Выговской пустыни», — отъ такого мучительства и не хотяще, но нуждею приводимы причащахуся, а инымъ силою причастіе и антидоръ кляпы въ уста покладающе вливаху, иніи же аще и пріимаху, но въ устѣхъ удерживаху не проглотивше и вышедше изъ церкви пометающе изъ устъ плеваху на землю» («Исторія Выговской пустыни», Ивана Филиппова, стр. 25 и 37). Можете себѣ представить, какія страшныя драмы происходили около такого «таинства». Такой взглядъ на причастіе, какъ на средство опозоренія инакомыслящихъ людей, синодъ перенялъ у древнихъ еретиковъ. Св. Ѳеодоръ Студитъ свидѣтельствуетъ, что въ его время насильственное причащеніе практиковали иконоборцы. Онъ предупреждалъ православныхъ христіанъ избѣгать еретическаго причастія, потому что, — говоритъ святой отецъ, — «хотя бы кто предлагалъ даже всѣ богатства міра, и между тѣмъ имѣлъ общеніе съ ересью, онъ не другъ Божій, а врагъ. И что я говорю о пріобщеніи? Кто имѣетъ общеніе съ еретиками и въ пищѣ, и въ питіи, и въ дружбѣ, тотъ виновенъ. Это слова Златоуста и всѣхъ святыхъ. Какъ же невольное, а не добровольное дѣло того, кто кажется православнымъ, и между тѣмъ имѣетъ общеніе съ ересью. Невольное дѣло бываетъ тогда, когда кто-нибудь, насильно раскрывъ ротъ православному, вольетъ еретическое причастіе,

что дѣлали древніе еретики и дѣлаютъ, какъ я узналъ, нынѣшніе христоборцы» (Твореніе св. Ѳеодора Студита, ч. 2, стр. 97—98). Такимъ же способомъ причащали православныхъ и еретики аріане, вставляя въ ротъ клинья (см. въ «Лѣтописи» Баронія, лѣто 351, число 7). Насильно вливали въ уста мученикамъ и язычники идоложертвенное (въ Четіи-Минеи, 16 апрѣля, житіе свв. мученицъ: Агапіи, Хіоніи и Ирины).

5. Усвоивъ себѣ взглядъ на причащеніе, не какъ на таинство, пріобщающее Христу, а какъ на какую-то обязательную прививку или какъ на цѣпи, приковывающія къ офиціальному «православію», синодальная іерархія придумала и внутри своей церкви всякіе способы, чтобы никто не могъ избѣжать причастія, хотя бы онъ былъ сектантъ, отрицающій всѣ таинства, или явный атеистъ. «Каждый изъ насъ хорошо помнитъ, — пишетъ въ открытомъ письмѣ ректору семинаріи одинъ священникъ, — какъ семинаристы битыхъ два часа отсиживали въ пыльномъ и душномъ шкафу или отхожемъ мѣстѣ, лишь бы не итти ко всенощной». А говѣніе и причащеніе съ отмѣтками «помощника»? Изъ моихъ школьныхъ впечатлѣній, — заявляетъ епископъ Михаилъ, — кажется, самое худшее — этотъ «субъ», стоящій около святой чаши и провѣряющій съ карандашикомъ: не хочетъ ли кто ускользнуть отъ «причастія»? Удивительна ли послѣ этого сценка, разсказанная Любимовымъ въ «Русскомъ Дѣлѣ» 1905 года. Первая недѣля Великаго поста. Воспитанники говѣютъ. Кучка «духовныхъ» воспитанниковъ играетъ въ карты...

«въ три листика». «Эхъ, не везетъ, братцы, — говоритъ одинъ, — сходить исповѣдаться, — авось отыграюсь». Идетъ. Черезъ 20 минутъ возвращается и ставитъ темную... Понятно, что если къ чашѣ ведутъ подъ надзоромъ, — и отношеніе къ святынѣ становится своеобразнымъ. Религіозное чувство убито въ духовной школѣ и убито, конечно, этимъ «профессіонализмомъ», при которомъ заставляютъ смотрѣть и на причащеніе, какъ на обязанность, въ родѣ упражненія въ новыхъ «па» въ танцовальныхъ институтахъ» («Кіевск. Вѣсти»). Такъ продолжаютъ смотрѣть на это таинство въ господствующей церкви и теперь. Этотъ взглядъ кореннымъ образомъ противорѣчитъ катехизическому вѣроученію о таинствѣ евхаристіи. Богословы господствующей церкви по всѣмъ богословскимъ вопросамъ, за какой бы мы не дотронулись, сѣкутъ себя немилосердно, ни по какому даже таинству нѣтъ у нихъ совершенно опредѣленнаго и постояннаго вѣроученія. Какъ ими понимается таинство причащенія, — объ этомъ одно говорятъ ихъ Катехизисы и Служебники и другое — синодальные опредѣленія, циркуляры и сама жизнь и духъ ихъ церкви.

6. Господствующая церковь признаетъ, что для совершенія таинства евхаристіи имѣетъ огромное значеніе, по какому Служебнику совершается литургія. Если по старопечатному Служебнику, по которому требуется совершать литургію на седми просфорахъ, то и совершители литургіи за это одно обнажаются священства, и дары, предназначенные для евхаристіи,

не могутъ пресуществиться въ Тѣло и Кровь Христовы. Кто, — говоритъ синодъ словами «Пращицы», — будетъ совершать литургію на седми просфорахъ съ воображеніемъ на нихъ креста съ тростію, копіемъ и главою Адамовою, тѣхъ «соборнѣ восточніи патріархи: Паисій александрійскій, Макарій антіохійскій и московскій патріархъ Іоасафъ и вси россійстіи архіереи проклятію предаша и священства извергоша и всякаго священнодѣйствія весьма обнажиша. И аще которіи попы, невѣжды суще, вами прельщеніи и весьма развращеніи, нынѣ дерзнутъ тако служити, противящеся восточнѣй и великороссійстѣй церкви и вышепоименованной соборной клятвѣ, таковіи суть прокляти и отлучени и извержени и весьма священнослуженія обнажени, и отъ таковыхъ соборомъ проклятыхъ и изверженныхъ и священства обнаженныхъ не можетъ быть сущее святое Тѣло Христово и Кровь Христова весьма!» («Пращица», отв. на 212 вопр., лис. 345 и об.).

При учрежденіи единовѣрія синодъ вынужденъ былъ разрѣшить единовѣрческимъ священникамъ совершать литургію по старымъ Служебникамъ. Но и тутъ учредитель единовѣрія—Платонъ, митрополитъ московскій, счелъ долгомъ заявить отъ лица церкви, что она «все тщаніе и ревность прилагала къ приведенію на путь истины отторгшихся отъ нея, и для того изданы многія книги (здѣсь во «многихъ книгахъ» разумѣется, конечно, и «Пращица»), въ коихъ явственно и доказательно показаны и заблужденія от-

торгшихся, и погрѣшности отъ нерадѣнія и невѣжества, взошедшія въ прежнія церковныя книги... и хотя нынѣ не можетъ быть о всемъ томъ иная церкви мысль, развѣ каковая ею доселѣ за истину признана и признается, однако церковь, яко мать сердобольная, не видя въ обращеніи отторгшихся отъ нея великаго успѣха, разсудила за благо учинить нѣкоторое таковымъ въ невѣдѣніи погрѣшащимъ снисхожденіе» (см. въ «Трудахъ перваго единовѣрческаго съѣзда въ Москвѣ», приложеніе, стр. 116). Оно, однако, очень незначительно и не измѣняетъ прежняго взгляда господствующей церкви на совершеніе евхаристіи по старымъ Служебникамъ. Единовѣрцы просили пунктомъ 11 своихъ условій: «Есть ли кто изъ сыновъ грекороссійской церкви пожелаетъ пріобщиться святыхъ Таинъ отъ старообрядческаго священника, таковому не возбранять, — равно-жъ, если и старообрядецъ пожелаетъ пріобщиться св. Таинъ въ грекороссійской церкви, не возбранять оному». Что же отвѣтилъ синодъ на такую просьбу? «По сей статьѣ, — отвѣчаетъ синодъ, — сынъ православныя грекороссійскія церкви не иначе можетъ имѣть дозволеніе развѣ въ крайней нуждѣ и въ смертномъ случаѣ, гдѣ-бъ не случилось найти православнаго священника и церкви, а старообрядцу дозволять то безъ всякаго затрудненія» (тамъ же, стр. 112). Очевидно, синодъ не признавалъ таинство, совершенное у единовѣрцевъ, дѣйствительнымъ и именно потому, что оно совершено по старопечатному Служебнику. Крайняя нужда указана только для «утѣ-

шенія» умирающему, вѣдь въ такомъ случаѣ онъ все равно останется безъ причащенія, а это равносильно тому, что онъ причастится у единовѣрцевъ. Совсѣмъ недавно члены одной «консисторіи признали крайне также неудобнымъ дозволить единовѣрческому священнику ходить по домамъ православныхъ со св. водой, такъ какъ святость этой воды, въ виду прошенія, читаемаго на великой эктеніи при освященіи ея, **несомнительна**» (Журн. казанской духовной консисторіи отъ 12 февраля 1904 г., № 12, «Правда Православія», 1906 г., № 4, стр. 15). А ужъ о причастіи и говорить нечего. Взглядъ на него синодальной власти остается прежнимъ и неизмѣннымъ. И если бывали случаи, что архипастырство господствующей церкви отзывалось о единовѣрцахъ и ихъ евхаристіи одобрительно и свысока-снисходительно, какъ къ слабымъ дѣтямъ, нуждающимся въ легкой пищѣ, то это только свидѣтельствуетъ, что представители господствующей церкви и ея богословы готовы въ любой моментъ исповѣдывать какую угодно вѣру. Въ томъ и заключается трагедія, вѣрнѣе бы сказать — комедія современныхъ «богослововъ», что они вѣруютъ не въ Церковъ и ея таинства, а въ самыя разнообразныя обстоятельства и въ полицейско-духовные приказы, нерѣдко продиктованные самымъ грубымъ, циничнымъ атеизмомъ.

Единовѣрцамъ мало утѣшенія въ томъ, что синодъ дозволилъ «въ крайней нуждѣ и въ смертномъ случаѣ» сыну грекороссійской церкви причаститься у единовѣрческаго священника. Этимъ дозволеніемъ си-

нодъ только сравнялъ единовѣрцевъ съ такими еретиками, какъ армяне и англикане. Восточные патріархи разрѣшаютъ своей паствѣ принимать таинства отъ этихъ еретиковъ, если того требуютъ обстоятельства. Миссіонерская газета «Колоколъ» отъ 25 января 1910 г. (№ 1450) свидѣтельствуетъ, что «въ тѣхъ мѣстахъ Малой Азіи, гдѣ нѣтъ греческой церкви, лица православнаго исповѣданія, служащія при консульствахъ, и другія въ свое время обращались къ константинопольскому вселенскому патріарху съ вопросомъ: къ какой церкви прибѣгнуть въ случаяхъ совершенія требъ и принятія свв. Таинъ? Патріархомъ приказано обращаться только къ армянской, но не къ другой церкви». Но потомъ самъ патріархъ засвидѣтельствовалъ, что онъ разрѣшилъ своей паствѣ принимать таинства и отъ англиканскихъ священниковъ, какъ извѣстно, еще въ 1655 г. признанныхъ еретиками перваго чина. Въ № 5 синодальнаго органа «Церковныя Вѣдомости» за 1910 г. приведена слѣдующая бесѣда константинопольскаго патріарха съ корреспондентомъ одной иностранной газеты:

«Каковы современныя отношенія православной церкви къ англиканской?—спросилъ корреспондентъ.

— Англиканская церковь,—отвѣтилъ патріархъ,—признавая и уважая древность восточной церкви, можетъ притти къ согласію съ нами, тѣмъ болѣе, что наши отношенія не только весьма сердечны, но и дошли до того, что въ силу взаимнаго соглашенія, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ англиканскаго духовенства,

православный священникъ можетъ преподавать англиканамъ въ случаѣ нужды нѣкоторыя таинства и англійскій священникъ православнымъ». О такомъ взаимномъ единеніи въ таинствахъ сыновъ грекороссійской церкви свидѣтельствуетъ и епископъ аляскій Иннокентій. Въ свое время въ столичныхъ органахъ русской печати было сообщено: «Русскій православный епископъ въ Аляскѣ, извѣстный сторонникъ соединенія англиканской церкви съ православной, Иннокентій, прислалъ въ св. синодъ сообщеніе о своемъ пребываніи въ Англіи и о томъ, какъ онъ былъ встрѣченъ англиканскимъ духовенствомъ Лондона. Онъ присутствовалъ на богослуженіи въ храмѣ св. Албана, гдѣ благословилъ молящихся на англійскомъ языкѣ. Въ обществѣ единенія англиканской и православной церквей сдѣлалъ сообщеніе о томъ, что онъ разрѣшилъ священникамъ обѣихъ церквей въ отдаленныхъ пунктахъ миссіи совершать богослуженіе для членовъ этихъ церквей; что епископы замѣняютъ другъ-друга, когда одному изъ нихъ приходится уѣзжать по дѣламъ миссіи». («Наша Газета» 1909 г., № 86). Къ горькому сознанію единовѣрцевъ приходится добавить, что они не пользуются отъ русской синодальной іерархіи и такимъ ея отношеніемъ, какое она имѣетъ къ англиканамъ — первочиннымъ еретикамъ. Въ глазахъ синода единовѣрцы не заслуживаютъ такого отношенія. По суду его, причастіе ихъ еще можно уравнять съ армянскимъ и англиканскимъ, но вода

ихъ сомнительна, а сами они похуже этихъ тысячелѣтнихъ еретиковъ, съ которыми такъ близка и дружна синодальная іерархія.

7. Въ сентябрьской книжкѣ «Миссіонерскаго Обозрѣнія» за 1910 года напечатанъ докладъ «миссіонера-писателя» Никиты Гринякина «о церковномъ провозглашеніи старообрядчества еретичествомъ», прочитанный имъ на иркутскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ. Докладчикъ утверждаетъ, что старообрядцы, это — еретики, вещевѣры, потому что они придаютъ очень большое значеніе обрядамъ — вещамъ. Но послушайте, какое чрезвычайное значеніе придаетъ сама господствующая церковь такимъ вещамъ, какъ квасъ и соль, не въ обыденной, конечно, жизни, гдѣ безъ этихъ продуктовъ трудно обойтись, а въ таинствахъ церковныхъ. «Миссіонерское Обозрѣніе» въ послѣднее время очень настойчиво рекламируетъ «новыя изданія В. М. Скворцова: Православному народу о католическихъ заблужденіяхъ». Выпущена Скворцовымъ цѣлая серія брошюръ противъ католиковъ и въ каждой изъ нихъ изобличается то самое заблужденіе, которымъ страдаетъ въ самой тяжкой степени синодальная церковь. Въ одной изъ брошюръ громится латинская церковь за совершеніе таинства евхаристіи на опрѣснокахъ. Древнерусскіе полемисты, — говорится въ этой брошюрѣ, — называли латинскую церковь мертвой, безжизненной, какъ мертвъ и безжизненъ самый опрѣснокъ. «Объ опрѣснокахъ, — говорятъ полемисты, — да будетъ извѣстно, что облатки — жидовскія ветхія жертвы суть, а не евангельскаго Христова Закона, — да вѣ-

дають таковіи (латиняне), иже облатки ядущіи, яко пси жрутъ, и не живу ядуще плоть; и въ ересь впадаютъ проклятаго Аполлинарія... и еже бездушніи въ тѣла мѣсто Господня принимаютъ, подобни суть Аполлинарію, тако бо есть: не имѣетъ бо ни души, ни ума, ни кваса бо, ни соли не имѣетъ, яже въ хлѣбѣ, яко душа... Хлѣбъ совершенъ и жизненъ, потому что квасъ то же, что душа въ тѣлѣ; опрѣснокъ мертвъ и безжизненъ, поэтому не слѣдуетъ замѣнять зломъ добро. И кто не употребляетъ хлѣба въ Евхаристіи, тотъ не вѣруетъ въ Тѣло Христа, какъ жизнедѣйственное» (Свящ. Околовича: «На какомъ хлѣбѣ должно совершать таинство Евхаристіи», стр. 13—14). Изъ-за одного кваса и соли какую бурю поднимаютъ богословы господствующей церкви и какой страшный судъ произносятъ на латинъ за одни лишь опрѣсноки: тутъ и ересь проклятаго Аполлинарія, и мертвыя «жидовскія облатки" и жратва псовъ. «Если бы католики читали св. Евангеліе, — обличаетъ ихъ авторъ скворцовскихъ изданій, — то они узнали бы, что, причащаясь облатками, они не заповѣдь Господню исполняютъ, а папскія выдумки; что обычай употреблять опрѣсноки въ таинствѣ Евхаристіи введенъ не Іисусомъ Христомъ, а ксендзами и папами, которые, по гордости своей, хотѣли показать народу свою власть. Бѣдные католики! Они слушаютъ не Христа, а своихъ гордыхъ папъ. Обличенія Христовы ихъ не вразумляютъ!» (стр. 15). Наставительную рѣчь держитъ современный обличитель католическихъ заблужденій и къ своимъ людямъ:

«Стойте же, православно-русскіе люди, стойте твердо, мужественно въ православной вѣрѣ, въ томъ евангельскомъ ученіи, которое принесъ на землю Іисусъ Христосъ, которое передали намъ ученики Его и апостолы, которому научаютъ васъ всѣ ваши пастыри, ваши духовные отцы, и потеря котораго ведетъ къ вѣчной погибели!» (стр. 15). Позволительно спросить: да вѣрите ли вы, гг. обличители латинства, сами тому, что говорите? Вѣдь съ такимъ призывомъ вправѣ обращаться къ православнымъ людямъ только старообрядцы. Они дѣйствительно стойко и мужественно охраняютъ завѣты древней Церкви, блюдутъ всѣ ея вещи. А вы? Почитайте докладъ Гринякина, какъ зло вышучиваетъ онъ «вещевѣріе старообрядцевъ». Ну, а вѣра въ таинственную силу кваса и соли, это — не вещевѣріе? Вышучиваете и высмѣиваете вы собственную церковь, пригвождаете къ позорному столбу самихъ себя. Вы воистину сами себя пожираете, «яко пси и не живу ядуще плоть». Грызете свой трупъ.

XII.

О СВЯЩЕНСТВѢ.

Вопросъ о таинствѣ священства, это — такой темный, непроходимый лѣсъ для современныхъ богословъ и миссіонеровъ господствующей церкви, что они, точно слѣпые, бьются въ немъ о каждое дерево. Если бы мы взялись подробно разсматривать всѣ миссіонерскія столкновенія и противорѣчія между собою

по настоящему вопросу, то получился бы огромный трактатъ. Наша же задача—дать лишь бѣглый обзоръ разновѣрія и всяческихъ шатаній въ богословскихъ и церковныхъ вопросахъ богослововъ и миссіонеровъ господствующей церкви. Поэтому и здѣсь, по вопросу о священствѣ, ограничимся краткими замѣчаніями.

1. Когда установлено таинство священства въ Церкви Христовой? Въ рѣшеніи даже этого вопроса синодскіе богословы и миссіонеры не пришли къ единомыслію. Академическіе богословы и архипастыри господствующей церкви утверждаютъ, что священство установлено Христомъ задолго до дня Пятидесятницы. Въ книгѣ «Истинно-древняя и истинно-православная Церковь» Григорія, митр. петербургскаго, говорится словами св. Кипріана Карѳагенскаго: «Господь нашъ, установляя достоинство епископа и образъ своей Церкви, сказалъ въ Евангеліи Петру: «Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою, и врата Адова не одолѣютъ ей. И дамъ ти ключи царства небеснаго: и еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ, и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ». Съ того времени преемственно продолжается постановленіе епископовъ» (час. 1, гл. 10, стр. 69 — 70, изд. 1883 г.).

Къ этому, и даже болѣе раннему, времени земного служенія Господа относятъ учрежденіе іерархіи и патентованные богословы: митр. Филаретъ, м. Макарій, епископъ Сильвестръ, арх. Иннокентій и др. Подъ

ихъ вліяніемъ и нѣкоторые миссіонеры высказывали взглядъ, что еще до дня Пятьдесятницы былъ установленъ «во всей полнотѣ» чинъ епископскій. Владимірской епархіи миссіонеръ Матвѣевъ, въ бесѣдѣ своей съ безпоповцами, указавъ на тайнодѣйствіе апостоловъ при земной жизни Іисуса Христа, говоритъ: «Ясно, что апостолы были облечены и при земной жизни Іисуса Христа властію епископовъ и пресвитеровъ и что они совершали таинства. Это было до дня Пятьдесятницы. На Тайной вечери Іисусъ Христосъ уполномочилъ апостоловъ совершать таинство евхаристіи, какъ это видно изъ Евангелія: «Сіе творити въ Мое воспоминаніе» (Лук., зач. 108). Это было до дня Пятьдесятницы. Іисусъ Христосъ, по воскресеніи, явился ученикамъ своимъ дверемъ затвореннымъ и, ставъ посредѣ ихъ, сказалъ: «Миръ вамъ; якоже посла Мя Отецъ и Азъ посылаю вы. И сія рекъ, дуну и глагола имъ: пріимите Духъ Святъ, имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся» (Іоан., зач. 65). Понятно, что Іисусъ Христосъ сими словами уполномочилъ апостоловъ совершать таинство покаянія. Это было до дня Пятьдесятницы. Послѣ воскресенія своего Господь нашъ Іисусъ Христосъ далъ повелѣніе апостоламъ совершать таинство крещенія: «Шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Матѳ., зач. 116). Это было до дня Пятьдесятницы. Всѣ приведенныя мѣста изъ священнаго Писанія, — заключаетъ мисс. Матвѣевъ,—ясно свидѣтельствуютъ, что апостолы и до Пятидесятницы были тайностроителями, а по сему

напрасно старообрядцы-безпоповцы, міряне сущи, не имѣя богоустановленной церковной іерархіи, стараются приравнять свое общество къ состоянію Церкви, бывшей до дня Пятьдесятницы; думать же объ апостолахъ такъ, какъ думаютъ старообрядцы (безпоповцы), значитъ не вѣрить слову Божію» («Владимірск. Епарх. Вѣдом.» 1889 г., № 10, стр. 274—275). Въ подтвержденіе этого вывода миссіонеръ Матвѣевъ сослался и на св. Іоанна Златоустаго, и на старопечатныя книги. «Къ сему нужнымъ считаю привести, — говоритъ онъ, — и еще свидѣтельства изъ писанія, которыя весьма ясно доказываютъ, что епископство учреждено Самимъ Іисусомъ Христомъ при земной жизни Его. Св. Златоустъ въ бесѣдѣ на посланіе апостола Павла къ Коринѳянамъ (гл. 15, ст. 7), говоритъ, что «Іакова брата Божія, во іерусалимскаго епископа Самъ Христосъ рукоположилъ». Или въ другомъ мѣстѣ, у того же св. Златоуста читаемъ (т. I, на разн. случ., стр. 330): «Епископство опредѣлилъ Самъ Христосъ». Въ Прологѣ 23 октября читаемъ: «Іаковъ во іерусалимскаго епископа Самимъ Христомъ освященъ». Въ книгѣ «О вѣрѣ» (листъ 24) находимъ: «Другого Іакова, брата Господня по плоти, перваго епископа іерусалимскаго, отъ Самаго Христа поставленнаго, лютость жидовская уби». Въ «Книгѣ Кириловой» (на листѣ 77) читаемъ «Престало тогда архіерейство Ааронова, яко временное, востало же Христово—вѣчное, иже изъ мертвыхъ воставъ, апостоловъ своихъ на се освяти хиротоніею,

еже есть руковозложеніемъ». Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ становится весьма яснымъ, что епископы существовали и до дня Пятьдесятницы» (тамъ же, стр. 276—277).

Въ другомъ миссіонерскомъ сочиненіи, тоже въ «Бесѣдѣ» съ безпоповцемъ, извѣстный руководитель миссіонеровъ проф. Н. И. Субботинъ говоритъ: «Что апостолы какъ послѣ, такъ и ранѣе дня Пятьдесятницы совершали дѣйствія, принадлежащія именно епископамъ, противъ этого не можетъ возражать никто изъ старообрядцевъ; слѣдственно, они были епископы, или перво-епископы,—первые изъ епископовъ, поставленные Господомъ. И хотя бы нигдѣ и никогда не назывались они «епископами», но они были епископы потому самому, что во всей полнотѣ и по преимуществу обладали властью и дарованіями, принадлежащими тѣмъ высшимъ въ церковной іерархіи лицамъ, которыя въ церковномъ употребленіи получили имя епископовъ, архіереевъ, архипастырей, первосвятителей и пр.» («Бесѣда со старообрядцами о созданіи Церкви Христовой», стр. 11). Въ этой же «Бесѣдѣ» дѣлается заключеніе: «Хотя безпоповецъ и оставилъ бесѣду, не отказавшись отъ своего мнѣнія, что якобы Церковь Христова не имѣла епископовъ отъ дня Вознесенія Господня до дня Пятьдесятницы, что будто бы апостолы собственно въ этотъ день получили достоинство и власть епископства и что будто бы только съ этого дня является іерар-

хія въ Церкви Христовой; но бесѣда талась все-таки не безполезною для отстраненія этого неправильнаго мнѣнія: миссіонеры представили отъ Писанія свидѣтельства, что апостолы и ранѣе дня Пятьдесятницы получили власть совершать принадлежащія епископамъ дѣйствія» (тамъ же, стр. 12).

Однако это «неправильное мнѣніе» утверждаютъ и отстаиваютъ сами миссіонеры, когда имъ приходится имѣть дѣло не съ безпоповцами, а поповцами. Въ этихъ случаяхъ они, выражаясь словами миссіонера Матвѣева, не вѣрятъ слову Божію, что іерархія учреждена Господомъ до дня Пятьдесятницы, и за одно съ безпоповцами заявляютъ, что апостолы до этого дня не имѣли на себѣ епископскаго достоинства. Въ книгѣ: «Разборъ отвѣтовъ на восемь вопросовъ», составленной миссіонеромъ-іеромонахомъ Филаретомъ и неоднократно изданной московскимъ миссіонерскимъ братствомъ св. Петра, говорится: «Въ Церкви Христовой должна существовать іерархія (священноначаліе), которую Іисусъ Христосъ, будучи Самъ «по силѣ живота неразрушимаго, вѣчнымъ Первосвященникомъ» (Евр., зач. 316) совершилъ въ Пятьдесятницу ниспосланіемъ на апостоловъ своихъ во огненныхъ языцѣхъ Святаго Духа»... «Сказали же мы, что учрежденіе іерархіи совершено въ день Пятьдесятницы, не голословно, а на основаніи нижеслѣдующихъ святоотеческихъ свидѣтельствъ» («Разборъ», стр. 3—4 и 12, изд. 1880 г.). Далѣе приводится нѣсколько святоотеческихъ изреченій, протолкованныхъ по-миссіонерски, послѣ чего

авторъ «Разбора» дѣлаетъ заключеніе: «Всѣ вышеприведенныя свидѣтельства церковныхъ учителей ясно удостовѣряютъ, что установленіе или утвержденіе таинства хиротоніи послѣдовало въ день Пятьдесятницы. Неужели составитель отвѣтовъ всѣ сіи свидѣтельства считаетъ ложными и недостовѣрными? Утверждая противное,— именно то, что хиротонія и іерархія будто бы существовали до сошествія Св. Духа на апостоловъ, составитель отвѣтовъ основался только на томъ, что апостолы еще прежде сошествія Св. Духа избрали Матѳея на мѣсто Іуды-предателя. Но избраніе сіе не подало Матѳею благодати хиротоніи» (стр. 14). Іеромонахъ Филаретъ рѣшительно заявляетъ, что «апостолы до сошествія Святаго Духа не имѣли еще священнаго сана во всей его полнотѣ и силѣ» (стр. 16), «не имѣли полной силы и власти на исполненіе возложенныхъ на нихъ порученій на Тайнѣй вечери» (стр. 20); они были что-то въ родѣ безпоповскихъ наставниковъ, и что если и говорится въ Писаніи относительно Іуды, что «епископство его пріиметъ инъ», то «подъ словомъ «епископство» должно разумѣть то достоинство, которое Іуда еще имѣлъ бы получить въ день Пятьдесятницы, если бы не отпалъ» (стр. 17).

Ученіе, что іерархія учреждена только въ день Пятьдесятницы, было не личнымъ мнѣніемъ одного лишь іеромонаха Филарета. Его раздѣляли всѣ миссіонеры школы Павла Прусскаго. Извѣстный московскій мисіонеръ протоіерей Виноградовъ напечаталъ въ «Пер-

ковн. Вѣстникѣ» большую статью подъ заглавіемъ: «Первый день Воскресенія Христова былъ ли днемъ учрежденія Христовой Церкви и церковной іерархіи?» (см. №№ 9 и 10 за 1886 г.). Онъ доказываетъ въ этой статьѣ, что «учрежденіе христіанской Церкви и церковной іерархіи» послѣдовало въ день Пятьдесятницы и что до этого дня было просто «общество человѣковъ», «не имѣвшихъ благодатной силы» и не дѣлившихся на пастырей и пасомыхъ. По поводу этой статьи о. Виноградова проф. Субботинъ замѣчаетъ, что авторъ ея «явился союзникомъ безпоповцевъ» («Братское Слово», 1887 г., № 3, стр. 176). Но не одинъ онъ попалъ въ эти союзники. Самъ Субботинъ, издававшій вмѣстѣ съ миссіонерскимъ братствомъ св. Петра книгу іероманаха Филарета, раздѣлялъ его мнѣніе относительно учрежденія іерархіи въ день Пятьдесятницы. Въ противномъ случаѣ онъ оговорилъ бы эти мѣста въ сочиненіи Филарета.

Первѣйшій вождь миссіонеровъ, архимандритъ Павелъ Прусскій, придумалъ нелѣпую теорію о благодатной епископской струѣ, текущей непрерывно по главамъ епископовъ со дня Пятьдесятницы. Эта теорія нужна была миссіонерамъ, чтобы доказать старообрядцамъ, пріемлющимъ священство, что разъ не было у нихъ одно время епископовъ, то и благодатная струя у нихъ прервалась. Но эта теорія разсыпалась въ прахъ, когда тѣмъ же миссіонерамъ приходилось возражать безпоповцамъ, утверждающимъ, что до Пятьдесятницы Церковь Христова, подобно безпоповскому обществу, была въ

безъіерархическомъ состояніи. Тутъ миссіонеры забывали про епископскую благодатную струю и изо всѣхъ силъ, какъ мы видѣли, доказывали, что еще до дня Пятьдесятницы апостолы обладали «во всей полнотѣ властью и дарованіями высшей іерархіи», «они были первые епископы, поставленные Господомъ» и отъ Самаго Господа получили благодать Духа Святаго также до Пятьдесятницы. Но какъ только вступалъ въ бесѣду съ миссіонерами старообрядецъ, пріемлющій священство, и указывалъ, что всѣ апостолы, имѣвшіе на себѣ епископское достоинство и получившіе отъ Самого Христа благодать Духа Святаго и всю полноту іерархической власти, уклонились въ невѣрствіе Христову Воскресенію (Марк., гл. XVI, ст. 13—14), но Церковь Божія отъ сего не разрушилась, какъ не разрушилась она и при Никонѣ, бывшемъ московскомъ патріархѣ, когда тоже почти всѣ епископы уклонились въ ересь и нечестіе; — миссіонеры опять хватались за теорію объ епископской благодатной струѣ и забывали то, что они только сейчасъ доказывали безпоповцамъ. Бѣдные проповѣдники! Подобно хамелеону, они вынуждены каждый разъ мѣнять свои вѣрованія и убѣжденія!

2. Все богословіе господствующей церкви, всѣ миссіонеры ея съ удивительной настойчивостью и упорствомъ твердятъ, что священство вѣчно и неуничтожимо. Совершенно иного взгляда на вѣчность священства держался самъ основатель новообрядческой церкви — патріархъ Никонъ. Подобно безпоповцамъ, онъ утверждалъ, что «все святительство и священство» еще въ

его время уничтожилось. «Онъ,—говоритъ о немъ проф. Каптеревъ,—послѣ оставленія имъ патріаршей каѳедры отрицательно отнесся и ко всей русской церковной іерархіи и даже всей вообще тогдашней русской церкви». «Нынѣ,—пишетъ онъ,—Богъ терпитъ такому беззаконію царя, что чрезъ Божественные уставы избираетъ (въ архіереи и другія важныя церковыя должности), его же любитъ и ставити повелѣваетъ,—вси тіи не избрани отъ Бога и недостойны; за всѣхъ же отвѣтъ имать дати государь царь предъ Господомъ Богомъ: како можетъ что дати, его же самъ не имѣетъ?» По поводу назначенія крутицкаго митрополита Питирима завѣдующимъ патріаршею каѳедрою, что впрочемъ сдѣлано было съ согласія и одобренія самого Никона, онъ заявляетъ: царь безъ собора назначилъ Питирима завѣдывать патріаршею каѳедрою, а правила вселенскихъ соборовъ прямо говорятъ, что архіерей, получившій власть отъ князя, т.-е. отъ мірской власти, извергается, а, по правиламъ свв. апостоловъ, «со отлученными и отверженными моляйся и той отлученъ и отверженъ да будетъ». Отсюда Никонъ дѣлаетъ выводъ: «И такова ради беззаконія все упразднилося святительство и священство и христіанство—отъ мала до велика». Въ другой разъ Никонъ замѣчаетъ, что если требованія церковныхъ правилъ и законовъ приложить къ тогдашнимъ духовнымъ, «мню,—говоритъ онъ,—яко не одинъ архіерей, или пресвитеръ, останется достоинъ, якоже мы вѣмы». Не только архіереи и все духовенство на Руси, по мнѣнію Никона,

послѣ оставленія имъ патріаршества стало болѣе чѣмъ сомнительно, но и самые храмы Божіи теперь уже не настоящіе храмы» («Богослов. Вѣстн.», 1910 г., іюнь, ст. Н. Ѳ. Каптерева: «Священство выше царства», стр. 285—286). Это исповѣданіе Никона въ корень разрушаетъ утвержденія миссіонеровъ и богослововъ господствующей церкви относительно вѣчности священства. Никонъ далъ имъ новую вѣру, новую церковь и новыя книги, а самъ ушелъ отъ нихъ въ безпоповство. Не даромъ они такъ и путаются въ опредѣленіи времени учрежденія Христомъ іерархіи: то становятся на сторону безпоповцевъ, то отстаиваютъ взгляды поповцевъ. Нужно замѣтить, что миссіонеры господствующей церкви вѣруютъ, что Никонъ пребываетъ въ ликѣ святыхъ и молятся ему какъ святому угоднику Божію («Съѣздъ миссіонеровъ въ Москвѣ 1887 г.», стр. 34).

3. Нѣтъ у миссіонеровъ постоянства и единомыслія и въ ученіи о неуничтожимости священства. Символическія и богословскія книги греко-россійской церкви признаютъ, что благодать священства не можетъ быть сглажена съ рукоположеннаго лица, даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ осужденъ соборнѣ или получилъ рукоположеніе въ раскольническомъ обществѣ. «Когда, — говорится въ извѣстномъ изслѣдованіи митрополита смирнскаго Василія,—свв. отцы и учители Церкви Христовой, какъ свѣтила, блиставшіе въ разныя времена и все устроившіе къ душевному спасенію людей, въ силу епископской власти «о Духѣ Святомъ»,

поставившемъ ихъ къ этой самой цѣли, позволяли, какъ мы видѣли, обращающихся изъ ереси клириковъ принимать съ тою же священною степенью, какую они имѣли, получивъ хиротонію, такъ же, какъ и крещеніе, отъ еретиковъ,—когда сами нерѣдко многихъ такихъ приняли въ общеніе Церкви, хотя они были рукоположены и крещены еретиками, несомнѣнно низложенными, и съ соборнаго рѣшенія осужденными,— то они поступали такъ, обращая вниманіе на правильность и законность совершенія таинствъ («ибо не суть крещены не крестившіеся въ то, что намъ предано», какъ говоритъ св. Василій Великій) и слѣдовательно, на неизгладимость и неотъемлемость этихъ спеціальныхъ даровъ Св. Духа» («Къ исторіи вопроса о принятіи схизматиковъ въ православную Церковь», стр. 23, изд. М., 1892 г.). Таинство священства богословы господствующей церкви ставятъ на-ряду съ таинствомъ св. крещенія. «Что рукоположенію усвоялось значеніе священнаго и таинственно благодатнаго дѣйствія, это,—говоритъ еп. Сильвестръ,—отчасти видно изъ 68 апостольскаго правила, въ которомъ чинъ, получаемый чрезъ рукоположеніе, ставится на-ряду съ крещеніемъ и признается, какъ оно, неповторяемымъ, конечно, вслѣдствіе своей особенной значимости» («Опытъ православн. догматич. богословія», т. IV, § 127, стр. 372, изд. 1897 г.). Въ другомъ мѣстѣ епископъ Сильвестръ говоритъ это же самое словами блаж. Августина: «Не предста-

вляется никакой причины, почему тотъ, кто не можетъ терять самаго крещенія, можетъ терять право преподавать (крещеніе). Ибо то и другое есть таинство; то и другое преподается человѣку чрезъ нѣкоторое освященіе,—первое—когда онъ крещается, второе—когда онъ рукополагается» (стр. 378, тамъ же). Это же утвержденіе мы находимъ и въ «Православно-догматическомъ богословіи» митр. Макарія. «Благодать священства,—говоритъ м. Макарій,—сообщаемая чрезъ рукоположеніе, хотя въ различной степени, діаконамъ, пресвитерамъ и епископамъ, и облекающая ихъ извѣстною мѣрою духовной власти, обитаетъ въ душѣ каждаго изъ нихъ неизмѣнно; почему ни епископъ, ни пресвитеръ, ни діаконъ въ другой разъ не рукополагается въ тотъ же санъ, и таинство священства считается неповторяемымъ»(«Православно-догматическое богословіе», т. V, § 240, стр. 34). «Вообще церковь постоянно держалась правила: ни въ какомъ случаѣ не повторять рукоположенія, равно какъ и крещенія, если только то и другое совершены правильно, хотя бы и въ обществахъ неправославныхъ. Посему не повторяла рукоположенія даже надъ священнослужителями, обращавшимися къ православію изъ нѣкоторыхъ сектъ раскольническихъ, какъ-то: изъ общества каѳаровъ и донатистовъ, и нынѣ не повторяетъ надъ обращающимися отъ церкви римской» (тамъ же, стр. 35).

Во всѣхъ богословскихъ книгахъ господствующей церкви проходитъ яркой полосой это ученіе ея о не-

изгладимости и неуничтожимости таинства священства на рукоположенныхъ лицахъ, хотя бы они уклонились въ расколъ или даже рукоположены внѣ церковнаго единства. Въ силу этого ученія господствующая церковь признаетъ благодатность іерархіи у католиковъ, старокатоликовъ, армянъ, англиканъ, несторіанъ и у другихъ еретиковъ.

Но на-ряду съ этимъ ученіемъ о неизгладимости священства и этимъ отношеніемъ господствующей церкви къ еретическимъ іерархіямъ въ ней не менѣе ярко и столь же рѣшительно проводится совершенно противоположное ученіе, именно, что таинство священства уничтожимо, что оно тотчасъ-же прекращается на священнослужителѣ, какъ только онъ уклонился въ расколъ. Мы могли бы привести эти утвержденія изъ цѣлаго ряда миссіонерскихъ книгъ и брошюръ, но ради краткости ограничимся указаніемъ на миссіонерскія сужденія по данному вопросу на кіевскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ и на самыя постановленія этого съѣзда, принятыя правительствующимъ синодомъ. На съѣздѣ былъ заслушанъ докладъ миссіонера Александрова о бѣглопоповскомъ священствѣ. Послѣ доклада пошли пренія. «О. Крючковъ замѣтилъ, что по 55 правилу апостольскому, священники—руки; руку отсѣчешь—она становится мертвою, такъ и священникъ отдѣлившійся становится мертвымъ, безблагодатнымъ; поэтому при его присоединеніи нужно довершать его таинства. О. Александровъ: Прежде всего должно сказать, что мы разсуждаемъ принципіально. Я не

отрицаю, что церковь можетъ дѣлать снисхожденіе, но съ догматической стороны: разъ я ушелъ отъ епископа, источника свѣта, я уже мужикъ, хотя и въ рясѣ» (см. журн. «Церковь», 1908 г., № 32, стр. 1099). Остается только одна ряса, а священства нѣтъ, оно уничтожается однимъ лишь отступленіемъ священнаго лица отъ епископа. Не остается оно и на епископѣ, если и онъ ушелъ въ расколъ. «Раскольническая іерархія должна считаться съ точки зрѣнія канонической, — опредѣляетъ миссіонерскій съѣздъ,—учрежденною вопреки всѣмъ канонамъ церковнымъ, а потому—незаконною и безблагодатною, дѣйствія ея Богу не угодными и неспасительными; епископовъ—лже-епископами, поповъ—лже-попами, діаконовъ—лже-діаконами, согласно 15 правилу двукратнаго собора, и «мірянами», согласно 1 правилу св. Василія Великаго» (ж. «Церковь», 1908 г., № 33, стр. 1130). Изъ 1-го правила Василія Великаго миссіонеры приводятъ слѣдующія слова: «Отступившіе отъ Церкви уже не имѣли на себѣ благодати Св. Духа, ибо оскудѣло преподаяніе благодати, потому что пресѣклось законное преемство, ибо первые отступившіе получили посвященіе отъ отцевъ и чрезъ возложеніе рукъ ихъ имѣли дарованіе духовное; но отторженные, содѣлались мірянами, не имѣли власти ни крестити, ни рукополагати и не могли преподати другимъ благодать Святаго Духа, отъ которой сами отпали» (полныхъ переводовъ). По своему обычаю, миссіонеры криво толкуютъ 1-е правило Василія Великаго, они берутъ въ этомъ

правилѣ мнѣніе Кипріана и Фирмиліана, не принятое ни Церковью вселенскою, ни Василіемъ Великимъ, и приписываютъ его этому вселенскому учителю. Оставляя въ сторонѣ эту ихъ передержку, мы отмѣчаемъ только, что они ясно и опредѣленно учатъ, что таинство священства сглаживается, уничтожается съ іерарха, если онъ отступаетъ въ расколъ; онъ, по ученію миссіонеровъ, перестаетъ быть архіереемъ и превращается въ простого мірянина, въ «мужика въ рясѣ». По этому миссіонерскому ученію, всѣ духовныя лица католиковъ, старокатоликовъ, армянъ, англиканъ, несторіанъ и другихъ еретиковъ есть, ни болѣе ни менѣе, какъ простые мужики, міряне, не имѣющіе на себѣ ничего іерархическаго. Нужно ли говорить, что это миссіонерское догматическое ученіе, утвержденное всероссійскимъ съѣздомъ миссіонеровъ и правительствующимъ синодомъ, сводитъ на смарку догматъ господствующей церкви о неизгладимости благодати священства на хиротонисанныхъ лицахъ. Миссіонеры и синодъ попираютъ и уничтожаютъ догматическое ученіе собственной церкви. Въ свою очередь академическіе богословы, защищающіе этотъ догматъ въ своихъ богословіяхъ, и тотъ же синодъ, признающій благодать священства у еретиковъ, топчатъ и сокрушаютъ миссіонерское ученіе о прекращеніи іерархіи на отступившихъ въ расколъ іерархахъ.

Удивительная вѣра у этихъ господъ. Она подобна мягкой глинѣ, изъ которой лѣпи, точно горшки, какой хочешь догматъ. Нуженъ вамъ догматъ о неизгладимости священства, — получите его, вотъ вамъ

онъ со всякими основаніями и доказательствами. Хотите вы догматъ объ уничтожимости священства, — въ одну минуту и этотъ заказъ вамъ приготовятъ и обставятъ его также и основаніями и доказательствами. Точно въ извѣстной фирмѣ «Мюръ-Мерилизъ», какой угодно товаръ можно достать: есть и деготь, есть и медъ, что нужно, то и берите. Чудесное богословіе. Не правда ли?

4. Въ вопросѣ о таинствѣ священства богословы и миссіонеры господствующей церкви до того запутались, что потеряли способность различать Христа отъ Его противника — діавола.

Длинный рядъ миссіонеровъ утверждаетъ, что у еретиковъ нѣтъ благодати священства, внѣ Церкви нѣтъ и не можетъ быть даровъ Св. Духа, нѣтъ дѣйствія Божія. Все, что совершено внѣ церковнаго единства,—безблагодатно, хотя бы и правильно, и законно было совершено. «Только въ истинной Церкви присутствуетъ Духъ Св. и подается благодать въ таинствѣ», — говорится въ «Миссіон. Обозр.», при чемъ дѣлается ссылка на «Православн. догматич. богословіе» м. Макарія (т. II, стр. 209). — «Ибо гдѣ Церковь, тамъ и Духъ Божій, и гдѣ Духъ Божій, тамъ и великая благодать, ибо Духъ есть истина». «При этомъ въ каждомъ таинствѣ подается особая благодать Св. Духа: въ крещеніи — очищающая отъ первороднаго грѣха, въ муропомазаніи — возвращающая и укрѣпляющая для жизни духовной и тѣлесной, въ священствѣ — на строеніе свв. таинствъ и на преподаваніе спасительнаго ученія Христа (Мал. Кат. о таинствахъ).

Кромѣ истинной Церкви, есть еще церкви еретическія. Но въ еретическихъ церквахъ не присутствуетъ Духъ Св., яснѣе — еретики не имѣютъ даровъ Св. Духа. «Иже не пребываютъ въ сей соборнѣй Церкви, тѣхъ Христосъ не спасаетъ и Духа Св. сицевіи не имутъ» (Вел. Кат., л. 122). А если въ еретическихъ церквахъ отсутствуетъ Духъ Св., то, — заключаетъ отсюда въ «Мис. Обозр.» одинъ изъ богослововъ господствующей церкви, — и таинства, совершаемыя еретиками, лишены благодати Св. Духа, кромѣ крещенія. «Тайны безъ единости Церкви христіанскія ничесоже суть... и того ради невозможно нигдѣ же тайнѣ совершатися, токмо въ единствѣ Церкви Божіей, ея же между сонмищами еретическими нѣсть: тогда и тайны не единыя въ нихъ нѣтъ, развѣ крещенія св. отъ нихъ» (Толк. Ап. на 1 посл. Коринѳ. Зач. 150). «Понеже они (еретики) истинныя и правыя вѣры Христовы не имѣютъ, то какъ пречистыя и святыя тайны Христовы у нихъ быти могутъ» (Вел. Кат., л. 22). «Яко еретическія писанія и празднества, и службы, и тайны, и проповѣди не суть права» (тамъ же, л. 23 об.). Въ частности, таинства священства, облагодатствованнаго у еретиковъ также нѣтъ, а есть только въ единой истинной Церкви. «Чистіи и или отъ раздорныхъ суть... а иже отъ церкви отсовокуплени, не къ тому имѣша благодать Духа Св. въ себѣ, оскудѣ бо внегда пресѣцатися послѣдованію... ни руку возлагати имѣша область, къ тому бо не могуще благодать Св. Духа инѣмъ подати,

отъ нея же и тіи отпадоша» («Мѳ. Правил.», въ составѣ Л., гл. 2). То же говорится и въ правилахъ Василія В. При чемъ въ истинной Церкви эта благодать священства подается только чрезъ хиротонію, т.-е. чрезъ возложеніе рукъ епископскихъ на главѣ пріемлющаго священство и—молитву: «Божественная благодать и проч.» (Мал. Кат., л. 43 об.). Чрезъ другое же какое-либо дѣйствіе или таинство благодать священства не можетъ быть подана». Послѣ приведенныхъ выписокъ, взятыхъ цитируемымъ нами богословомъ безъ всякаго разбора, онъ дѣлаетъ рѣшительное заключеніе, что тѣ клирики, которые были приняты въ Церковь съ сохраненіемъ на нихъ священной хиротоніи, «въ еретической церкви благодати священства получить не могли, потому что у еретиковъ нѣтъ благодати Св. Духа, какъ выше было доказано» («Миссіон. Обозр.», 1903 г. № 4, стр. 463—464). Съ разсужденіями и выводами этого богослова согласенъ и редакторъ «Миссіон. Обозр.», пресловутый Н. Гринякинъ. «Наше крайнее разумѣніе по сему предмету таково,—заявляетъ онъ въ своемъ журналѣ: св. Церковь принимала въ свое общеніе еретиковъ 2-го чина—безъ повторенія крещенія, 3-го чина — безъ повторенія мѵропомазанія и клириковъ — безъ повторенія хиротоніи, и въ то же время всегда учила, что кромѣ Церкви Божія нигдѣ же нѣсть спасенія... иже не пребываютъ въ сей соборнѣй Церкви, тѣхъ Христосъ не спасаетъ и Духа Святаго сицевіи не имутъ» (Бол. Кат., л. 119 об. — 122 и др.). Выходитъ, будто Церковь и признаетъ въ еретическихъ

обществахъ возможность благодатнаго освященія (въ таинствахъ св. крещенія, мvропомазанія и священства), а стало быть и спасенія, и отрицаетъ. «Да не будетъ!» По духу православно-церковнаго ученія, дѣйствительность (формальная правильность) таинства не всегда сопутствуется дѣйственностью ихъ (спасительнымъ дѣйствіемъ чрезъ нихъ благодати Св. Духа на пріемлющаго таинство). Принимая еретиковъ 3-го чина, св. Церковь первую сторону — дѣйствительность ихъ таинствъ (крещенія, мvропомазанія и священства) признаетъ, а вторую (дѣйственность) отрицаетъ. Дѣйствительная форма еретическихъ таинствъ, не повторяемыхъ церковью, наполняется благодатно спасительнымъ содержаніемъ только путемъ соединенія указанныхъ еретиковъ со св. православною Церковью Христовой». «Итакъ, — заключаетъ первѣйшій богословъ-миссіонеръ, — еретическіе клирики, присоединяемые къ св. Церкви 3 чиномъ, получаютъ благодать священства въ Церкви православной — чрезъ правильное присоединеніе; въ своихъ прежнихъ церквахъ они имѣли только правильную форму таинства» (тамъ же, стр. 466—467). Оба указанные нами богослова ссылаются на догматическое ученіе по сему предмету своей церкви и на самый даже «духъ православно-церковнаго ученія».

Воспитанные въ этомъ духѣ, они твердо и убѣжденно заявляютъ, что благодати священства у еретиковъ (даже третьяго чина) нѣтъ и быть не можетъ.

Гринякинъ въ своихъ утвержденіяхъ и выводахъ идетъ еще дальше. Онъ заявляетъ, что если допустить, что въ еретическихъ таинствахъ и именно въ хиротоніи (рѣчь идетъ о еретикахъ 3-го чина) дѣйствуетъ благодать Св. Духа, то это значитъ впасть въ страшное богохульство, это значитъ признать, что св. Церковь прокляла благодать Св. Духа. «Если согласиться, — богословствуетъ Гринякинъ, вдохновляемый ученіемъ своей церкви, — съ разумѣніемъ, что благодать Святаго Духа необходимо сообщается и въ еретическихъ таинствахъ, но только не спасаетъ, то необходимо признать, что а) Духъ Святой своею благодатію пребываетъ и среди православныхъ, анаѳематствующихъ ереси, и среди еретиковъ, анаѳематствованныхъ; б) святые соборы, руководимые Духомъ Святымъ, изрекая проклятіе ересей, затронули своей клятвой и благодать того же Св. Духа (сущую въ еретическихъ обществахъ); в) въ православіи Духъ Святой благодатью спасаетъ, въ еретическихъ же обществахъ благодать Его сообщается необходимо, но бездѣйствуетъ, Духъ Святой чѣмъ-то тамъ связанъ, и г) есть два вида благодати Духа Святаго: благодать православная и благодать еретическая; первая достойныхъ всегда спасаетъ, а вторая никого и никогда не спасаетъ, хотя, повинуясь еретическимъ тайно-совершителямъ, и сообщается еретикамъ» («Миссіон. Обозр.», 1903 г., № 8, стр. 1166—1167).

Казуистическіе и кощунственные выводы миссіонера Гринякина вызываютъ только улыбку, до того они нелѣпы и, не въ обиду будь сказано, дѣтски-

наивны. Такъ разсуждать о благодати Св. Духа и объ отношеніяхъ Церкви къ еретикамъ и ихъ священнодѣйствіямъ можетъ или совершенно невѣжественный человѣкъ, нисколько не знакомый ни съ исторіей Церкви, ни съ богословскими твореніями и каноническими опредѣленіями послѣдней, или потерявшій всякую способность здраво мыслить. Нельзя, однако, забывать, что въ настоящее время Гринякинъ стоитъ во главѣ противостарообрядческой миссіи господствующей церкви и «нѣтъ равнаго ему» въ этой миссіи. Онъ съ такимъ упорствомъ отстаиваетъ свою мысль относительно безблагодатности таинства священства, совершоннаго въ еретическомъ обществѣ, что не пропускаетъ ни одного удобнаго случая, чтобы повторить ее. «Всѣ еретики, — снова твердитъ г. Гринякинъ, — какъ отдѣлившіеся отъ общенія съ Церковью, пребываютъ подъ гнѣвомъ Божіимъ» (блаж. Августинъ; Прав.-догм. богосл. Макарія, т. 2, § 168, стр. 210) и дѣйствія благодати Св. Духа среди нихъ быть не можетъ: «всѣ, которые отрываются отъ единыя истинныя вѣры... Духа Святаго не причастни» (Книга о вѣрѣ, 8 л. об. пер.), — «вода не очищается безъ Духа» (Амвросій Медіоланскій); «ни едина отъ нихъ (еретич. вѣръ) не вмѣщаетъ Духа Святаго дарованій, ни пришествія Его сподобляется» (Кир. кн., 10 посл. патр. алек. Мелетія, л. 505); «всякая благодать Св. Духа тамъ, гдѣ Церковь» (св. Ириней, Прав.-догм. бог. Макарія, т. 2, § 170, стр. 209)» («Мис. Обозр.» 1903 г., № 8, стр. 1167). Не правда ли, убѣдительно пишетъ г. Гринякинъ? Не даромъ же синодъ коман-

дируетъ его на миссіонерскіе съѣзды. Чѣмъ-нибудь да заслужилъ онъ эту честь. Обратите вниманіе, сколько у него ссылокъ въ какихъ-нибудь 10-ти строкахъ. Особенно цѣнны ссылки на «Богословіе» митр. Макарія, принятое господствующей церковью въ руководство. Опираясь на столь солидный фундаментъ своей церкви, онъ какъ бы говоритъ: «смотрите, это вѣдь не я говорю, что благодати священства нѣтъ у еретиковъ третьяго чина, это утверждаетъ сама церковь. А ея голосъ святъ и непогрѣшимъ. Можно ли не соглашаться съ такимъ авторитетомъ?» Вслѣдъ за Гринякинымъ и другіе миссіонеры и богословы господствующей церкви заявляютъ въ томъ же «Миссіон. Обозр.», что у еретиковъ нѣтъ и не можетъ быть ни благодати хиротоніи, ни вообще какой-либо благодати. Такъ говоритъ преподаватель кишеневской духовной семинаріи Іосифъ Поповъ (тамъ же, стр. 1160) и извѣстный миссіонеръ (нынѣ покойный) Калиникъ Картушинъ (стр. 1162—1163). Въ главнѣйшемъ миссіонерскомъ руководствѣ, прославленныхъ «Выпискахъ Озерскаго», есть отдѣльная глава (2-я, въ 1-й части книги), въ которой собраны доказательства, что «внѣ Церкви нѣтъ даровъ Св. Духа». Въ новомъ руководствѣ для миссіонеровъ, составленномъ миссіонеромъ Александровымъ и рекомендованномъ миссіонерскими съѣздами, кіевскимъ и иркутскимъ, также есть цѣлая глава подъ названіемъ: «Внѣ Церкви нѣтъ спасенія и даровъ Св. Духа» («Выписки» Александрова, гл. I, стр. 1—4). Здѣсь, между прочихъ свидѣтельствъ, приведено извѣстное мнѣніе Кипріана Карѳагенскаго, об-

манно выданное Александровымъ за ученіе Василія Великаго, что въ отступническомъ обществѣ нѣтъ ни благодати Св. Духа, ни таинства хиротоніи. «Хотя, — говоритъ св. Кипріанъ, — начало отдѣленія было вслѣдствіе раскола, но отступившіе отъ Церкви, не имѣли уже на себѣ благодати Святаго Духа, такъ какъ преподаяніе оной оскудѣло по пресѣченіи преемства, и хотя первые отдѣлившіеся имѣли рукоположеніе отъ отцовъ и чрезъ возложеніе рукъ ихъ получили духовное дарованіе; но отторгнувшіеся сдѣлавшись мірянами, не имѣли власти ни крестить, ни рукополагать, и не въ состояніи были передавать другимъ благодать Св. Духа, отъ которой сами отпали» (стр. 3). Мнѣніе это, не принятое древней Церковью, отвергнутое и св. Василіемъ Великимъ, приведено Александровымъ, конечно, потому, что онъ раздѣляетъ его и находитъ необходимымъ дать его въ руководство своимъ товарищамъ, какъ правильное и принятое господствующей церковью.

Если мы заглянемъ въ сочиненія нѣкогда знаменитаго миссіонера Павла Прусскаго и его учениковъ, то и тутъ мы найдемъ одно и то же вѣрованіе миссіонеровъ, что въ еретическихъ и раскольническихъ обществахъ нѣтъ даровъ Св. Духа, нѣтъ благодати хиротоніи. Вмѣсто благодати тамъ дѣйствуетъ духъ лукавый. Синодальный миссіонеръ о. Крючковъ грубо, но зато прямолинейно и откровенно заявляетъ, что «еретики имѣютъ въ себѣ духъ діавола», поэтому и таинства ихъ, «при всей своей святости»,—безблаго-

датны. «Св. Василій Великій, — ссылается на него Крючковъ, — называетъ, напримѣръ, еретиковъ псами или лютыми волками: «берегись, — говоритъ онъ, — отъ псовъ, отъ злыхъ дѣлателей, многіе псы, да что я говорю псы, лучше волки лютые... Христово стадо расторгаютъ» (Вас. Великій, кн. 3, посл. 28, л. 83 обор., Озер., стр. 270). Св. Златоустъ называетъ еретиковъ даже чадами діавола: «Къ сему же (лжеучители) чада лукаваго діавола, якоже глагола къ нимъ Господь: яко вы отца вашего есте діавола» (Маргар., сл. 13, л. 578; Озерск., 270). А въ Соборникѣ Мал. (гл. 11, лис. 147; Озерск., 272) объ еретикахъ сказано даже вотъ еще что: «Имать бо всякъ еретикъ въ себѣ духъ діаволь. Тѣмъ же и противятся Святому Духу. Всякъ же убо вѣрный, во Св. Троицу вѣруяй, да не послушаетъ безумія еретическа»; ниже, листъ 156 обор.: «Откуду же еретикомъ разумѣти Богодухновенное писаніе, иже діаволимъ духомъ водимы и противятся всему Божественному писанію». Слѣдовательно,—заключаетъ о. Крючковъ,—еретики имѣютъ въ себѣ духъ діавола и не могутъ понимать св. Писанія, а посему въ нихъ и благодать пребывать не можетъ. Въ силу всего этого и таинства, совершаемыя еретиками, при всей своей святости, не приносятъ имъ (еретикамъ) никакой пользы» («Бесѣды» Крючкова въ Уральскѣ, стр. 65).

Скажите пожалуйста, можно ли не согласиться съ столь ясными и безспорными свидѣтельствами и утвержденіями миссіонеровъ и богослововъ господствующей церкви? Они рѣшаютъ вопросъ не о мелочахъ какихъ-

либо, о которыхъ, какъ заявляютъ миссіонеры, можно думать различно и что угодно, а о дѣйствіяхъ Духа Святаго и даже всей Святой Троицы. Казалось бы, въ столь важномъ догматическомъ вопросѣ не должно быть разновѣрія. Вышеизложенное вѣрованіе миссіонеровъ, что у еретиковъ (даже третьяго чина) нѣтъ благодати хиротоніи, нѣтъ даровъ Св. Духа, обосновано такъ твердо, такими неопровержимыми авторитетами и даже голосомъ всей господствующей церкви подкрѣплено, что всякое иное вѣрованіе должно считаться ересью и нечестіемъ. Одна попытка опровергнуть этотъ фундаментъ должна показаться безумiемъ.

Но что же на самомъ дѣлѣ мы находимъ въ огромной кучѣ миссіонерскихъ догматовъ, въ богословскихъ и миссіонерскихъ книгахъ господствующей церкви? Оказывается, что современные богословы и миссіонеры, неопровержимо доказывая, что у еретиковъ и раскольниковъ нѣтъ и не можетъ быть благодати священства, въ то же время съ неменьшимъ рвеніемъ и убѣдительностью утверждаютъ, что въ еретическихъ обществахъ есть несомнѣнно благодать хиротоніи, что тамъ Самъ Духъ Святой совершаетъ таинства. Удивительнѣе всего, что это утвержденіе они основываютъ на тѣхъ же свидѣтельствахъ, на томъ же догматическомъ ученіи своей церкви, на которомъ они построили и обосновали совершенно противоположное мнѣніе, именно, что внѣ Церкви нѣтъ благодати священства. Въ томъ же «Миссіон. Обозр.», въ которомъ такъ сильно и упорно г. Гринякинъ доказывалъ, что у еретиковъ нѣтъ благодати хиротоніи, миссіонеръ Н. Чин-

новъ доказываетъ, что еретики въ своихъ таинствахъ «получаютъ благодать», «дары» Св. Духа. Любопытнѣе всего, что и онъ, подобно Гринякину, въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылается на то же «Догматическое богословіе» м. Макарія (т. V, § 245), на «Православное исповѣданіе» (вопр. 99), «Посланіе восточныхъ патріарховъ» (гл. 15), даже на то самое правило Василія В., которымъ миссіонеръ Александровъ доказываетъ, что у еретиковъ пресѣклось преемство хиротоніи («Миссіон. Обозр.», 1903 г., № 8, стр. 1157). Удивительная способность у миссіонеровъ: однимъ и тѣмъ же правиломъ они могутъ доказывать правильность двухъ совершенно противоположныхъ мнѣній, исключающихъ одно другое. Въ указанныхъ г. Чиновымъ мѣстахъ изъ догматическихъ и символическихъ книгъ господствующей церкви дѣйствительно изложено вѣрованіе этой церкви, что таинства, совершонныя въ еретическомъ обществѣ, благодатны и Божественны. Извѣстный петербургскій миссіонеръ П. Булгаковъ, доказывая, все въ томъ же «Миссіон. Обозр.», что еретическія таинства святы и есть собственность Божія, ссылается на руководственную книгу господствующей церкви: «Правила и практика Церкви относительно присоединенія къ православію неправославныхъ христіанъ» (Кострома, 1881 г.) и на того же блаж. Августина, котораго Гринякинъ приводилъ въ доказательство, что у еретиковъ нѣтъ благодати хиротоніи («Миссіон. Обозр.», 1903 г., № 1, стр. 69—70). Мы уже имѣли случай указывать, что богословскія книги господствующей церкви учатъ о неизгладимости даровъ

Св. Духа въ таинствахъ, совершонныхъ въ еретическихъ обществахъ. Тамъ мы приводили соотвѣтствующія цитаты изъ этихъ книгъ. Здѣсь ограничимся указаніемъ на новыя произведенія миссіонеровъ, вышедшія въ самые послѣдніе годы.

«Наша православная церковь, — свидѣтельствуетъ о ней «знаменитый» миссіонеръ-богословъ о. Зубаревъ, — принимая присоединяющихся римско-католиковъ въ своихъ степеняхъ священства, признаетъ у нихъ дѣйствительными св. крещеніе, благодать хиротоніи и прочія таинства, и потому не считаетъ римско-католическую церковь вавилонской блудницей. Что же касается до обращающихся изъ нѣдръ римскаго католицизма, которые получили уже отъ церкви Рима таинственные дары благодати чрезъ возложеніе рукъ епископовъ, то церковь не преподаетъ имъ вновь таинства мvропомазанія (какъ и другихъ неповторяемыхъ таинствъ), такъ какъ вѣруетъ, что чрезъ рукоположеніе римскихъ епископовъ, коихъ почитаетъ обладающими истиннымъ священствомъ, имъ сообщены уже сіи дары». Миссіонеръ Зубаревъ также не голословенъ. Онъ ссылается на «Уставъ духовн. консистор.» (стр. 30, примѣчан.), на книгу епископа Сергія Серафимовича: «Правила и практика» и синодальныя «Церковныя Вѣдомости» (1896 г., № 23, стр. 824). Отсюда онъ беретъ буквальныя выдержки (см. статью: «О благодати хиротоніи отъ ересей приходящихъ» въ «Костромскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», 1909 г., № 19, стр. 682). Точно воз-

ражая синодальному миссіонеру о. Крючкову, утверждающему, какъ мы выше видѣли, что у еретиковъ дѣйствуетъ не Духъ Святой, а діаволъ, миссіонеръ Зубаревъ ставитъ вопросъ: Седьмой вселенскій соборъ принялъ рукоположенныхъ иконоборцами епископовъ въ ихъ іерархическомъ достоинствѣ: «что же соборъ призналъ отъ ересей пришедшихъ хиротонію отъ діавола и нечистаго духа сатанина? Нѣтъ. Отъ Святаго Духа». «Опять же, — приводитъ Зубаревъ выдержку изъ дѣяній VII вселенскаго собора, — воистину есть Божіе изреченіе, чтобы дѣти не были умерщвляемы вмѣсто отцовъ, но чтобы каждый умиралъ за свой грѣхъ (Іезек. 18, 4), и, наконецъ, хиротонія отъ Бога». Такое сдѣлалъ заключеніе о рукоположенныхъ въ разсмотрѣнныхъ на соборѣ ересяхъ и расколахъ предсѣдатель собора, св. патріархъ Тарасій, съ которымъ согласился весь соборъ. Изъ этого послѣдняго соборнаго опредѣленія о принятіи присоединяющихся къ церкви въ своихъ степеняхъ священства видно, — замѣчаетъ о. Зубаревъ, — что только та хиротонія присоединяющихся къ церкви должна быть принимаема, которая «отъ Бога», т.-е. та, которая совершена Духомъ Святымъ чрезъ посредство епископовъ по непрерывному апостольскому преемству, а не безблагодатная, пустая святотатственная форма» (тамъ же, стр. 686). По утвержденію современнаго богослова-миссіонера Зубарева, «безъ наитія Св. Духа тайны — не тайны: крещеніе — не крещеніе, рукоположеніе — не рукоположеніе, а просто бѣсовское, даже «горше» бѣсовскаго, дѣло» (стр. 680).

Слѣдовательно, если господствующая церковь признаетъ благодать крещенія и хиротоніи у еретиковъ латинъ, армянъ, несторіанъ, англиканъ и другихъ, то она вѣритъ, что Самъ Духъ Святой дѣйствуетъ въ этихъ еретическихъ обществахъ. «Что безъ наитія Св. Духа не можетъ быть рукоположенія, не можетъ такое рукоположеніе считаться таинствомъ, и вообще не можетъ быть никакихъ таинствъ, а только одно сатанинское дѣло, объ этомъ имѣемъ, — свидѣтельствуетъ Зубаревъ, — ясныя свидѣтельства въ свящ. Писаніи и у святыхъ отцовъ. Такъ, св. апостолъ Павелъ свидѣтельствуетъ, что епископовъ, «съ возложеніемъ рукъ священства» (апостольства-епископства 1, Тим. 4, 14), поставляетъ «Духъ Святый» (Дѣян. 20, 28). Не посланныхъ такимъ образомъ «Духомъ Святымъ» (Дѣян. 13, 4), т.-е. не имѣющихъ дара Божія чрезъ апостольское «рукоположеніе» (2 Тим., 1, 6), но учащихъ и священнодѣйствующихъ онъ называетъ лжеапостолами, лукавыми дѣлателями, служителями сатаны, принимающими видъ служителей правды, «видъ апостоловъ Христовыхъ» (2 Кор. 11, 13, 15), за что и предаетъ ихъ сугубой анаѳемѣ (Галат. 1, 8, 9). Св. Іоаннъ Златоустъ, объясняя слова апостола: «Духъ Святый постави епископы» (Дѣян. 20, 28), учитъ: «вы, говоритъ (апостолъ), получили рукоположеніе отъ Духа; это значитъ слово: постави». «Возлагается рука на человѣка, — учитъ онъ, — но все совершаетъ Богъ, и Его десница касается главы рукополагаемаго, если рукоположеніе совершается, какъ должно». «Такъ, если бы не было залога Духа и нынѣ, то не существовало бы креще-

нія, не было бы ни отпущенія грѣховъ, ни оправданія и освященія, не получили бы мы усыновленія, не были бы причастниками таинствъ, — потому что безъ благодати Духа не могло бы быть таинственнаго тѣла и крови; не имѣли бы мы и священниковъ, потому что безъ Его наитія не можетъ быть рукоположеній»... «На основаніи такихъ сильныхъ и неопровержимыхъ свидѣтельствъ, — дѣлаетъ заключеніе о. Зубаревъ, — нельзя дѣлать раздѣленія благодати Святаго Духа отъ совершенія таинства» (стр. 679—680). Здѣсь миссіонеръ Зубаревъ ставитъ въ противорѣчіе священному Писанію и св. отцамъ Церкви своихъ же товарищей: синодальнаго миссіонера Крючкова, «миссіонера-писателя» Гринякина, архимандрита Павла Прусскаго и многихъ другихъ. Крючковъ съ своими единомышленниками упорно заявляетъ, что у еретиковъ дѣйствуетъ духъ діавола, а миссіонеръ Зубаревъ доказываетъ, что тамъ дѣйствуетъ Духъ Святой. До чего обезумѣли миссіонеры, что даже не могутъ отличить духа сатаны отъ Духа Святого.

Вслѣдъ за Зубаревымъ и миссіонеръ И. П. Строевъ заявляетъ, что у еретиковъ совершаетъ таинства Самъ Духъ Святый. У еретиковъ, — говоритъ онъ, — дѣйствительныя и истинныя таинства. А «истинныя и дѣйствительныя таинства могутъ быть лишь тамъ, гдѣ благодатно пребываетъ и благодатно дѣйствуетъ Самъ Богъ и въ частности Духъ Святый. Въ частности только тамъ, гдѣ благодатно присутствуетъ Самъ Богъ и гдѣ Онъ Самъ чрезъ

епископовъ Духомъ своимъ Святымъ совершаетъ хиротонію, возможна и дѣйствительная, подлинно таинственная хиротонія, или хиротонія, какъ таинство»... «Не можетъ быть дѣйствительныхъ таинствъ, а въ томъ числѣ и таинственно-благодатнаго поставленія во епископы въ частности тамъ, гдѣ не дѣйствуетъ Духъ Святый, гдѣ всѣ епископы безблагодатны и гдѣ, какъ сами они, такъ и совершаемыя ими таинства не сообщаютъ никому благодатныхъ даровъ Св. Духа» (см. сочиненіе Строева: «Неудачная защита», час. I, стр. 21, изд. 1910 года, Рязань). «Вообще, — богословствуетъ Строевъ, — въ видахъ послѣдовательности и въ интересахъ здраваго и согласнаго съ писаніемъ мышленія должно признавать что-нибудь одно изъ двухъ, а именно: гдѣ признаются таинства, тамъ должно быть признаваемо и благодатное присутствіе Божіе, а въ частности и благодатное дѣйствіе Св. Духа; а гдѣ не признается благодатнаго присутствія Божія, и въ частности благодатнаго дѣйствія Духа Святаго, тамъ не должно быть признаваемо и дѣйствительнымъ таинство, а въ томъ числѣ и дѣйствительнаго таинственно-благодатнаго поставленія въ епископы, священники и діаконы» (тамъ же, стр. 22). Словомъ, миссіонеры Строевъ и Зубаревъ раздавили, уничтожили совершенно Гринякина и всю его «мудрую» аргументацію.

Но курьезнѣе всего въ этомъ миссіонерскомъ разновѣріи, что миссіонеръ Александровъ самъ себя высѣкъ, какъ и остальные миссіонеры продѣлали надъ

собою то же самое. Александровъ, какъ мы выше указали, доказываетъ въ своей книгѣ «Выписки» словами Кипріана Карѳагенскаго, что разъ совершилось отступленіе епископовъ отъ Церкви, то они чрезъ это лишились благодати Св. Духа и сдѣлавшись, поэтому, мірянами, не могутъ уже преподать ни одного таинства (стр. 3 его «Выписокъ»). Съ этимъ мнѣніемъ согласился и весь миссіонерскій съѣздъ въ Кіевѣ; въ основаніе своего постановленія относительно старообрядческой іерархіи онъ положилъ именно это ученіе, что отступившіе епископы лишаются благодати Св. Духа и что поэтому внѣ Церкви нѣтъ и не можетъ быть благодати хиротоніи. Но тотъ же Александровъ въ другомъ мѣстѣ доказываетъ совершенно противоположное, именно, что въ еретическихъ обществахъ есть не только дѣйствительное и законное таинство священства, но что въ немъ преподается благодать Божія. «Необходимымъ признакомъ истиннаго священства, а вмѣстѣ и руководительнымъ началомъ при опредѣленіи законности или незаконности священства неправославныхъ обществъ, служитъ, — утверждаетъ о. Александровъ, — дѣйствительное сохраненіе или несохраненіе въ нихъ апостольскаго преемства, такъ какъ благодать истиннаго священства можетъ быть сохранена только чрезъ послѣдовательное другъ другу пріимательное рукоположеніе, продолжающееся непрерывно и долженствующее итти до скончанія вѣка въ нисходящемъ порядкѣ отъ Самого, посланнаго Богомъ Отцомъ, Великаго Архіерея Христа, чрезъ апостоловъ и поста-

вленныхъ ими епископовъ, до епископовъ и священниковъ даннаго времени. Преемственность іерархіи, передача однимъ лицомъ благодатнаго дара священства другому и есть именно существеннѣйшая, отличительная принадлежность истиннаго священства Христова, а отсутствіе ея, или пресѣченіе — рѣшительный признакъ священства неистиннаго, — признакъ лжесвященства» («Миссіон. Обозр.», 1906 г., № 11, стр. 630). «Законнымъ же совершителемъ можетъ быть только такой епископъ, который, какъ то мы выше сказали, получилъ по прямому и непрерывному преемству отъ Христа чрезъ свв. апостоловъ рукоположеніе и не отпавшій отъ благодати священства» (стр. 638). Миссіонеръ Александровъ говоритъ, что уже тѣмъ, что церковь признала дѣйствительность таинствъ у еретиковъ, она этимъ самымъ засвидѣтельствовала, что у нихъ есть благодать Божія. «Страннымъ кажется, — пишетъ онъ все въ томъ же «Миссіон. Обозрѣніи», — разсужденіе нѣкоторыхъ (по вопросу о еретической хиротоніи), что съ одной стороны хиротонія можетъ быть названа дѣйствительной, но съ другой—безблагодатною. Вдумайтесь хорошенько: «дѣйствительная хиротонія и въ то же время безблагодатная». Разъ хиротонія безблагодатна, то, слѣдовательно, она уже и недѣйствительная, ибо благодать Божія недѣйствующей быть не можетъ. По ученію православной церкви, таинство дѣйствительно, и благодать Божія несомнѣнно нисходитъ на человѣка, когда таинство совершено правильно. Правильность же

совершенія таинства заключается въ томъ, что при совершеніи его въ точности соблюдены были предписываемыя Церковью требованія относительно совершителя и образа совершенія таинства (см. подробнѣе у Малиновскаго въ кн. «О таинствахъ, какъ средствѣ освящ. человѣка», стр. 31—36). Законнымъ же совершителемъ можетъ быть только такой епископъ, который, какъ то мы выше сказали, получилъ по прямому и непрерывному преемству отъ Христа чрезъ свв. апостоловъ рукоположеніе и не отпавшій отъ благодати священства» («Мис. Обозр.», 1906 г., № 11, стр. 638). Здѣсь о. Александръ признаетъ у еретиковъ и «законныхъ совершителей», и «благодать священства».

Вѣра и проповѣдь миссіонеровъ и современныхъ богослововъ господствующей церкви,—это какая-то нечестная игра, возмутительный обманъ и самое грубое мошенничество. Въ книгѣ М. Меньшикова «О писательствѣ» разсказывается прелюбопытный фактъ изъ дѣятельности и продѣлокъ безчестныхъ журналистовъ. «До чего доходитъ журнальное мошенничество, показываетъ слѣдующій случай. Появились не такъ давно два изданія: «La France Commerciale» и «L'union Sociale». Оба близко походили другъ на друга по программѣ и содержанію, съ тою лишь разницею, что это были смертельные враги и держались абсолютно противоположныхъ мнѣній. Стоило редактору одной газеты, Дюшателю, сказать «да», чтобы редакторъ другой, Дюмонъ, ожесточенно провозгласилъ «нѣтъ». Газеты держались отдѣльныхъ промышленныхъ окру-

говъ и искусно сѣяли раздоры между ними. Дюшатель отстаивалъ одинъ округъ, Дюмонъ — другой; полемика между ними отличалась крайней страстностью и переходила въ личныя оскорбленія и ругательства. Наконецъ, Дюшатель въ своей газетѣ обозвалъ Дюмона литературнымъ мерзавцемъ и пригласилъ къ барьеру, обѣщая, въ случаѣ отказа, надавать ему пощечинъ при первой встрѣчѣ. Но такъ какъ оба редактора усиленно вымогали субсидіи съ отстаиваемыхъ промышленныхъ округовъ, то тутъ случился какой-то грѣхъ, заинтересовавшій и прокурорскій надзоръ. Возникло дѣло, и тутъ обнаружилось, что г. Дюшатель, редакторъ «La France Commerciale», и г. Дюмонъ, руководитель «L'union Sociale»,—одно и то же лицо; что онъ единолично основалъ обѣ газеты и въ одной распинался за то, что въ другой горячо опровергалъ; что никого иного, а самого себя вызывалъ на дуэль, все съ нехитрой цѣлью брать субсидіи какъ съ одного промышленнаго округа, такъ и съ другого» (стр. 131—132).

Не то же ли самое продѣлываютъ и миссіонеры? Самихъ себя они опровергаютъ, себя же обличаютъ въ еретичествахъ и богохульствѣ. Сами себя предаютъ позору и осужденію. И все это дѣлается для того, чтобы обмануть довѣрчивыхъ людей, провести ихъ какъ-нибудь и поймать въ свои сѣти. Чѣмъ эта дѣятельность лучше подвиговъ Дюшателя-Дюмона? По нашему мнѣнію, она еще преступнѣе и возмутительнѣе, такъ какъ низводитъ на степень низкаго надувательства величайшую святыню вѣрующихъ людей, — ихъ вѣрованіе, ихъ совѣсть и сердце.

5. Расходятся миссіонеры и богословы господствующей церкви и въ своихъ отношеніяхъ къ старообрядческой іерархіи. Для нихъ до сихъ поръ неясно, что представляетъ изъ себя старообрядческая іерархія. Казалось бы, за такой внушительный періодъ времени, какъ 60 слишкомъ лѣтъ, протекшихъ съ момента присоединенія къ старообрядчеству греческаго митр. Амвросія, можно было бы какъ-нибудь столковаться между собою и прійти къ одинаковому мнѣнію и рѣшенію относительно рукоположеній этого святителя.

Старообрядческая іерархія—самозванное ли по существу священство или только непризнанное господствующей церковью по политическимъ и инымъ соображеніямъ? На этотъ вопросъ миссіонеры и богословы отвѣчаютъ различно.

«Ученые богословы, — говорится въ «Миссіонерскомъ Обозрѣніи»,—имѣющіе прикосновеніе къ миссіи, съ большой робостью ставили этотъ самый вопросъ и въ общемъ склонялись къ той мысли, что въ Австрійской іерархіи есть нѣчто такое, что дѣлаетъ возможнымъ признать ее таковою, именно іерархіею» («Мисс. Обозр.», 1906 г., № 1, стр. 52). «Преемственность рукоположенія старообрядческихъ духовныхъ лицъ,— заявляетъ миссіонеръ М. Головкинъ,—даетъ основаніе церкви не повторять его надъ ними» («Православн. Путеводитель», 1906 г., № 9, стр. 702). «Церковь можетъ,—подтверждаетъ и миссіонеръ И. Строевъ,— признать за старообрядческими клириками теперешніе ихъ саны» («Миссіон. Сборн.», 1906 г., стр. 495). И профессоръ Н. И. Ивановскій «склоняется видѣть

въ членахъ Австрійской іерархіи не простыхъ мірянъ только, и тѣмъ болѣе самозванцевъ, а людей, посвященныхъ въ извѣстныя степени» («Миссіон. Обозр.», 1906 г., № 5, стр. 709). Ранѣе Ивановскаго другой профессоръ духовной академіи Н. В. Покровскій заявилъ, что «митр. Амвросій не былъ лишенъ благодати» и поэтому, — какъ сообщаетъ тотъ же Покровскій, — «константинопольскій соборъ еще недавно, обсудивъ этотъ вопросъ келейно, пришелъ къ тому заключенію, что Австрійская старообрядческая іерархія можетъ быть признана» («Волгарь», 1905 г., № 114). Одинъ изъ самыхъ видныхъ новообрядческихъ архіереевъ нашего времени, волынскій архіепископъ Антоній, также заявляетъ, что онъ «желалъ бы утвердить» старообрядческое священство (журн. «Христіанинъ», 1908 г., январь, стр. 179—180). Для перечисленныхъ лицъ старообрядческая іерархія есть не самозванная іерархія, а дѣйствительная, но только непризнанная господствующей церковью. «Ваше священство, — письменно подтвердилъ нижегородскій миссіонеръ С. И. Костровъ старообрядческому протоіерею о. А. Старкову, — законное съ юридической точки зрѣнія, но безблагодатное, еретическое съ точки зрѣнія церковно-канонической». «Вы, о. Старковъ, не сами назвались священникомъ, а васъ поставили на это» (см. въ ж. «Церковь», 1908 г., № 28, стр. 971). Миссіонеръ о. Д. Александровъ нигдѣ не называетъ старообрядческую іерархію самозванной, онъ признаетъ ее лишь незаконной. Многіе миссіонеры въ послѣднее время стали строго разграничивать незаконность отъ самозванства, даже ложное

священство они отличаютъ теперь отъ самозваннаго. Въ извѣстномъ постановленіи кіевскаго миссіонерскаго съѣзда относительно старообрядческой іерархіи миссіонеры не дерзнули назвать ее самозванной. Они признаютъ, что старообрядческія духовныя лица—это не простые мужики, безъ всякаго рукоположенія, объявившіе себя архіереями и іереями, а поставленные въ духовную степень по принятому въ церкви чину и порядку. Отсюда одинъ шагъ и до открытаго признанія старообрядческой іерархіи дѣйствительной и законной. Но сдѣлать этотъ шагъ, вполнѣ разумный и справедливый, миссіонеры и богословы господствующей церкви страшно боятся, потому что это былъ бы смертный приговоръ надъ всей ихъ полемикой противъ старообрядческой іерархіи. Поэтому они не смѣютъ точно и ясно опредѣлить, что же такое старообрядческая іерархія безъ признанія ея дѣйствительности со стороны господствующей церкви? Если это не самозванство, то что же? Архіепископъ волынскій Антоній и проф. Н. И. Ивановскій сравниваютъ старообрядческую іерархію съ духовенствомъ донатистовъ и новаціанъ, «которое не мыслилось и не мыслится, какъ простецы» («Мисс. Обозр.», 1906 г., № 5, стр. 709 и «Христіанинъ», 1906 г., стр. 189). И архіепископъ ярославскій Іаковъ высказалъ, что «предстоящій соборъ можетъ постановить» о старообрядческой іерархіи «новое рѣшеніе, сообразуясь съ порядкомъ дѣйствованія древней Церкви въ подобныхъ случаяхъ» («Церковн. Вѣдом.», 1906 г., № 45, стр. 2939). Древняя Церковь никогда не признавала дѣйствительной самозванную

іерархію. Выражаясь словами седьмого вселенскаго собора, вышеприведенными миссіонеромъ Зубаревымъ, она признавала только ту хиротонію, которая была отъ Бога и совершена, по словамъ миссіонера Строева, Духомъ Святымъ, хотя и въ раскольническомъ обществѣ. Если старообрядческое священство подходитъ подъ эту хиротонію, то миссіонеры должны признать его святымъ и Божественнымъ, какъ собственность Божію. Отрицая законность и благодатность этого священства, господствующая церковь отвергаетъ собственно благодать Божію, совершеніе Св. Духа, идетъ противъ Бога. Если же старообрядческая іерархія не подходитъ ни къ одному священству, признанному древней Церковью, то что же въ самомъ дѣлѣ она представляетъ изъ себя? На этотъ вопросъ миссіонеры такъ и не рѣшаются дать прямой и ясный отвѣтъ. Они запутались въ трехъ соснахъ и никакъ не могутъ выбраться отсюда. Говоримъ о тѣхъ миссіонерахъ, которые не рѣшаются объявить старообрядческую іерархію самозванной. Но есть не мало миссіонеровъ господствующей церкви, которые смѣло и рѣшительно заявляютъ, что старообрядческая іерархія самозванная, что члены ея—это самые обыкновенные самозванцы безъ рукоположенія въ какія бы то ни было іерархическія степени. Просмотрите многочисленныя сочиненія архимандрита Павла Прусскаго, игумена Парѳенія, Егора Антонова, «Бесѣды» синодальнаго миссіонера Крючкова и всѣхъ миссіонеровъ школы Павла Прусскаго. Всѣ они настойчиво твердятъ, что старообрядческое священство рѣшительно ничего не имѣетъ на

себѣ священнаго, это—«фальшивая монета», что всѣ посвященія старообрядцевъ въ іерархическія степени есть «дѣтская игра», «кукольная комедія». Не будемъ останавливаться на томъ, что отъ этой «игры» и «комедіи», какъ кощунственно и дерзко обзываютъ миссіонеры священнодѣйствія старообрядческой іерархіи, они признаютъ святымъ и Божественнымъ таинство св. крещенія. Объ этомъ мы уже говорили въ настоящемъ обзорѣ разновѣрія и самопротиворѣчій богослововъ и миссіонеровъ господствующей церкви. Отмѣтимъ другую непослѣдовательность этихъ проповѣдниковъ. Они такъ же, какъ и ихъ товарищи, не имѣющіе смѣлости объявлять старообрядческую іерархію самозванствомъ, допускаютъ, что господствующая церковь можетъ признать старообрядческую іерархію дѣйствительной, т.-е. признать «дѣтскую игру» дѣйствіемъ Божіимъ, «кукольную комедію» — Христовой преемственной и благодатной іерархіей, «фальшивыя деньги»—настоящимъ золотомъ. Но спросите этихъ же миссіонеровъ: можетъ ли ихъ церковь признать дѣйствительной, напримѣръ, бѣловодскую іерархію, происшедшую отъ никѣмъ нерукоположеннаго самозванца, или признавать настоящими іереями безпоповскихъ наставниковъ и лютеранскихъ пасторовъ? Они отвѣтятъ отрицательно. На публичныхъ петербургскихъ бесѣдахъ, бывшихъ въ 1908 г., архіепископъ волынскій Антоній заявилъ, что «старообрядческіе клирики—простые міряне, но если они придутъ съ раскаяніемъ къ церкви, то она можетъ принять ихъ въ священномъ званіи». Намъ хотѣлось тогда же выяснить у архіеп. Антонія

болѣе точное мнѣніе его о старообрядческой іерархіи. Мы обратились къ Антонію съ вопросомъ: «скажите, владыка, вотъ присутствующій здѣсь старообрядческій священникъ Никита Швецовъ (съ Громовскаго петербургскаго кладбища), по вашему, мірянинъ?»

— Да, мірянинъ.

— Церковь ваша можетъ признать его дѣйствительнымъ іереемъ?

— Можетъ, если онъ примирится съ церковью. А теперь онъ для меня—простой мірянинъ.

— Т.-е. онъ такой же простой мірянинъ, какъ, напр., я,—задалъ вопросъ авторъ настоящаго сочиненія.—Да?

— Да, конечно.

— Представьте, что и я примиряюсь съ вашею церковью. Можетъ ли она и меня признать священнослужителемъ?

— Но вѣдь вы нерукоположенный?

— Что-жъ изъ этого. По вашему, я такой же мірянинъ, какъ и о. Никита Швецовъ. Этого мірянина ваша церковь можетъ признать іереемъ, а меня нѣтъ? Почему такое неравное отношеніе?

— Да вы же сами считаете себя мірянином, какъ же церковь можетъ признать васъ духовнымъ лицомъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло. Тогда я заявлю вашей церкви, что я—старообрядческій митрополитъ. Вамъ будетъ очень лестно принять къ себѣ старообрядческаго митрополита. Не правда ли? Скажите же, можетъ ли, т.-е. въ правѣ ли она, имѣетъ ли въ себѣ столько силы, чтобы и меня, тоже простого мірянина, но

восхитившаго на себя сана митрополита, признать, при присоединеніи къ ней, въ санѣ митрополита?

— Мнѣ очень некогда,—заявляетъ архіеп. Антоній,—извините, я спѣшу къ граф. Игнатьевой,—къ той самой Игнатьевой, которая руководитъ въ настоящее время политикой господствующей церкви, и великосвѣтскій салонъ которой представляетъ изъ себя что-то въ родѣ закулиснаго собора, возглавляемаго дамой—графиней.

Такъ и не отвѣтилъ архіеп. Антоній на нашъ вопросъ. Да и что бы онъ могъ отвѣтить? Сказать, что самозваннаго митрополита церковь можетъ признать дѣйствительнымъ митрополитомъ, онъ не посмѣлъ. Это унизило бы и оскорбило церковь. Отвѣтить же, что церковь не имѣетъ права признать самозванца дѣйствительнымъ священнослужителемъ,—это значило бы признать, что старообрядческая іерархія дѣйствительная іерархія, иначе бы церковь и о. Никиту Швецова не могла бы признать дѣйствительнымъ іереемъ. Понявъ безвыходность своего положенія, архіеп. Антоній поспѣшилъ скрыться съ бесѣды. То же дѣлаютъ и миссіонеры. Они безсильны выпутаться изъ собственныхъ сѣтей. У нихъ нѣтъ здраваго и опредѣленнаго понятія о таинствѣ священства, они поэтому и не могутъ рѣшить удовлетворительно даже такого, казалось бы, очень простого вопроса: что такое старообрядческая іерархія? Рѣшая его, каждый по своему и всегда въ противорѣчіе себѣ и своей церкви, они этимъ свидѣтельствуютъ, что вѣра у нихъ подобно вѣтру: сегодня дуетъ въ одну сторону, завтра—въ другую.

XIII.

О ПОКАЯНІИ.

1. Таинство покаянія, по ученію символическихъ и богословскихъ книгъ господствующей церкви, слагается изъ нѣсколькихъ моментовъ. Но самымъ существеннымъ изъ нихъ признается сокрушеніе о грѣхахъ кающагося человѣка. «Св. отцы,—говорится въ «Богословіи» м. Макарія,—и учители Церкви единогласно признавали сокрушеніе о грѣхахъ самою существенною и необходимою принадлежностію покаянія» (томъ IV, § 224, стр. 248). Сокрушеніе должно быть искреннимъ, чистосердечнымъ, иначе покаяніе будетъ одною лишь фальшью и обманомъ. «Это необходимо по самому существу покаянія: кто истинно кается, тотъ не можетъ не сознавать всей тяжести своихъ грѣховъ и ихъ гибельныхъ послѣдствій, не можетъ не чувствовать своей виновности предъ Богомъ, своего недостоинства, не можетъ не скорбѣть сердцемъ, не сокрушаться,—и тамъ, гдѣ нѣтъ истиннаго сокрушенія о грѣхахъ, тамъ нѣтъ и истиннаго покаянія, а одно только наружное» (тамъ же, стр. 247). «Что же касается до свойствъ сокрушенія о грѣхахъ, то,—объясняетъ митрополитъ Макарій,—надобно заботиться, чтобы оно проистекало не изъ страха только наказаній за грѣхи, не изъ представленій вообще однихъ гибельныхъ для насъ послѣдствій отъ нихъ въ настоящей и будущей жизни, а преимущественно изъ любви къ Богу, Котораго волю мы нарушали, изъ живѣйшаго сознанія,

что мы оскорбили грѣхами своего величайшаго Благодѣтеля и Отца, явились неблагодарными предъ Нимъ, содѣлались недостойными Его» («Богословіе» Макарія, т. IV, § 224). Это же говорится въ «Православномъ исповѣданіи» (отвѣтъ на 112 вопр., стр. 74 по изданію 1900 г.), «Пространномъ Катехизисѣ» (стр. 60, изд. 70-е), въ «Опытѣ догматическаго богословія» епископа Сильвестра и другихъ богословскихъ и каноническихъ книгахъ. «Существеннымъ и необходимымъ,— говоритъ епископъ Сильвестръ,—со стороны кающагося условіемъ къ полученію разрѣшенія своихъ грѣховъ всегда почиталось искреннее и полное его раскаяніе, при которомъ могли разрѣшаться самые тяжелые грѣхи, но безъ котораго не прощались и сравнительно меньшіе грѣхи» («Опытъ догматическаго богословія», т. V, § 152, стр. 40).

Совершенно противоположный взглядъ на таинство покаянія выработался у правительствующаго синода. Сердечному сокрушенію кающагося, его искренности и его воли синодъ не придавалъ никакого значенія. Онъ смотрѣлъ на таинство покаянія какъ на какую-то гражданскую повинность, которую каждый гражданинъ,—хочетъ этого онъ или не хочетъ,—долженъ нести. Въ случаѣ же отказа выполнить эту повинность ему грозило наказаніе. 29 марта 1721 г. правительствующій синодъ такую вынесъ резолюцію относительно таинства исповѣди: «Надзирать въ приходѣхъ самимъ священникомъ, и прикащикомъ и старостомъ, гдѣ случится, и кто будетъ исповѣдываться и неисповѣдываться, тому всему имѣть книги погодно и присы-

лать ихъ по эпархіямъ въ Духовные Приказы, и кто по тѣмъ книгамъ явится безъ исповѣди, и съ такихъ править тѣхъ приходовъ священникомъ штрафы, съ разночинцевъ и съ посадскихъ: первой—по рублю, второй—по два рубля, третій—по три рубля, а съ поселянъ: первой—по десяти денегъ, другой—по гривнѣ, третій—по пяти алтынъ, а которые въ таковыхъ противностяхъ явятся, и о тѣхъ подавать вѣдомости въ губерніяхъ губернаторомъ и лантратомъ, а имъ по тѣмъ вѣдомостямъ таковымъ чинить наказаніе, а потомъ имъ ту исповѣдь исполнять же» («Полн. собраніе постановл. и распоряж. по вѣдомству православн. исповѣданія», т. I, № 52, стр. 67). Конечно, въ такой исповѣди не можетъ быть ни сокрушенія о грѣхахъ, ни чистоты раскаянія. Такая исповѣдь, догматизированная синодальной властью, слагается только изъ двухъ «веществъ»: насилія и лицемѣрія. Это—не таинство, а ложь и кощунство. Съ исповѣдью синодъ связалъ не только штрафы и наказанія, но и гражданскія права. «Въ Москвѣ изъ слободъ,—говорится въ той же резолюціи синода,—и въ городехъ, и въ селехъ, и въ волостяхъ, и вездѣ въ бурмистры, и во всякія службы выбирать такихъ, которые по вся годы исповѣдываются, со свидѣтельствомъ отцевъ духовныхъ и приходскихъ людей, что они по вся годы исповѣдываются, а которые не исповѣдываются, и такихъ отнюдь ни въ какія службы не выбирать» (тамъ же, стр. 67). Синодъ превратилъ таинство покаянія въ гражданскій цензъ. Кто имѣетъ этотъ цензъ, можетъ быть бурмистромъ и другимъ какимъ-либо

чиновникомъ, безъ этого же цензоваго таинства всѣ дороги къ гражданской службѣ закрыты. Кощунственный взглядъ на таинство покаянія, какъ на гражданскую повинность и чиновничій цензъ, синодъ выражалъ не разъ. 12 апрѣля 1722 г. синодъ снова вынесъ резолюцію: «Кто не исповѣдывается, на такихъ перво брать штрафъ, въ другой разъ—вдвое, въ третій разъ—присылать къ гражданскому наказанію» (тамъ же, т. II, № 532, п. 24, стр. 175). Синодально-кощунственное пониманіе таинства исповѣди существенно противорѣчитъ, какъ это каждому понятно, догматическому опредѣленію этого таинства.

2. Въ своихъ отношеніяхъ къ таинству покаянія синодъ дошелъ до превращенія его въ низменный актъ полицейскаго сыска, а священника синодъ посвятилъ въ санъ самаго опаснѣйшаго провокатора. Въ апрѣлѣ 1722 г.,—говоритъ священникъ А. Синайскій,—«послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которымъ требовалось, чтобы священники доносили гражданскому начальству объ открытыхъ имъ на исповѣди «преднамѣренныхъ злодѣйствъ», если исповѣдовавшіеся въ оныхъ не раскаялись и намѣренія своего совершить таковыя не оставили. Къ злымъ намѣреніямъ, требовавшимъ объявленія, относились: измѣна или бунтъ на Государя и государство и на фамилію Его Величества и все то, что могло вредить вѣрной службѣ и пользѣ государственной и церковной. Въ изданномъ по этому случаю объявленіи святѣйшаго синода говорилось, что «нѣкоторые злодѣи, исповѣдываясь духовнымъ отцамъ въ своихъ грѣхахъ, объявляютъ и злодѣйственное

свое намѣреніе не съ раскаяніемъ и отложеніемъ умышленія,но съ непремѣннымъ злаго того дѣйства желаніемъ, а отцы духовные объявить того никому не дерзаютъ, вмѣняюще то грѣхъ быти, что не есть грѣхъ, но полезное хотящаго быти злодѣйства пресѣченіе, и отъ такого необъявленія происходятъ многія вредныя дѣйства» («Отношеніе русской церковн. власти къ расколу», свящ. Синайскаго, стр. 231). «Указъ этотъ,—продолжаетъ говорить о немъ свящ. Синайскій,—своею необычностью, неканоничностью и противорѣчіемъ другимъ пунктамъ «Регламента» о неоткрытіи грѣховъ долженъ былъ смутить какъ православныхъ, такъ и раскольниковъ,—тѣмъ болѣе, что область зла намѣреннаго, открытаго на исповѣди, могла быть по взгляду и произволу духовника увеличена и извращена; отсюда неизбѣжнымъ слѣдствіемъ явилось уклоненіе отъ исповѣди, но больше всего лицемѣрная формальная исповѣдь» (стр. 232).

Священникамъ синодъ приказывалъ открывать не только такіе грѣхи кающихся лицъ, какъ «злое умышленіе на честь Государя и на фамилію Его Величества», но и «умышленія на тѣло церкви» и другія «воровства» (см. «Духовный Регламентъ», стр. 98 и 100, изд. 1897 г.). Сдѣлавъ священниковъ доносчиками, синодъ вмѣнилъ имъ въ обязанность строго и точно выполнять обязанность доносчиковъ. Священникъ, донесшій на своего духовнаго сына о признаніяхъ послѣдняго на исповѣди, долженъ былъ ѣхать съ нимъ въ тайную канцелярію или преображенскій приказъ, чтобы и тамъ свидѣтельствовать о сказанномъ ему

на исповѣди грѣхѣ. «Понеже,—говорится въ «Регламентѣ»,—по оному Его Императорскаго Величества именному указу и доносителей для надлежащаго такихъ злодѣевъ обличенія въ помянутыя тайную канцелярію, или преображенскій приказъ за поруками, или, буде порукъ не будетъ, за провожатыми, подъ честнымъ арестомъ высылать повелѣно,—того ради и священнику, объявивъ оное и давъ по себѣ поруку, ѣхать по высылкѣ въ указанное мѣсто неотложно и неотбывательно. И тамо уже, гдѣ о такихъ злодѣйствахъ слѣдованіе бываетъ, все объ ономъ зломъ намѣреніи слышанное объявить, именно безъ всякаго прикрывательства и сомнѣнія» (стр. 99).

Синодъ былъ глубоко убѣжденъ, что такія донесенія священниковъ о грѣхахъ кающихся имъ людей есть исполненіе завѣтовъ Іисуса Христа. «Ибо симъ объявленіемъ, — разъясняетъ синодъ, — духовникъ не объявляетъ совершенной исповѣди, и не преступаетъ правилъ, но еще исполняетъ ученіе Господне, тако реченное: аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ; аще тебѣ послушаетъ, пріобрѣлъ еси брата твоего, и прочая. Аще же не послушаетъ, повѣждь церкви» («Регламентъ», стр. 99—100). Подъ «церковью» синодъ разумѣетъ здѣсь, конечно, преображенскій приказъ, въ который священникъ обязанъ былъ доносить о грѣхахъ своихъ исповѣдниковъ. По этому ученію синода, всѣ пастыри, строго хранящіе тайну исповѣди во всѣхъ случаяхъ, должны считаться наруши-

телями св. Евангелія, преступниками Христова ученія. «Какъ ни оправдывалась церковно-правительственная власть въ своемъ странномъ распоряженіи, доказывая, что оно не противовѣчитъ существу исповѣди и полезно въ интересахъ государства, для всѣхъ ясно было, что священникъ сдѣлался опаснымъ человѣкомъ, имѣя полную возможность мстить и вредить своимъ духовнымъ дѣтямъ, и могъ даже погубить ихъ, злоупотребивъ ихъ довѣріемъ» («Отношеніе русск. церковн. власти къ расколу», стр. 232). «Такимъ образомъ,— заключаетъ о. А. Синайскій,—первая мѣра, касавшаяся одной изъ священныхъ обязанностей христіанина, вмѣсто свободнаго принятія и исполненія, многихъ отталкивала по причинѣ осложненія ея требованіемъ оглашенія нѣкоторыхъ грѣховъ, побуждала исповѣдниковъ къ скрытности, лжи и недоумѣніямъ: смущала и духовниковъ—исполнителей указовъ правительства; одни изъ духовниковъ не могли совершать осложненной исповѣди, другіе не доносили объ открытыхъ грѣхахъ, оправдывая себя многими уважительными причинами» (стр. 234). Въ числѣ таинствъ господствующей церкви синодъ ввелъ полицейскій институтъ, преступно назвавъ его таинствомъ исповѣди.

3. Вслѣдствіе всякихъ преслѣдованій, воздвигнутыхъ гражданскимъ и духовнымъ правительствомъ противъ всѣхъ, кто въ чемъ-либо ослушается синодальныхъ установленій, рѣдко кому удавалось избѣжать этой ужасной исповѣди. Къ ней насильственными средствами тащили всѣхъ: вѣрующихъ въ нее и невѣрующихъ, православныхъ и еретиковъ, малогрѣшныхъ людей и

страшныхъ преступниковъ. Всѣхъ ихъ требовалось не только исповѣдывать, но и причастить. Какихъ только грѣховъ и злодѣяній не повѣдала эта пестрая, разнообразная толпа кающихся людей, привлеченныхъ къ исповѣди страхомъ и угрозами. Нѣкоторые изъ нихъ, чтобы избѣжать причастія, такъ какъ считали его далеко не святыней, выдумывали на себя страшные грѣхи, за которые должно бы отлучать кающихся на долгіе годы отъ принятія св. Даровъ. Но синодъ приказалъ все прощать кающимся преступникамъ и разрѣшать ихъ отъ всѣхъ грѣховъ, какіе бы они ни были. «Притворно на себя,—говорится въ резолюціи синода,—сказуютъ грѣхи безмѣстные (т.-е. придуманные), дабы тако отбитися отъ причастія святой евхаристіи, *ими безбожно хулимой*, того ради церковь святая, всегда едину власть имущая издавати правила къ исправленію сыновъ своихъ, по разсужденію временъ и нравовъ человѣческихъ, *прощаетъ исповѣдующимся* древній канонъ, яко въ отраву отъ злоковарныхъ человѣкъ на погибель ихъ употребленный; кающагося же и исповѣдующаго грѣхи своя, *какіе бы ни были*, къ причащенію святыхъ Таинъ припускаетъ безотложно» (Синайскаго, стр. 233). Мало того, что синодъ превратилъ исповѣдь въ сыскное отдѣленіе и гражданскую повинность, онъ сдѣлалъ изъ нея что-то въ родѣ латинскаго чистилища, а всякаго священника наградилъ такой полнотой власти, которой позавидуетъ даже римскій папа. Кто бы ни пришелъ къ священнику на исповѣдь, къ какой бы лжи и лицемѣрію ни прибѣгалъ на исповѣди

грѣшникъ, какими бы страшными, злокачественными язвами ни покрыта была душа этого грѣшника и пусть онъ самъ будетъ злой, ужасный богохульникъ,— исповѣдующій его іерей долженъ его разрѣшить, и послѣ этого разрѣшенія преступникъ становится столь чистымъ и святымъ, что можетъ принять въ себя Самаго Христа.

Чудодѣйственное таинство. Не правда ли?

Разница между нимъ и латинскимъ чистилищемъ лишь та, что въ послѣднемъ грѣшникъ все же несетъ наказаніе, тогда какъ въ таинствѣ исповѣди господствующей церкви нѣтъ никакого наказанія.

4. Дозволивъ своимъ священникамъ разрѣшать на исповѣди кого попало и за какіе угодно грѣхи, синодъ призналъ совсѣмъ ненужной налагаемую при исповѣди епитимію. Зачѣмъ она, если таинство исповѣди сводится къ одной роли священника. «Собственно же,—опредѣляетъ синодъ,—и именно оную, въ древнемъ обычаѣ бывшую епитимію, еже на долгое время лишати причастія Таинъ святыхъ: понеже она древле была во врачевство, яко показующая грѣховъ мерзость, и востягающая злыя похоти, нынѣ же не токмо не страшна многимъ, но и желаемая лѣнивымъ стала, тайнымъ же раскольникамъ и весьма любимая, и притворнымъ грѣховъ исповѣданіемъ нарочно поискуема, отселѣ отставити, и оной къ тому не употреблятии помянутыхъ ради винъ» («Реглам.», стр. 107).

Современные богословы господствующей церкви пришли, наконецъ, къ заключенію, что епитимія не

только не необходима при таинствѣ исповѣди, но что самое ученіе объ епитиміи есть латинская ересь. Разбирая ученіе «Б. Катехизиса» объ епитиміяхъ, извѣстный расколовѣдъ, профессоръ Н. И. Ивановскій, говоритъ: «Ученіе это не можетъ быть признано ученіемъ православной церкви, а носитъ на себѣ характеръ ученія латинянъ объ этомъ предметѣ» (см. въ его книгѣ: «Критическій разборъ ученія безпоповцевъ о церкви и таинствахъ», стр. 254, Казань, 1892 года). Проф. Ивановскій надѣется, что «никто не будетъ спорить относительно значенія, какое «Большой Катехизисъ» придаетъ епитиміямъ въ отдѣлѣ о таинствѣ покаянія и въ вопросѣ о мѣстѣ пребыванія душъ крещенныхъ и некрещенныхъ, на листѣ 66. Въ первомъ мѣстѣ онъ считаетъ епитиміи одною изъ частей таинства покаянія; въ послѣднемъ какъ бы мимоходомъ дѣлаетъ замѣчаніе, что крещеные, но не исполнившіе епитиміи, пребываютъ въ злыхъ и богомерзкихъ дѣлахъ. Но на это мы должны замѣтить, что подобное ученіе объ епитиміяхъ не принадлежало и не принадлежитъ православной церкви, а можетъ быть названо ученіемъ латинскимъ», т.-е. еретическимъ (стр. 247). «Авторъ Большого Катехизиса,— разъясняетъ Ивановскій,—считалъ епитимію совершенно необходимою въ дѣлѣ спасенія, и потому весьма естественно, что онъ призналъ ее существенною частью таинства покаянія. Но великорусскіе книжные справщики и самъ патріархъ всероссійскій Филаретъ посмотрѣли на такое ученіе не какъ на православное» (стр. 253).

Ссылка на патріарха Филарета сдѣлана совершенно напрасно. Нигдѣ этотъ святитель древней русской Церкви не высказывался противъ епитиміи, какъ существенной части таинства покаянія. Самъ проф. Ивановскій, конечно, отвергаетъ необходимость епитиміи при исповѣди (стр. 255 въ его книгѣ). Онъ не прочь допустить ее, но только какъ врачеваніе, а не наказаніе. Такъ смотрятъ на епитимію и другіе богословы господствующей церкви.

Въ «богословіи» епископа Сильвестра приводится слѣдующее изреченіе патріарха константинопольскаго Іереміи: «Касательно опредѣленныхъ канонами наказаній, которыя вы совершенно отвергаете (патріархъ обращается къ протестантскимъ богословамъ), мы думаемъ: если они возлагаются служителями церкви, какъ лѣкарства, напримѣръ, на гордецовъ, любостяжателей, невоздержныхъ и распутныхъ, на завистниковъ и ненавистниковъ, на лѣнивыхъ или другими какими-либо пороками болящихъ, то они весьма полезны и много содѣйствуютъ кающемуся въ дѣлѣ исправленія. Поэтому и свв. отцы предписали возлагать ихъ на обращающихся и кающихся» («Опытъ», стр. 49, § 152 въ т. V).

Но удивительно, какъ современные богословы проглядѣли догматическое ученіе о таинствѣ покаянія символическихъ книгъ господствующей церкви. Въ извѣстномъ «Православномъ исповѣданіи» утверждается, что епитимія, налагаемая при исповѣди, есть именно наказаніе за грѣхи и что она столь необходима, что входитъ въ таинство покаянія, какъ существенная

его часть. «Пятое таинство есть покаяніе,—опредѣляетъ его «Православное исповѣданіе»,—скорбь сердца о грѣхахъ, сдѣланныхъ человѣкомъ, которые онъ открываетъ предъ священникомъ, съ твердымъ намѣреніемъ впредь исправить жизнь свою, и готовностью выполнить то, что въ наказаніе возложитъ на него священникъ—духовникъ его». (Отвѣтъ на 112 вопр., стр. 74). «Духовникъ не можетъ разрѣшить, когда не знаетъ, что должно разрѣшить, и какое наложить наказаніе» (стр. 75). Подъ наказаніемъ разумѣется епитимія, безъ которой, по ученію «Православнаго исповѣданія», не можетъ быть таинства исповѣди. «Къ покаянію,—утверждаетъ эта символическая книга господствующей церкви,—относится епитимія, которую налагаетъ и опредѣляетъ духовникъ, какъ-то: молитвы, милостыни, посты, путешествія ко святымъ мѣстамъ, колѣнопреклоненія и подобное, смотря по тому, что покажется приличнѣйшимъ по разсужденію духовника» (стр. 75).

Такое ученіе «Православнаго исповѣданія» о таинствѣ покаянія, по заявленію епископа Сильвестра, проф. Ивановскаго и другихъ богослововъ господствующей церкви, есть латинская ересь. Да вы «возьмите,—совѣтуетъ старообрядцамъ миссіонеръ Д. Александровъ,—въ любомъ православномъ храмѣ, у каждаго священника, Требникъ и въ чинѣ исповѣди вы найдете указъ, наставленіе духовнику налагать по правиламъ епитиміи (см., напримѣръ, Требникъ малаго формата по издан. 1882 г., стр. 76, 77, 78, 79 и 80); возьмите «Православное исповѣданіе» послѣднихъ даже

синодскихъ или прежнихъ изданій, и вы въ отвѣтѣ на 113 вопросъ прочтете, что при покаяніи, исповѣди, «подобаетъ быти канону и епитиміи»; возьмите «Догматическое богословіе» Макарія, книгу, по которой учатся и готовятся будущіе пастыри церкви,— вы и тамъ прочтете ученіе нашей церкви объ епитиміяхъ и наставленіе, какъ и за что ихъ налагать» (см. т. 2-й, стр. 336—348, по издан. 1857 г.). Наконецъ, если вы внимательно прочтете каждымъ епископомъ вручаемую новопоставленному іерею книжицу: «Поученіе святительское новопоставленному іерею», гдѣ дается наставленіе, какъ поступать при исповѣди и какъ кому давать и какія епитиміи, то вы разъ навсегда оставите даже и мысль обвинять церковь въ отложеніи ею якобы епитиміи» («Бесѣда со старообрядцемъ по вопросу объ епитиміяхъ», стр. 32—33).

Словомъ, что вамъ нужно, то и получите. «Вамъ требуется, чтобы епитимія была въ таинствѣ исповѣди, чтобы она признавалась необходимой, составной частью таинства,—вотъ вамъ объ этомъ обязательное ученіе господствующей церкви. Но, можетъ быть, вамъ совсѣмъ не нужна епитимія. Пожалуйста, не принимайте ее. Наша церковь еще со временъ Петра I отмѣнила ее, какъ совершенно ненужную вещь и даже вредную, какъ отрава. Да, признаться, самое ученіе объ епитиміяхъ, какъ о наказаніи за грѣхи и какъ части исповѣди, считается нашими богословами за латинское заблужденіе».

Такое двойственное, противорѣчивое ученіе о таинствѣ покаянія заключается въ каноническихъ, бого-

словскихъ и полемическихъ книгахъ господствующей церкви.

5. Въ римско-католической церкви таинство покаянія превращено въ предметъ купли-продажи. Разрѣшеніе грѣховъ тамъ можно пріобрѣсти за деньги. Вмѣсто прежнихъ епитимій въ латинской церкви введены такъ называемыя индульгенціи, т.-е. разрѣшительныя отъ грѣховъ грамоты. Богословы русской господствующей церкви обличаютъ римско-католическую церковь за это нововведеніе и доказываютъ, что индульгенціи исключаютъ, по самому существу своему, таинство покаянія, онѣ есть безнравственный актъ (см. «Богословіе обличительное» Иннокентія, т. II, гл. IV, чл. II, §§ 184—193). «Въ западной церкви,—говоритъ епископъ Сильвестръ,—съ IX, въ особенности же съ XI, вѣка стали допускаться и постепенно входить въ силу закона не только сокращенія, но и полныя отмѣны всѣхъ древне-церковныхъ епитимій, и притомъ вовсе не по вниманію къ степени раскаянія согрѣшившихъ, а вслѣдствіе однихъ только со стороны ихъ обращенныхъ къ папѣ голословныхъ, но подкрѣленныхъ болѣе или менѣе значительными денежными пожертвованіями, покаянныхъ просьбъ или желаній, на что отвѣтомъ со стороны папъ была безпрекословная и предупредительная выдача разрѣшительныхъ грамотъ, или такъ называемыхъ индульгенцій, получившихъ въ скорости самое широкое и многообразное примѣненіе» («Опытъ догм. богословія», томъ V, § 152, стр. 41, Кіевъ, 1897 г.). Епископъ Сильвестръ напоминаетъ, что въ древней Церкви «признавались необ-

ходимыми въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе или менѣе тяжкія и продолжительныя епитеміи, которыя составляли собою дополненіе къ самой же исповѣди и цѣлью своею имѣли не что иное, какъ возможно большее уврачеваніе духовно-недужнаго грѣшника и приведеніе его къ полному раскаянію и исправленію» (тамъ же). Индульгенціи устраняютъ и это врачеваніе въ таинствѣ исповѣди, и это раскаяніе и исправленіе лицъ, заручившихся отпускными грамотами. Но не то же ли самое установилъ въ русской господствующей церкви синодъ? Онъ, какъ мы выше указывали, постановилъ совершенно отмѣнить епитиміи при исповѣди и «оной къ тому не употреблять» («Духовн. Регламентъ», въ прибавл., стр. 107, изд. 1897 г.) и далъ право священникамъ разрѣшать привлеченныхъ къ исповѣди лицъ отъ всѣхъ грѣховъ, какіе бы они ни были. «Кающагося же и исповѣдывающаго грѣхи своя, какіе бы ни были, къ причастію святыхъ Таинъ церковь припускаетъ безотложно»,—говоритъ синодальное опредѣленіе («Полн. собр. постановл. и распоряж. по вѣдомству прав. исповѣд.», т. II, № 454 стр. 107, изд. 1872 г.). Что это были за кающіеся, объ этомъ синодъ говоритъ въ этомъ же опредѣленіи. Это были не искренно раскаивающіеся въ своихъ преступленіяхъ грѣшники, а «злоковарные человѣки» и «безбожные хулители евхаристіи», отрицательно относившіеся и къ таинству такой исповѣди (тамъ же, стр. 107). Именно ихъ синодъ повелѣлъ разрѣшать, не обращая никакого вниманія ни на «степень ихъ раскаянія», ни на объявленные и содѣянные ими грѣ-

хи. Развѣ это безоглядочное разрѣшеніе—не индульгенція? Вѣдь индульгенція есть, собственно, не грамота,—бумага сама по себѣ мало имѣетъ значенія,—а разрѣшеніе безъ наложенія епитимій и за деньги. Индульгенціи, установленныя синодомъ въ русской господствующей церкви, болѣе ужасны, болѣе безнравственны, чѣмъ папскія индульгенціи. Епископъ Сильвестръ говоритъ: «Въ западной церкви появилось произвольное и неосновательное ученіе объ епитиміяхъ, не какъ нравственно-педагогическихъ или духовно-врачебныхъ средствахъ, а какъ о временныхъ наказаніяхъ, которыя грѣшникъ долженъ понести въ сей и будущей жизни для удовлетворенія правды Божіей, но отъ которыхъ папа своею властію вязать и разрѣшать можетъ искупить посредствомъ индульгенцій» («Опытъ догмат. богословія», т. V, § 152, стр. 42). По этому ученію, папа индульгенціею замѣняетъ кающемуся грѣшнику наказаніе, которое послѣдній долженъ понести за свои грѣхи. Въ своихъ апологетическихъ сочиненіяхъ паписты заявляютъ, что «отпустъ получить можетъ только тотъ, кто уже примирился съ Богомъ. Отпустъ не замѣняетъ собою исповѣди, напротивъ, обязательно ее требуетъ»... Индульгенціи у р.-католиковъ даются на разные сроки. Это значитъ, что «если кто получитъ отпустъ, напримѣръ, на 100 дней, то онъ избавленъ отъ такой части временнаго своего наказанія за грѣхи, которую ему даровалъ бы Богъ за сто дней публичнаго покаянія, какое существовало раньше. Если же данъ отпустъ полный, то это значитъ, что съ него снимается цѣ-

ликомъ наказаніе за грѣхи, но подъ условіемъ, что гнушается ими, отрекается отъ всѣхъ ихъ, не только смертныхъ, но и малыхъ, повседневныхъ. Кому нравится хотя бы одинъ малѣйшій грѣхъ, и онъ не кается въ немъ, тотъ не можетъ получить полнаго отпуста» (см. р.-католическое сочиненіе: «Въ защиту вѣры», І. Забужнаго, гл. 5, стр. 182, Спб. изд. 1908 г.). Такъ понимаютъ и толкуютъ значеніе папскихъ индульгенцій богословы и апологеты р.-католической церкви. Индульгенціи, по этому объясненію, выдаются только взамѣнъ епитиміи и, разумѣется, всегда за приличное приношеніе. Правда, и при такомъ пониманіи разрѣшеній онѣ все же безнравственны и сводятъ подлинное покаяніе на нѣтъ. Однако онѣ менѣе предосудительны, чѣмъ синодскія индульгенціи, т.-е. разрѣшенія отъ всѣхъ грѣховъ, «какіе бы они ни были», и такихъ лицъ, которыя пришли на исповѣдь не по своему внутреннему влеченію, не вслѣдствіе искренняго раскаянія въ совершонныхъ ими преступленіяхъ, а по принужденію, по страху и боязни гражданскихъ наказаній. У р.-католиковъ все же обращаютъ вниманіе на сердечное сокрушеніе кающихся лицъ, и самыя индульгенціи выдаются соотвѣтственно степени грѣховности раскаявшагося грѣшника. Въ русской же господствующей церкви синодъ приказалъ разрѣшать кого попало и за что угодно. Въ р.-католической церкви индульгенціи не связываются съ причастіемъ, онѣ—лишь наказаніе за грѣхи и разрѣшеніе отъ грѣховъ. Въ русской же господствующей церкви для того собственно и установлено синодомъ разрѣшеніе всѣхъ

грѣховъ, чтобы привлеченнаго къ исповѣди грѣшника наказать именно причастіемъ, послѣднее идетъ за счетъ епитиміи. Въ резолюціи синода прямо говорится, что должно причащать и тѣхъ лицъ, которыя убѣгаютъ причастія и съ этою цѣлью придумываютъ на себя страшные грѣхи. Они полагали, что хоть за объявленные ими грѣхи отлучатъ ихъ отъ причастія и, такимъ образомъ, избавятъ ихъ отъ духовной гибели. Не тутъ-то было. Синодъ повелѣлъ всенепремѣнно давать имъ индульгенціи (разрѣшенія) и наказывать ихъ причастіемъ. Синодъ прекрасно зналъ, что именно причастіе для этихъ лицъ есть самое страшное наказаніе. Именно потому, что синодъ зналъ это, онъ и приказалъ ихъ причащать, во что бы то ни стало.

Обличая латинъ за индульгенціи, богословы господствующей церкви говорятъ, что «какъ въ Церкви временъ апостольскихъ, такъ и послѣ сихъ временъ, мы видѣли строго нравственную и благоразумно соображенную съ духовными потребностями кающихся покаянную дисциплину, но ровно ничего не замѣчали похожаго на вновь измышленныя на западѣ индульгенціи, или такого рода папскія грамоты, которыми, вовсе независимо отъ испытанія внутренняго покаянія расположенія кающихся, подавалось имъ полное разрѣшеніе, какъ отъ всѣхъ епитимій, такъ и всѣхъ грѣховъ за однѣ деньги, что искони въ церкви почиталось ничѣмъ инымъ, какъ самымъ непростительнымъ святокупствомъ» (у Сильвестра, т. V, § 152, стр. 43). Здѣсь

синодальные богословы осуждаютъ собственно свою церковь и свою іерархію. Именно синодъ русской церкви опредѣлилъ давать «полное [разрѣшеніе какъ отъ всѣхъ епитимій, такъ и всѣхъ грѣховъ». Синодальные богословы ставятъ въ преступленіе римской церкви дозволенное ею святокупство. Они, очевидно, забываютъ о томъ чудовищномъ святокупствѣ, безъ котораго не совершается въ господствующей церкви ни одно таинство. Но если за деньги преступно разрѣшать отъ всѣхъ епитимій и грѣховъ, то не преступнѣе ли дѣлать это во имя насилія и злой насмѣшки надъ людьми иной вѣры, иныхъ убѣжденій и съ намѣреніями самаго грубаго и низкаго сыска? И таинство евхаристіи, и таинство покаянія господствующая церковь отдала на служеніе полиціи, сдѣлала изъ нихъ жестокое духовно-убійственное орудіе государственной власти. Передъ этимъ попраніемъ таинствъ блѣднѣютъ всѣ святокупства и всѣ индульгенціи римскаго папы, какъ бы безнравственны и безчестны онѣ ни были.

6. Такія индульгенціи, какія введены въ р.-католической церкви, давнымъ-давно приняты и въ греческой церкви и не разъ раздавались греческими патріархами и въ Россіи, съ разрѣшенія, конечно, русскихъ властей, духовныхъ и гражданскихъ. Объ извѣстномъ патріархѣ восточномъ Аѳанасіи Пателаріи, имѣвшемъ роковое вліяніе на патр. Никона, разсказывается въ «Исторіи русской церкви» м. Макарія, что, будучи въ Москвѣ, онъ испросилъ у царя Алексѣя Михайловича разрѣшеніе на напечатаніе 500 индульгенцій. Въ поданной царю челобитной онъ писалъ: «Да вели,

государь, мнѣ же, богомольцу твоему, напечатать на своемъ дворѣ 500 разрѣшительныхъ граматъ, потому что, какъ я ѣхалъ къ тебѣ въ Москву чрезъ войско запорожскихъ казаковъ, въ то, государь, время приходили ко мнѣ на исповѣдь многіе черкасы и, по обычаю своему, просили у меня разрѣшительныхъ граматъ, и мнѣ некого было послать въ Кіевъ для напечатанія ихъ. А какъ я, богомолецъ твой, поѣду изъ Москвы назадъ, тѣ запорожскіе казаки опять начнутъ у меня разрѣшительныхъ граматъ просить, а иные вновь на исповѣдь приходить будутъ. Царь-государь, смилуйся, пожалуй». «Челобитная эта,—замѣчаетъ м. Макарій,—была уважена» (т. XII, стр. 122—123). Какъ разрѣшалъ казаковъ и другихъ людей этими индульгенціями патріархъ Аѳанасій, кстати сказать, канонизованный впослѣдствіи никоновской церковью, — объ этомъ свидѣтельствуетъ современникъ Аѳанасія, сербскій священникъ Юрій Крыжаничъ. «Я видѣлъ, — повѣствуетъ онъ,— напечатанныя въ Кіевѣ на русскомъ языкѣ разрѣшительныя граматы, которыя продавалъ на Руси византійскій патріархъ Аѳанасій. Какимъ образомъ и по какой цѣнѣ онъ продавалъ ихъ, я не знаю. То лишь знаю, что такія отпустительныя граматы нѣкоторыя продавали знатнымъ людямъ за деньги: здѣсь разрѣшаютъ отъ всѣхъ грѣховъ, не упоминая ни слова объ исповѣди или покаяніи. А бѣдные люди берегутъ эти граматы, какъ великое сокровище, и завѣщеваютъ класть съ собою во гробъ... Я видѣлъ одного митрополита, который, бывало, по-

всюду, куда ни придетъ къ знатному человѣку, прежде всего спроситъ его, не хочетъ ли онъ имѣть разрѣшеніе отъ грѣховъ. Тотъ выражаетъ желаніе, и митрополитъ, освятивъ воду въ домѣ этого человѣка, кропитъ его самого и все его семейство, потомъ кладетъ руки и книгу на голову хозяина и читаетъ надъ нимъ длинное и подробнѣйшее отпущеніе грѣховъ, безъ всякой передъ тѣмъ исповѣди» (Сочин. Крыжанича, изд. Безсоновымъ при «Русской Бесѣдѣ», стр. 192, М., 1859, и въ «Исторіи» митрополита Макарія, т. XII, стр. 123). Изъ этого свидѣтельства видно, что, кромѣ Аѳанасія, и другіе іерархи въ широкихъ размѣрахъ практиковали индульгенціи. Въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ обществѣ истор. и древн. россійскихъ» говорится, что и патріархъ Макарій антіохійскій, проживая въ Москвѣ и направляя здѣсь Никона на глупую церковную реформу, «давалъ всѣмъ разрѣшеніе» (книга 3, іюль—сентябрь 1871 г., стр. 54). Богданъ Хмѣльницкій свидѣтельствуетъ объ іерусалимскомъ патріархѣ Паисіи, что послѣдній разрѣшилъ его публично, безъ всякой исповѣди, отъ всѣхъ грѣховъ, настоящихъ и будущихъ, и сказалъ Хмѣльницкому: «иди и причащайся» («Исторія русской церкви», м. Макарія, т. XII, стр. 25). «Самъ патріархъ,—заявляетъ Богданъ Хмѣльницкій,—благословилъ меня въ Кіевѣ на эту войну, вѣнчалъ меня съ моею женою, разрѣшилъ меня отъ грѣховъ, хотя бы я и не исповѣдывался, и приказалъ мнѣ совершенно истребить ляховъ: какъ же мнѣ не слушаться великаго и святого владыки, главы нашей, и

любезнѣйшаго гостя» (тамъ же, стр. 28). И въ настоящее время всѣ восточные патріархи выдаютъ разрѣшительныя отъ грѣховъ граматы безъ всякой исповѣди, и кому попало, давай только деньги. У гроба Господня въ Іерусалимѣ греческое духовенство совершаетъ особыя «разрѣшительныя» литургіи за плату въ 25 руб. съ каждой литургіи. Она избавляетъ, по ученію греческой іерархіи, отъ всѣхъ грѣховъ и преступленій. За 25 руб. можно купить себѣ вѣчное царство со Христомъ. Совсѣмъ дешево. Кромѣ литургіи, греки придумали еще панихиды «разрѣшительныя». Въ рекламахъ, разсылаемыхъ по Россіи въ тысячахъ экземпляровъ служителями у гроба Господня, приписывается такая чудодѣйственная сила этой панихидѣ: «По окончаніи Божественной литургіи совершается сорокоустная панихида, именуемая такъ по участію въ оной молитвенномъ сорока священнослужителей, при которой каждымъ соучаствующимъ архіереемъ произносится отпустительная молитва, каковою разрѣшаются именемъ Господнимъ произносимыя души усопшихъ отъ всякой клятвы: священослужителей, родительской, обиженнаго, чей-либо случайной, какъ нынѣ въ обычаѣ произносить: «тотъ-то тебя возьми» или изрекшаго самимъ на себя, а также отъ грѣховъ по забвенію, или неразумію не исповѣданныхъ, а душу связывающихъ». На что же лучше— заказалъ одну такую панихиду и сталъ чистъ отъ всѣхъ грѣховъ и освободился отъ всякихъ клятвъ, даже послѣ смерти. Вотъ закажетъ теперь С. А. Толстая

такую панихиду по своему мужу, Л. Н. Толстому, связанному клятвой священнослужителей, и будетъ онъ «тамъ» возсѣдать рядомъ съ этими же священнослужителями. Отъ одной панихиды въ одинъ мигъ разрушаются синодальные ковы. «Такъ попечительная наша матерь церковь,—говорятъ греческіе іерархи въ своихъ панихидныхъ рекламахъ,—печется о нашемъ вѣчномъ блаженствѣ». Около священнаго таинства покаянія греческіе патріархи и русская синодальная власть создали столь великія преступленія, святокупства и кощунства, что за ними совсѣмъ не видать самого таинства. О немъ можно знать только изъ богословскихъ книгъ господствующей церкви. Въ жизни, въ дѣйствительности, таинство покаянія въ господствующей церкви совсѣмъ не то, какимъ оно опредѣляется въ ея богословскихъ и каноническихъ книгахъ. Да и книги, какъ мы показали, совершенно различно учатъ объ этомъ таинствѣ. Въ восточныхъ же церквахъ таинство покаянія постепенно забывается и выходитъ изъ употребленія. Напр., въ болгарской церкви, пребывающей въ тѣснѣйшемъ единеніи съ русской синодальной церковью, какъ сообщали недавно «Церковныя Вѣдом.», «таинство покаянія не предшествуетъ причащенію и вообще совершается рѣдко» (1910 г., № 30, стр. 1269—1270).

7. Въ заключеніе нельзя не отмѣтить, что самъ создатель господствующей церкви, бывшій патріархъ Никонъ, держался новаго вѣрованія относительно таинства покаянія. Въ противоположность выраженному впослѣдствіи синодомъ взгляду, по которому

повелѣвалось всѣхъ разрѣшать на исповѣди и отъ всѣхъ грѣховъ, Никонъ издалъ указъ, строго запрещающій принимать на исповѣдь татей и разбойниковъ, даже «въ послѣдній часъ казни ихъ», за что былъ осужденъ восточными патріархами, какъ еретикъ, изобличенный въ еретичествѣ древнихъ еретиковъ, наватіанъ и евстаѳіанъ, «иже не пріимаху кающихся отнюдь, мудрствующе и глаголюще противно богопроповѣдникомъ, апостоломъ и богоноснымъ отцемъ» («Дѣянія соб. 1667 г.», лис. 36 и об.). Никонъ умеръ, не раскаявшись въ этой ереси («Истор. р. ц.», м. Макарія, т. XII, стр. 393). Не раскаялись и патріархи восточные, доселѣ торгующіе индульгенціями. Не раскаялся и русскій синодъ въ своихъ преступленіяхъ и еретичествахъ. «Исповѣдныя» ереси ихъ стоятъ твердо и неподвижно.

XIV.

О БРАКѢ.

1. Въ господствующей церкви до сихъ поръ идутъ горячіе споры о таинствѣ брака. Одни изъ ея представителей утверждаютъ, что таинство брака можетъ быть совершаемо только надъ лицами одного вѣроисповѣданія, смѣшанные же браки преступны, беззаконны. Другіе же, напротивъ, утверждаютъ, что таинство брака можно и должно совершать надъ лицами разныхъ исповѣданій, что смѣшанные браки есть законное, чистое и святое таинство. Вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ разбирался и въ Высочайше учрежденномъ предсоборномъ присутствіи, и на кіевскомъ миссіонер-

скомъ съѣздѣ, но къ единомысленному рѣшенію этого вопроса не пришли богословы и миссіонеры господствующей церкви. Каждая сторона осталась при своемъ мнѣніи и вѣрованіи.

Извѣстный миссіонеръ-священникъ о. Д. Александровъ, участвуя въ занятіяхъ вышепоименованнаго предсоборнаго присутствія, представилъ VI-му отдѣлу этого присутствія особый докладъ по вопросу о смѣшанныхъ бракахъ. На основаніи многимъ церковныхъ каноновъ, постояннаго, неизмѣннаго ученія вселенской Церкви и объясненій свв. учителей ея авторъ доклада доказываетъ, что смѣшанные браки незаконны и что «христіанская совѣсть не можетъ примириться съ ними». «Какимъ образомъ,—спрашиваетъ Александровъ,—православный священникъ можетъ безъ раскаянія и должнаго присоединенія къ православной церкви вѣнчать, совершать таинство брака, поминать въ молитвахъ и просить низведенія Божія благословенія и благодати Святаго Духа на человѣка, отлученнаго Церковью, осужденнаго, «какъ еретика и непокорника», и преданнаго проклятію? Развѣ это можно? Развѣ можетъ примириться съ этимъ совѣсть православнаго пастыря,—тѣмъ болѣе, что церковными канонами подобные браки безусловно воспрещены» (см. «Журналы и протоколы засѣданій предсоборн. присутствія», т. II, стр. 321). Въ подтвержденіе этой мысли миссіонеръ Александровъ приводитъ правила четвертаго вселенскаго собора 14-е, шестого—72-е, лаодикійскаго собора—10-е и 31-е, карѳагенскаго—10-е, толкованія на эти правила Аристина, Вальсамона

и Зонара и мнѣнія отцовъ Церкви: св. Кипріана, бл. Ѳеодорита, Тертулліана и др.. Вселенская Церковь съ сонмомъ свв. отцовъ и учителей, съ цѣлымъ рядомъ соборовъ единогласно утверждаютъ, что бракъ православнаго съ еретикомъ ничтоженъ. «Ибо какое, говорятъ, будетъ общеніе у волка съ овцею, когда они во всемъ противоположно думаютъ и враждуютъ по причинѣ различія образа ихъ жизни? И не только опредѣляютъ расторгать такое сожитіе, но и подвергать отлученію того, кто дерзнетъ сдѣлать что-либо такое»(«Кормчая», полн. перевод., стр. 275—276). Если,— цитируетъ о. Александровъ разсужденіе по этому вопросу знаменитаго канониста господствующей церкви, епископа Іоанна Смоленскаго,—если «всякое вообще безразличное общеніе православныхъ съ людьми, чуждыми вѣрѣ или отлученными отъ Церкви, не можетъ быть одобрено Церковью, которая печется о сохраненіи въ своихъ сынахъ нравственной чистоты мыслей, чувствъ, всей жизни (Ап., 45, 65, 71; Лаод. 32, 37, 39 и др.), тѣмъ менѣе она можетъ дозволить между ними брачные союзы, которые по свойству своему должны тѣснѣйшимъ образомъ соединять сочетавающихся, и, слѣдовательно, будутъ въ нихъ соединять разномыслящія въ самыхъ важныхъ предметахъ (въ вѣрѣ и благочестіи) души, въ единомъ союзѣ ихъ смѣшивать чистое съ нечистымъ, свѣтъ съ тьмою, преданность въ вѣрѣ съ враждою противъ нея... Вѣдь бракъ, по понятіямъ православной Церкви, есть таинство; какое же участіе можетъ имѣть, или даже можетъ ли

быть допущено къ участію въ таинствахъ лицо, не принадлежащее къ Церкви?» (См. у еписк. Іоанна Смоленскаго, т. II, стр. 288—289). «Какъ можетъ,—добавляетъ о. Александровъ, — священникъ молиться, совершая бракъ даже раскольника съ православной или наоборотъ?» Далѣе авторъ доклада приводитъ 10-е правило свв. апостолъ, запрещающее имѣть церковное общеніе съ отлученными. «Добавимъ къ этому,—дѣлаетъ онъ заключеніе,—въ правилахъ сказано, что епископъ или священникъ, сообщающійся съ отлученнымъ, да будетъ и самъ внѣ общенія церковнаго» («Журн. и проток. предсоборн. присутствія», т. II, стр. 323). Если бы православная церковь,—убѣжденно заявляетъ миссіонеръ Александровъ,—въ лицѣ своихъ архипастырей, согласилась бы съ закономъ о смѣшанныхъ бракахъ, то это «дало бы большой поводъ старообрядцамъ обвинять православную церковь въ нарушеніи Христова ученія и каноновъ святыхъ соборовъ» (стр. 320).

Еще рѣзче осуждаетъ смѣшанные браки архіепископъ волынскій Антоній; онъ признаетъ ихъ антихристовымъ дѣйствіемъ. «Къ подготовительнымъ дѣйствіямъ антихристова царства у насъ относятся,—заявляетъ онъ въ своемъ окружномъ посланіи,—революція, развратившая народъ и крѣпко осѣвшая въ высшей школѣ, литература, безбожная и порнографическая, думскіе законопроекты о сокращеніи праздниковъ, о смѣшанныхъ бракахъ, о поощреніи растригъ, о религіозномъ сближеніи съ еретиками чрезъ введеніе новаго стиля въ календарь,

особенно — объ упраздненіи церковно - приходской школы» («Современное Обозрѣніе», приложеніе къ журн. «Кормчій», 1910 г., № 26, «Окружное посланіе архіепископа Антонія волынскаго», стр. 102). Взглядъ архіепископа Антонія на смѣшанные браки раздѣляютъ многіе архипастыри, богословы, канонисты и миссіонеры господствующей церкви.

Но на-ряду съ этимъ взглядомъ, такъ опредѣленно выраженномъ и въ окружномъ посланіи архіепископа Антонія, и въ каноническихъ трудахъ епископа Іоанна Смоленскаго, и въ докладѣ миссіонера Александрова,— въ господствующей церкви принято и закрѣплено синодальной іерархіей совершенно другое вѣрованіе относительно смѣшанныхъ браковъ. 190 лѣтъ назадъ правительствующій синодъ законоположилъ «браки лицъ вѣрныхъ съ невѣрными» считать «правильными и законными» (см. «Духовный Регламентъ», стр. 157, изд. 1897 г., Москва). «Церковь греко-россійская,— свидѣтельствуетъ о ней архіепископъ Никифоръ Астраханскій,—позволила быть таковымъ бракомъ и иновѣрныхъ въ разсужденіи православной стороны благословить брачнымъ благословеніемъ» («Отвѣты» Никифора Астраханскаго, отв. на 11 вопр., стр. 356—357, изд. 1854 г.). «Вѣдати же къ сему подобаетъ,— объясняетъ синодъ въ своемъ «Разсужденіи о бракахъ правовѣрныхъ лицъ съ иновѣрными»,—что бракъ вѣрнаго мужа съ женою не точію иновѣрною, но и весьма невѣрною, такожде и жены вѣрной съ невѣрнымъ мужемъ, не есть самъ собою нечистъ, или богомерзокъ, а лице вѣрное самимъ ложа сооб-

щеніемъ оскверняющій» («Регламентъ», стр. 155). Синодъ изо всѣхъ силъ старается доказать въ составленномъ имъ «Разсужденіи», что смѣшанные браки допустимы въ церкви и есть законныя сочетанія. «Разсужденіе» это, какъ руководство, вошло въ «Регламентъ». И архіереи «клянутся Всемогущимъ Богомъ, предъ святымъ Его Евангеліемъ дѣйствовать вся по написаннымъ въ Духовномъ Регламентѣ уставомъ». «Сія же вся буду,—произноситъ присягающій епископъ,—дѣйствовать по совѣсти моей, не рабствуя лицепріятію, не болѣзнуя враждою, завистію, упрямствомъ, и просто, никаковыми же плѣняяся страстьми». «Утверждаю клятвою моею, буди мнѣ Сердцевидецъ Богъ обѣщанія моего Свидѣтель, яко не ложное есть. Аще же есть ложное и не по совѣсти моей, буди мнѣ тотъ же Правосудный Отмститель» (тамъ же, стр. 6—8). Почти 200 лѣтъ іерархи государственной церкви произносятъ такую преступную клятву въ измѣну и попраніе церковныхъ правилъ и завѣтовъ Христа. Относительно новаго закона о смѣшанныхъ бракахъ правительствующій синодъ вынесъ слѣдующее опредѣленіе 26 октября—9 ноября 1905 года: «Святѣйшій синодъ,—говорится въ этомъ опредѣленіи,—на точномъ основаніи пункта 11 Высочайшаго указа отъ 17 апрѣля 1905 г. объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости, опредѣлилъ: предоставить епархіальному начальству дозволить повѣнчать бракъ сей (въ одной епархіи) въ православной церкви, безъ присоединенія просителя (раскольника) къ православію. Вмѣстѣ съ симъ, въ виду возможности обращенія старообрядцевъ и сектан-

товъ съ подобными ходатайствами къ преосвященнымъ другихъ епархій, предоставить епархіальнымъ начальствамъ самимъ удовлетворять таковыя ходатайства, о чемъ для надлежащаго руководства по духовному вѣдомству напечатать въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» (см. въ «Православномъ Путеводителѣ» за 1906 годъ, № 1, стр. 9—10). Этотъ законъ, какъ изданный не свѣтской властью, а духовной, обязателенъ для пастырей господствующей церкви. Въ предсоборномъ присутствіи большинствомъ голосовъ также рѣшено признавать смѣшанные браки допустимыми и законными («Церковн. Вѣдомости», 1907 г., № 11, стр. 75—80). Такимъ образомъ, выражаясь словами архіепископа Антонія волынскаго, правительствующій синодъ какъ палъ ницъ предъ «антихристовымъ дѣйствіемъ» 190 лѣтъ назадъ, такъ и до настоящихъ дней пребываетъ въ этомъ печальномъ положеніи. Попадаютъ за нимъ и сами Антоніи волынскіе и миссіонеры Александровы. «Синодъ, — какъ сообщаетъ академическій «Церковный Вѣстникъ»,— не счелъ возможнымъ уважить представленіе архіепископа Антонія (о смѣшанныхъ бракахъ) и рѣшилъ оставить въ силѣ прежнюю практику, находя, что церковь не имѣетъ права отнимать то, что даровано государственными законами, и что запрещеніе смѣшанныхъ браковъ повело бы только къ озлобленію противъ церкви, не принося въ то же время существенной пользы религіозно-нравственной жизни народа» («Церковн. Вѣстн.», 1910 г., № 38). Руководители академическаго журнала заявляютъ даже,

что «возвращеніе къ древнимъ церковнымъ канонамъ было бы недопустимымъ предпочтеніемъ мертвой буквы канона живому духу Церкви, основу котораго составляютъ любовь и миръ» (тамъ же, стр. 1171). Оказывается, что противники смѣшанныхъ браковъ, ратуя за возстановленіе въ господствующей церкви древнихъ каноновъ, идутъ противъ живого духа Церкви, разрушаютъ ея основу—миръ и любовь. Всѣ эти Антоніи, Іоанны, Александровы, по заявленію «Церковнаго Вѣстника», редактируемаго передовыми богословами господствующей церкви, есть тупые, безразсудные поклонники мертвой буквы.

Чтобы показать, какому духу кланяются модные богословы господствующей церкви, раздѣляющіе двухвѣковой ея взглядъ на смѣшанные браки, и о какой любви и мирѣ они говорятъ, противопоставляя ихъ «мертвой буквѣ канона», мы приведемъ хотя одинъ случай изъ исторіи смѣшанныхъ браковъ, разсказанный въ «Томскихъ Епархіальн. Вѣдомостяхъ» за 1907 г. «Затѣялся бракъ,—разсказывается здѣсь,—между двумя интеллигентами. Женихъ — офицеръ русской арміи, по вѣроисповѣданію магометанинъ; невѣста—кончившая курсъ гимназіи—православная. По закону, бракъ христіанки съ лицомъ нехристіанскаго исповѣданія не разрѣшается. Но невѣста нашла выходъ. Она перешла въ лютеранство, которое разрѣшаетъ подобные браки. По принятіи лютеранства бракъ совершонъ былъ сначала въ татарской мечети, куда обычнымъ свадебнымъ поѣздомъ, но, конечно, уже безъ святой иконы, бывшая православная дѣвица направилась со

своими родными, тоже православными людьми. При входѣ въ мечеть мулла потребовалъ отъ всѣхъ поѣзжанъ со свадьбою снять свои сапоги и войти въ мечеть разувшись. Обрядъ этотъ нашими христіанами былъ въ точности исполненъ. Само собою, въ татарской мечети всѣ они стояли со вниманіемъ, на-вытяжку, и не смѣли разговаривать между собою все время, пока татарскій мулла читалъ и говорилъ на своемъ языкѣ. Изъ татарской мечети повѣнчанные муллой тотчасъ же отправились въ лютеранскую кирку. Здѣсь произошло второе вѣнчаніе. Сначала совершено магометанское вѣнчаніе, потомъ христіанское. Христіане стали ниже нехристіанъ-татаръ. По обычаю лютеранъ, молитва совершалась, сидя на скамьяхъ. Когда пришло время прочитать молитву Господню «Отче нашъ»..., пасторъ потребовалъ, чтобы вѣнчающіеся стали на колѣни. Невѣста исполнила его приказаніе, женихъ-татаринъ отказался исполнить это и вступилъ въ споръ съ пасторомъ, заявивъ ему, что, какъ магометанинъ, онъ не можетъ преклонить своихъ колѣнъ въ его храмѣ и предъ висящимъ на передней стѣнѣ храма распятіемъ Христа, котораго онъ не признаетъ Богомъ.

— Знаю, что вы не вѣрите въ Іисуса Христа, какъ Бога, но, хоть для приличія, исполните этотъ обрядъ,— говорилъ пасторъ.

— Не могу я воздавать почесть вашему идолу,— отрѣзалъ татаринъ.

— Ваша невѣста согласна,—пытался урезонить его пасторъ.

— Это—ея дѣло, а мы свой законъ ломать не можемъ.

Такъ и не всталъ со скамьи и сидѣлъ все время обряда вѣнчанія и держалъ себя въ храмѣ, какъ истинный татаринъ, безъ всякаго уваженія и благоговѣнія къ мѣсту; невѣста вторила жениху».

Вотъ что противопоставляется «мертвой буквѣ канона» и считается «живымъ духомъ Церкви».

Миссіонеръ Александровъ, какъ мы видѣли, опасается, что старообрядцы будутъ имѣть большой поводъ обвинять господствующую церковь въ нарушеніи Христова ученія и каноновъ святыхъ соборовъ, если она согласится съ закономъ о смѣшанныхъ бракахъ. Мы показали, что она не только согласилась съ этимъ закономъ, но считаетъ смѣшанные браки правильными и законными сочетаніями, а богословы ея рѣшительно утверждаютъ, что именно тотъ, кто отстаиваетъ церковные каноны, есть противникъ живого духа Церкви, т.-е. духа Христова, говоря прямѣе, есть антихристъ. Во взаимныхъ пререканіяхъ и спорахъ богословы и архипастыри господствующей церкви совсѣмъ потеряли способность различать духъ Христовъ отъ духа антихристова и упорно обличаютъ другъ друга въ противленіи Христу и поклоненіи Его противнику.

2. Большой споръ между богословами и религіозными мыслителями, принадлежащими къ господствующей церкви, вызываетъ и вопросъ о томъ, что выше: бракъ или дѣвство? Чрезвычайно любопытное сообщеніе объ этомъ спорѣ даетъ редакторъ «Миссіонерскаго Обозрѣнія», Никита Гринякинъ. Споръ

происходилъ въ засѣданіяхъ петербургскаго религіозно-философскаго собранія, въ немъ принимали участіе и нѣкоторые архіереи и академическіе богословы синодальной церкви. «Пря бысть велія,—иронизируетъ надъ своими богословами г. Гринякинъ,—и устава тамъ не учиниша». «Рѣшался вопросъ,—что выше: бракъ или дѣвство,—въ абсолютной постановкѣ и, какъ само собой понятно, рѣшенъ быть не могъ. «Ищущіе» съ понятной тенденціей настаивали на томъ, что «историческое христіанство» дѣвство ставитъ выше брака. Того же мнѣнія были и нѣкоторые православные богословы, къ нашему изумленію, видящіе въ бракѣ нѣкую нечистоту. Другіе высказывались за равночестность дѣвства и брака, хотя не слышно было достаточной доказательности этой истины. Третьи утверждали, что бракъ выше дѣвства, поелику въ немъ, а не въ дѣвствѣ, осуществляется (до извѣстной степени) присущая человѣку идея счастья. А одинъ богословъ доказывалъ преимущество брака предъ дѣвствомъ семейностью жизни Пресвятой Троицы, въ которой есть Отецъ, мать—Духъ Святый, какъ Божественное существо, якобы женскаго пола, и Сынъ. Попутно вели рѣчь и о скопцахъ (Мѳ. 19, 12), подъ которыми одни разумѣли физическихъ скопцовъ, другіе—дѣвственниковъ, а третьи—даже людей, отдавшихся всецѣло какому-либо дѣлу, наукѣ, искусству и т. п. Словомъ,—заключаетъ Гринякинъ,—слышались настолько взаимноуничтожающіяся мысли, что безсмысліе получалось въ результатѣ съ математическою точностью» («Миссіон. Обозр,» 1903 г.,

№ 10, стр. 1495). Дойти до такого чудовищно кощунственнаго утвержденія, что Духъ Святый есть «существо женскаго пола», можетъ только богословъ именно синодальной церкви.

3. Въ томъ же религіозно-философскомъ обществѣ велись утомительные споры о томъ, что такое таинство брака,—но ни къ какому соглашенію по этому вопросу не пришли современные богословы. В. В. Розановъ говорилъ, что «бракъ есть грязная рогожа, къ которой церковь прикрѣпила пломбу съ надписью: сукно ангельской чистоты». Нѣтъ, это невѣрно,—возражалъ ему г. Гринякинъ.—«Бракъ есть сукно, и настояще-Божественной фабрики» (см. «Записки религіозно-философскихъ собраній», стр. 228). Гринякинъ недалеко ушелъ отъ богослова, который Духа Святаго приписалъ къ женскому полу; самъ онъ Господа Бога, сочетающаго людей въ бракѣ, кощунственно произвелъ въ фабриканты. На вопросъ г. Розанова: «Какъ вы думаете, сожительство сдѣлало таинство или вѣнчаніе»?—г. Гринякинъ сумѣлъ пролепетать: «Насколько вѣрно, не знаю, но думаю, что фактическое сожительство признавалось таинствомъ брака по вѣнчаніи и благословеніи Церкви» (тамъ же, стр. 329). Патентованный апологетъ господствующей церкви, постигшій всю академическую мудрость, изучившій все богословіе своей церкви, на простой вопросъ о бракѣ вынужденъ отвѣчать незнаніемъ. Такъ до жалости растеряны и безнадежны современные богословы господствующей церкви. Что такое таинство брака,—они такъ и не рѣшили этого вопроса. Для нихъ,

должно-быть, все едино, что «грязная рогожа», что «сукно настояще-Божественной фабрики».

4. Можно ли удивляться незнанію богослововъ и миссіонеровъ господствующей церкви, когда самъ правительствующій синодъ путается въ опредѣленіи таинства брака. Въ 1729 г. онъ опредѣлилъ не перевѣнчивать язычниковъ. «Святѣйшій правительствующій синодъ,—говорится въ его постановленіяхъ,—слушавъ присланной съ Царицынской заставы копіи съ доношенія обрѣтающагося при калмыцкомъ владѣльцѣ Петрѣ Тайшинѣ іеромонаха Никодима Линкевича о пріемлющихъ святое крещеніе калмыкахъ, которыхъ-де съ 727 и въ прошломъ 728 году кибитокъ сорокъ, всѣ съ женами и съ дѣтьми, а по реестру имянами мужска и женска пола 176 человѣкъ, во святомъ крещеніи совершилися. То надлежитъ ли-де вѣнчать послѣ крещенія тѣхъ, которые супружество имѣли до крещенія, чтобъ резолюцію учинить. Приказали: которые калмыки супружество имѣли до воспріятія святаго крещенія и нынѣ какъ мужи, такъ и жены ихъ крещеніе приняли, тѣмъ бракосочетаваемаго вѣнчанія не чинить, но велѣть имъ жить въ томъ супружествѣ невозбранно, и о томъ о всемъ къ вышеозначенному іеромонаху Никодиму Линкевичу, а о посвященіи по представленію его искуснѣйшаго школьника во діакона и дачѣ тому діакону во свидѣтельство надлежащаго о томъ указа и къ преосвященному Варлааму, епископу астраханскому и ставропольскому, послать указы» («Полное собраніе постановленій и распоряж. по

вѣдомству православн. испов.», т. VI, № 2214, стр. 315). Старообрядческіе браки господствующая церковь признаетъ законными. Въ этомъ увѣряетъ насъ одинъ изъ видныхъ миссіонерскихъ писателей, г. Антоновъ («Отвѣты» его на 105 вопросовъ, стр. 187). Казалось бы, если синодъ приказалъ не перевѣнчивать браки язычниковъ-калмыковъ, подлежащихъ крещенію, то возможно ли допустить перевѣнчиванье браковъ старообрядческихъ, признанныхъ церковью законными и совершонныхъ христіанами, и во имя союза Христа съ Церковью? Какъ бы строго ни относился синодъ къ старообрядцамъ, какую бы ненависть ни питалъ къ нимъ, онъ, во всякомъ случаѣ, долженъ признать, что старообрядцы и съ его точки зрѣнія все же ближе къ Христу и къ Церкви, чѣмъ калмыки. Что же мы однако видимъ въ опредѣленіяхъ синода относительно законныхъ старообрядческихъ браковъ? Въ синодальномъ указѣ отъ 14-го августа 1808 г. изложено требованіе синода перевѣнчивать старообрядческіе браки (см. въ «Общемъ собраніи законовъ», т. II, № 1257). Это требованіе вошло и въ «Практическое руководство для священниковъ», составленное Нечаевымъ (§ 90, стр. 230—231, изд. 1887 г.). Калмыковъ не перевѣнчивать, а старообрядцевъ перевѣнчивать. Не странно ли? Такое удивительное распоряженіе можно объяснить или сатанинскимъ озлобленіемъ синода противъ старообрядцевъ, или своеобразнымъ пониманіемъ сущности брака. Предоставляемъ богословамъ господствующей церкви разгадать эту загадку.

5. Что касается разрѣшенія браковъ въ различныхъ

степеняхъ родства, то и тутъ богословы, миссіонеры и синодъ тянутъ въ разныя стороны. Въ 1910 году миссіонерская газета «Колоколъ» авторитетно заявила, что браки двухъ родныхъ братьевъ на двухъ родныхъ сестрахъ не могутъ быть допустимы. Такое сочетаніе беззаконно (№ 1163 «Колокола»). Но въ изданномъ редакціей журн. «Духовная Бесѣда» на тотъ же 1910 годъ «Календарѣ-справочникѣ для пастырей и мірянъ» говорится, что «св. синодъ, во вниманіе къ особымъ условіямъ жителей литовскаго края предоставилъ архіепископу литовскому разрѣшать повѣнчаніе браковъ съ родною сестрою невѣстки, т.-е., напримѣръ, родные братья могутъ получить разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ съ родными сестрами и съ родною сестрою зятя, т.-е. братъ и сестра съ одной стороны могутъ вступить въ бракъ съ сестрою и братомъ съ другой стороны» (стр. 16 «Календаря»). Такіе браки, по опредѣленію шестого вселенскаго собора (прав. 54) и по Номоканону (прав. 53), должны быть расторгнуты, какъ незаконное сожительство, а разрѣшавшіе ихъ подлежатъ изверженію и отлученію. Разрѣшилъ синодъ бракъ и кума съ кумою. Въ 1873 г. 19 апрѣля онъ позволилъ полковнику Андрею Лисецкому вступить въ бракъ съ вдовицею Анною Гульдынской, у которой, прежде вступленія въ бракъ, Лисецкій воспринималъ отъ св. крещенія родную ея дочь. И такое брачное совокупленіе и впредь позволено совершать (см. въ «Сводѣ узаконеній и замѣтокъ по вопросамъ пастырской практики», изд. 2-е, 1875 г., М., стр. 187—188).

За какой бы вопросъ о бракѣ мы ни дотронулись, въ каждомъ мы видимъ разномыслiе и разновѣрiе богослововъ господствующей церкви и ея iерархiи. Вотъ ужъ воистину «что мужикъ, то вѣра; что баба, то уставъ» (народная пословица).

XV.

О ЕЛЕОСВЯЩЕНIИ.

Въ богословскихъ и полемическихъ книгахъ пастырей, апологетовъ и богослововъ господствующей церкви содержится разное ученiе и вѣрованiе и относительно седьмого таинства церковнаго — елеосвященiя.

1. Одни изъ синодальныхъ богослововъ учатъ, что елеосвященiе есть таинство прощенiя грѣховъ; другiе, напротивъ, утверждаютъ, что оно есть таинство исцѣленiя тѣлесныхъ болѣзней, отпущенiе же въ немъ грѣховъ больному есть не что иное, какъ только дополненiе къ таинству покаянiя. Въ символической книгѣ господствующей церкви, «Православное исповѣданiе», на вопросъ: «какiе плоды сего таинства?» — дается отвѣтъ: «Пользу и плоды, которые происходятъ отъ сего таинства, показываетъ апостолъ Iаковъ; они суть: прощенiе грѣховъ или спасенiе души и здравiе тѣла. Хотя тѣло и не всегда получаетъ исцѣленiе, но прощенiе грѣховъ всегда даруется душѣ кающагося» («Прав. исповѣданiе», отв. на 119 вопр., стр. 77, изд. 1900 г.). Здѣсь на первое мѣсто поставлено въ таинствѣ елеосвященiя прощенiе грѣ-

ховъ. По ученію «Прав. исповѣд.», это — самое существенное въ елеосвященіи, такъ какъ прощеніе грѣховъ всегда дается этимъ таинствомъ, а тѣлесное исцѣленіе не всегда бываетъ. Точно такое же понятіе о таинствѣ елеосвященія изложено и въ «Догматическомъ богословіи православно-каѳолической церкви», составленномъ докторомъ богословія, архимандритомъ Антоніемъ. «Благодать, обѣтованную въ таинствѣ елеосвященія, — говоритъ архим. Антоній, — показываетъ святой апостолъ Іаковъ. Это — прощеніе грѣховъ и здравіе тѣла. Хотя же тѣло не всегда получаетъ исцѣленіе, но прощеніе грѣховъ всегда даруется душѣ истинно вѣрующаго и кающагося» (см. его «Догматическое богословіе», § 332, стр. 250, изд. 5-е, 1852 г.).

Болѣе знаменитый богословъ господствующей церкви, митр. Макарій, приписываетъ таинству елеосвященія другое значеніе. Онъ признаетъ самымъ существеннымъ въ этомъ таинствѣ тѣлесное оздоровленіе больного, надъ которымъ совершается елеопомазаніе. «Для больныхъ тѣломъ, — богословствуетъ митр. Макарій, — собственно предназначено таинство елеопомазанія: потому уврачеваніе тѣлесныхъ болѣзней и составляетъ самый первый благодатный плодъ этого таинства». Что же касается «исцѣленія немощей душевныхъ», то для этого, по объясненію Макарія, установлено таинство покаянія, обязательно предшествующее елеопомазанію. Въ немъ собственно, а не въ елеопомазаніи дается болящему и кающемуся очищеніе отъ грѣховъ. «Ска-

завъ о первомъ непосредственномъ дѣйствіи елеосвященія на больного — уврачеваніи его болѣзней тѣлесныхъ, св. Іаковъ, — разъясняетъ митр. Макарій, — присовокупляетъ: и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему. Этимъ условнымъ выраженіемъ: аще грѣхи сотворилъ есть, — апостолъ, очевидно, предполагаетъ, что больной прежде елеосвященія уже воспользовался другимъ очистительнымъ средствомъ отъ грѣховъ — таинствомъ покаянія», иначе представить больного безгрѣшнымъ не могъ (1 Іоан. 1, 8, 10). И доселѣ въ православной церкви каждый приступающій къ таинству елеосвященія «предварительно очищаетъ себя отъ грѣховъ чрезъ исповѣданіе ихъ предъ отцомъ духовнымъ». Митр. Макарій склоненъ и таинству елеосвященія придать силу, нѣсколько дополняющую таинство покаянія, но это дѣйствіе можетъ быть лишь случайнымъ, когда тяжко больной не имѣлъ возможности по своей тѣлесной слабости воспользоваться во всей полнотѣ таинствомъ исповѣди. «Отпущеніе грѣховъ чрезъ таинство елеосвященія, — говоритъ митр. Макарій, — назначеннаго собственно для тяжко больныхъ, есть не что иное, какъ восполненіе отпущенія грѣховъ въ таинствѣ покаянія, — восполненіе не по недостаточности самаго покаянія для разрѣшенія всѣхъ грѣховъ, а по немощи больныхъ воспользоваться этимъ спасительнымъ врачествомъ во всей его полнотѣ и спасительности» («Православно-догматическое богословіе» митр. Макарія, час. II, § 232, стр. 361—362, по изд.

1857 г.). Если же онъ воспользовался этой полнотой, то для него совсѣмъ излишне «восполненіе отпущенія грѣховъ» въ елеопомазаніи. Да и въ томъ случаѣ, когда больной не во всей полнотѣ использовалъ таинство исповѣди, онъ, по объясненію митр. Макарія, въ таинствѣ елеопомазанія не самъ дополняетъ этотъ пробѣлъ, допущенный имъ въ исповѣди, а «соборъ служителей Господа», совершающій елеопомазаніе. Здѣсь нѣтъ покаянія, нѣтъ и кающагося, а есть лишь ходатаи и просители за него (тамъ же, стр. 632). Такой взглядъ на таинство елеосвященія излагаетъ отъ лица господствующей церкви и современный обличитель римско-католическихъ заблужденій свящ. К. Околовичъ. Онъ говоритъ, что апостолъ Іаковъ «предполагаетъ другое средство къ очищенію души отъ грѣховъ, т.-е. таинство покаянія», а не елеосвященія, которое «совершается послѣ таинства покаянія; къ нему приступаютъ не умирающіе, а больные, по очищенію совѣсти покаяніемъ, какъ новому источнику спасительной благодати» (брош. о. Околовича: «Не противорѣчитъ ли апостольскому наставленію ученіе католической церкви, что таинство елеосвященія должно совершаться только надъ умирающими людьми», стр. 2).

2. Разновѣріе богослововъ господствующей церкви относительно таинства елеопомазанія идетъ еще дальше. «Миссіонерское Обозрѣніе», руководящій органъ миссіи синодальной церкви, учитъ устами своего лучшаго сотрудника, іеромонаха Михаила, что елеопомазаніе есть таинство смерти, оно готовитъ умирающаго че-

ловѣка къ смертному часу. «Для того, — говорится въ богословіи «Миссіонерскаго Обозрѣнія», — чтобы не бояться смерти, какъ какого-то страшилища, нужно, какъ говоритъ Сократъ, въ предсмертной бесѣдѣ напѣвать человѣку пѣснь, несущую чары, до тѣхъ поръ, пока эти чары не исцѣлятъ его отъ страха смерти. Таинство, совершаемое предъ смертью, и хочетъ прежде исцѣлить человѣка отъ страха смерти. Церковь даетъ эту несущую чары пѣснь — даетъ нужное, то спасительное и духовно-здоровое предсмертное настроеніе въ таинствѣ елеосвященія» («Миссіонерск. Обозр.», 1903 г., № 20, стр. 1309). «Этимъ таинствомъ она готовитъ и тѣло грѣшнаго на «погребеніе», давая въ своихъ молитвахъ ручательство безсмертія» (стр. 1312). Но это только «одна половина таинства елеосвященія въ молитвахъ Церкви о смерти. Всѣ молитвы таинства въ этой половинѣ именно молитвы о благой смерти, и таинство елеосвященія есть таинство смерти. Результаты таинства здѣсь — не выздоровленіе, а только измѣненіе душевнаго настроенія» (тамъ же). Затѣмъ «таинство должно выявить смерть, какъ желанный переходъ, выяснить для больного умирающаго свѣтлыя черты смерти, такъ, чтобы онъ и желалъ перейти къ той жизни и только молился о томъ, чтобы быть достойнымъ этого перехода» (стр. 1313). Въ статьѣ «Миссіон. Обозрѣнія» рѣшительно доказывается, что въ чинѣ елеосвященія «ясно проглядываетъ мысль, что человѣкъ чиномъ елеопомазанія готовится къ смерти» (стр. 1318).

Что же касается физическаго выздоровленія, то это—несущественное въ елеопомазаніи, оно можетъ быть лишь случайнымъ. «Выздоровленіе больного,—богословствуетъ «Миссіон. Обозр.» чрезъ статью о. Михаила,—вслѣдствіе таинства елеосвященія явно не требуется самымъ понятіемъ о сущности этого таинства» (стр. 1316). Далѣе доказывается, что «таинство елеосвященія переходитъ вполнѣ въ таинство покаянія» (стр. 1319).

Такое понятіе о таинствѣ елеопомазанія, утвержденное авторитетомъ «Миссіонерскаго Обозрѣнія», другіе богословы господствующей церкви признаютъ латинскимъ заблужденіемъ. «По ученію латинъ,—говорится въ обличительномъ богословіи епископа Иннокентія,—благодатное дѣйствіе елеосвященія состоитъ не въ томъ, главнымъ образомъ, чтобы исцѣлять отъ болѣзней тѣлесныхъ, но чтобы очищать отъ грѣховъ, и затѣмъ успокаивать и ободрять больныхъ противъ предсмертныхъ ужасовъ или томленій. Поэтому таинство сіе они почитаютъ приготовленіемъ вѣрующихъ къ мирной и безболѣзненной кончинѣ или огражденіемъ ихъ отъ козней діавола, который, особенно при послѣднихъ часахъ жизни, ищетъ кого бы поглотить, но отнюдь не благодатнымъ средствомъ къ врачеванію болѣзней тѣлесныхъ» («Богословіе обличительное», т. II, § 205, стр. 368, изд. 1859 г.). То же говорится и въ богословіи митр. Макарія. «Что же касается до ученія римскихъ католиковъ, которые смотрятъ на елеосвященіе, преимущественно, какъ на

предсмертное напутствіе больного, укрѣпляющее его душу противъ ужасовъ смерти,—то ученіе это совершенно произвольно. Ни въ заповѣди св. апостола Іакова объ елеосвященіи, ни въ чинѣ елеосвященія, употребляющемся издревле въ православной церкви, ни въ древнемъ чинѣ самой церкви западной, какъ онъ изложенъ у папы Григорія Великаго, нѣтъ ни малѣйшаго намека о предсмертномъ напутствіи больного, а говорится только объ исцѣленіи его отъ болѣзней, объ отпущеніи ему грѣховъ» («Богословіе» м. Макарія, ч. II, § 232, стр. 362). Удивительнѣе всего, что и самъ руководитель «Миссіон. Обозр.», В. М. Скворцовъ, въ недавно изданныхъ имъ брошюрахъ свящ. Околовича утверждаетъ, что ученіе о таинствѣ елеопомазанія, какъ о приготовительномъ актѣ къ смерти, есть заблужденіе римскихъ папъ. Это они придумали такое ученіе на своемъ тридентскомъ соборѣ. «Это таинство,—говорится въ опредѣленіи тридентскаго собора,—совершается на исходѣ жизни христіанина» (Трид. 14, 1). Поэтому въ католической церкви таинство елеосвященія называется помазываніемъ на исходѣ души (extrema unctio), и имѣетъ назначеніе какъ бы успокоить душу въ часъ смерти, а не врачевать болѣзнь души и тѣла. Но такое ученіе католической церкви не имѣетъ для себя никакого надлежащаго основанія и есть дѣло чистаго произвола римскихъ папъ» (см. стр. 2—3 вышеназванной брошюры свящ. Околовича). Однако, оно вошло въ руководящій органъ миссіи господству-

ющей въ Россіи церкви и закрѣплено его авторитетомъ, какъ истинное и вполнѣ благочестивое ученіе.

3. Разногласятъ между собою богословскія книги и относительно совершителей таинства елеопомазанія. Въ «Православномъ исповѣданіи» очень требовательно говорится, что «должно наблюдать, чтобы сіе таинство со всѣми обрядами своими совершаемо было священниками, а не другимъ кѣмъ» (отвѣтъ на вопр. 118, стр. 77). Епископы, значитъ, не могутъ совершать таинство елеопомазанія. Иное говорится въ богословіи епископа Сильвестра. Здѣсь свидѣтельствуется, что это таинство «совершалось никѣмъ инымъ, какъ священнослужителями церковными, т.-е. епископами и пресвитерами» (т. V, § 156, стр. 63). Митр. Макарій, какъ бы полемизируя съ «Православн. исповѣд.», разъясняетъ, что «совершителями таинства елеосвященія апостолъ прямо называетъ пресвитеровъ: да призоветъ пресвитеры церковныя... Но это, безъ сомнѣнія, не значитъ, чтобы совершать елеосвященіе не имѣли власти епископы, непосредственные преемники апостоловъ и по преимуществу раздаятели даровъ благодати; но св. Іаковъ упоминаетъ объ однихъ пресвитерахъ потому, какъ замѣтилъ папа Иннокентій I, что «епископы, будучи удерживаемы другими занятіями, не ко всѣмъ немощнымъ могутъ ходить» («Прав. догмат. богословіе», § 231, стр. 360).

Такимъ образомъ, и о таинствѣ елеопомазанія, какъ и обо всѣхъ таинствахъ, богословы и апологеты господствующей церкви вѣруютъ различно, держатся относительно его разныхъ догматическихъ понятій и

воззрѣній, исключающихъ одно другое. Это показываетъ, что до сихъ поръ богословіе синодальной церкви не выработалось въ твердое, неизмѣнное церковное ученіе, свободное отъ противорѣчій, двойственности и неопредѣленности. Напротивъ, оно есть сплошное разновѣріе, удивительно пестрая смѣсь какихъ угодно догматовъ и умствованій. Но основная черта его — ереси римско-католической церкви и протестантизма.

XVI.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО.

Мы могли бы вести безконечный обзоръ вѣроученія господствующей церкви, останавливаясь на каждомъ изъ многочисленныхъ его пунктовъ. Въ каждомъ пунктѣ мы находимъ разныя вѣрованія богослововъ и миссіонеровъ этой церкви. Есть вѣрованія странныя, дикія, опасныя и вредныя по своей безнравственности и лживости, есть курьезныя и смѣшныя, есть безтолковыя, нелѣпыя, наивныя... Это такое великое море, въ которомъ живутъ самые разнообразные и диковинные гады.

Многіе богословы и миссіонеры господствующей церкви откровенно сознаются, что богословіе ея безжизненно и погрѣшительно и что сами миссіонеры стоятъ на распутьи, не зная, куда итти и что благовѣствовать. Сознаемся,—кается миссіонеръ Д. И. Боголюбовъ,—что въ своихъ стараніяхъ мы, миссіонеры, иногда погрѣшаемъ, впадаемъ въ односторонности.

Это понятно и естественно. Вѣдь наше богословіе крайне не разработано и не приспособлено къ современнымъ религіознымъ запросамъ какъ народной, такъ и интеллигентной среды. Жизнь выдвинула въ послѣднее время вопросъ о судѣ церковномъ, о святости Церкви, о каноничности болгарской и англійской церквей. А что даетъ намъ въ отвѣтъ на эти вопросы наше богословіе? Ничего, или почти ничего... Миссіонерамъ самимъ, своими скромными силами приходится считаться съ жизненными задачами и рѣшать ихъ на свой страхъ» («Миссіон. Обозр.», 1903 г., № 2, стр. 178). Въ господствующей церкви огромная армія богослововъ и миссіонеровъ, богословіе ея имѣетъ за собою болѣе двухсот-лѣтнюю давность. Однако оно до сихъ поръ, какъ заявляетъ г. Боголюбовъ, крайне не разработано. Въ программу миссіонерскаго всероссійскаго съѣзда, состоявшагося въ Кіевѣ въ 1908 г., поставлены были, напр., такіе вопросы: «По католичеству. 1) Какъ вести полемику по вопросамъ догматическаго различія между православіемъ и католичествомъ (исхожденіе Св. Духа «и отъ Сына», непорочное зачатіе Богородицы, главенство и непогрѣшимость въ Церкви Христовой папы, чистилище). 2) Какъ вести полемику по каноническимъ и обрядовымъ различіямъ между православіемъ и католичествомъ (целибатъ ксендзовъ, обливательное крещеніе, муропомазаніе, какъ право только епископа, евхаристія на опрѣснокахъ, лишеніе св. чаши мірянъ и св. причастія—дѣтей, елеосвященіе только для умирающихъ, музыка при богослуженіи, латинскій языкъ и т. п.)» (см. въ № 659

миссіонерской газеты «Колоколъ»). Это означаетъ, что сотни богослововъ и миссіонеровъ, пройдя семинарскій и академическій курсъ, вызубривъ всѣ учебники и пособія по богословскимъ и другимъ церковнымъ вопросамъ, совершенно безсильны вести полемику съ р.-католиками, не знаютъ, что сказать своимъ противникамъ относительно даже такого совсѣмъ незначительнаго вопроса, какъ музыка. За сотни лѣтъ они не могли выяснить себѣ, въ чемъ же погрѣшаетъ римско-католическая церковь. И это понятно, потому что само богословіе господствующей церкви, на которомъ они воспитываются, перенято отъ латинъ, заключаетъ въ себѣ не мало римскихъ ересей. Кіевскій миссіонерскій съѣздъ не оказалъ никакой помощи своимъ членамъ миссіонерамъ, и они попрежнему стоятъ не на истинномъ и прямомъ пути, а среди темнаго лѣса всякихъ заблужденій, безъ истинной вѣры, безъ твердыхъ убѣжденій, безъ церковнаго сознанія, слабые, шаткіе, безпомощные. Одинъ изъ виднѣйшихъ членовъ кіевскаго съѣзда, бывшій миссіонеръ, священникъ о. С. Шлеевъ, печатно заявилъ уже послѣ съѣзда, что въ господствующей церкви забыта самая существенная сторона христіанства. «За что судятъ единовѣрцы церковное устройство?»— спрашиваетъ о. Шлеевъ и отвѣчаетъ: «Они находятъ, что въ русской церкви въ загонѣ и тѣни та сторона христіанства, которой подобаетъ паче всего быть на свѣщницѣ. Они находятъ, что имъ, единовѣрцамъ, среди коихъ особенно живо пониманіе забытой другими правды христіанства, условія ихъ

жизни въ отношеніи къ церкви господствующей мѣшаютъ выяснить Христову вѣру. Для полной жизни церковнаго общества необходимо водительство епископа, единомышленнаго по психологіи вѣры, какъ мы, понимающаго внутреннюю сущность православія. Что это за сторона христіанства, забытая въ православной русской церкви? Это ученіе о христіанствѣ, какъ подвигѣ, какъ постоянномъ крестномъ пути среди борьбы съ княземъ міра сего. Мы утверждаемъ, что въ русской православной церкви оскудѣло благочестіе, то, что греки называютъ Εὐσέβεια, т.-е. именно проникновеніе христіанствомъ, какъ стихіей покаянія и подвига. Я не скажу, что православія въ этомъ смыслѣ совсѣмъ нѣтъ. Оно есть въ народѣ, есть и въ священствѣ, но исчезло въ цѣломъ церкви, въ его руководящихъ кругахъ, которые по этой сторонѣ дѣла несутъ внизъ къ вѣрующимъ не «совершенство», а разложеніе... У большинства правящихъ въ русской церкви не было пониманія сущности православія, какъ аскетическаго подвига, процесса Богопознанія, какъ процесса жизни въ Церкви» (журн. «Правда Правосл.», за 1908 годъ, № 24—25, стр. 5).

Какъ священникъ Шлеевъ, такъ и другіе пастыри господствующей церкви, состоя въ извѣстной подчиненности и зависимости, лишены возможности говорить всю правду о своей церкви во всей полнотѣ. Поневолѣ имъ приходится дѣлать въ своихъ заявленіяхъ и обличеніяхъ «спасительныя» оговорки или писать только намеками. Но и изъ того, что они могли

сказать, очень ясно, что они считаютъ православіе господствующей церкви крайне сомнительнымъ и противнымъ истинному пониманію христіанства. Менѣе зависимые писатели и религіозные мыслители, принадлежащіе къ господствующей церкви, находятъ совершенно никуда негоднымъ современное положеніе своей церкви и требуютъ перестроить ее заново, начиная съ основъ и кончая верхами. Офиціальныхъ служителей церкви нѣсколько пугаетъ это требованіе. Но реформировать свою церковь и они считаютъ необходимымъ. «Нужны именно реформы, а не реформація,—говоритъ петербургскій священникъ М. Чельцовъ.—Это—громъ, буря и молнія, она грозитъ не только обломать вѣтви и погнуть самый стволъ у дерева церкви, но и съ корнемъ его вырыть изъ русской православной почвы. Для исправленія въ сторону уклонившагося ствола нашей церкви, для его озеленѣнія и расцвѣта нужна не революція церковная, а эволюція, хотя и самая послѣдовательная и строго проведенная. Думать же, что все можетъ исправиться само собой, что никакихъ основныхъ реформъ не нужно, что, при промышленіи Божіемъ о церкви Его святой, процессъ самой жизни приведетъ къ цѣлямъ религіознаго прогресса,—это благочестиво оправдывать свою лѣнь, защищать кощунственно свою неподвижность и безбожно предаваться утопической мечтѣ. Ничто само собой не дѣлается, и подъ лежащій камень нашей церковной неподвижности вотъ уже не одно сто-

лѣтіе не течетъ освѣжающая вода силы Христовой; а вѣдь въ Церкви Христовой, Божіей такой воды неизсякаемый источникъ» («Сущность церковнаго обновленія», Чельцова, стр. 12—13).

Нѣтъ духа Христова въ нашей церкви, нѣтъ въ ней сущности христіанства, нѣтъ благочестія и правды, разрушены апостольскія установленія, попраны каноны церковные, — это общій голосъ почти всѣхъ архипастырей и пастырей, богослововъ и миссіонеровъ господствующей церкви. «Замѣчательно то, — говорится въ лучшемъ богословскомъ журналѣ «Странникъ», редактируемомъ передовыми богословами господствующей церкви, — что коренной духъ православной церкви, устоявшій непоколебимо предъ всѣми ухищреніями іезуитства въ Польшѣ и Австріи и передъ мусульманскимъ изувѣрствомъ въ Турціи, не устоялъ передъ регламентаціей своего собственнаго православнаго правительства» («Странникъ», 1907 года, февраль, стр. 203).

Въ 1905 г. очень значительная группа петербургскихъ священниковъ подала петербургскому митрополиту Антонію записку о «необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи». «Необходимо, настоятельно необходимо, — писали священники, — чтобы церковь возвратила себѣ всю силу плодотворнаго вліянія на всѣ стороны жизни человѣческой и всю мощь своему голосу. А для этого она должна возвратить себѣ прежде всего свободу, искони ей принадлежащую и опредѣленную строемъ священныхъ

каноновъ, пренебрегаемыхъ и забываемыхъ, но не могущихъ утратить своей исконной для нея обязательности». Замѣчательно, что даже редакторъ «Миссіон. Обозр.», Н. Гринякинъ, писалъ тогда по поводу записки петербургскихъ священниковъ: «Слава Богу, повѣяло стариной. «Мы пришли бить челомъ объ исправленіи вѣры»...» («Миссіон. Обозр.», 1905 г., № 5, ст. Гринякина: «Благовѣстъ или набатъ»). Именно «объ исправленіи вѣры», а не строя церковнаго только. Многіе архіереи господствующей церкви и даже самъ глава ея, К. П. Побѣдоносцевъ, находили необходимымъ самую вѣру свою очистить отъ заблужденій. «Въ своемъ знаменитомъ, распубликованію не подлежащемъ, предложеніи синоду отъ 28 іюня 1905 г. Побѣдоносцевъ долженъ былъ сознаться, — говоритъ объ этомъ священникъ М. Чельцовъ, — что въ православіи нашемъ не все благополучно, что и вѣра наша не чужда нѣкоторыхъ заблужденій? Вотъ, что онъ писалъ: «По прямому смыслу Высочайшей резолюціи на всеподданнѣйшемъ докладѣ о созваніи собора каноническому обсужденію его подлежатъ и предметы вѣры, о коихъ въ синодальномъ опредѣленіи не дано никакихъ указаній. Между тѣмъ и въ этой обширнѣйшей области предметовъ, относящихся къ познанію, утвержденію и очищенію отъ разныхъ заблужденій православной христіанской вѣры (курсивъ Чельцова), также необходима предварительная разработка при содѣйствіи представителей богословской науки» (приб. къ «Церк.

Вѣд.», 1905 г., № 45, стр. 1905). Наконецъ, тотъ, кто у насъ офиціально почитается защитникомъ и покровителемъ православной вѣры, Государь Императоръ въ своей резолюціи на одно изъ синодальныхъ постановленій о созваніи собора написалъ: «Созвать соборъ всероссійской церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія» (тамъ же, стр. 1899). «Нельзя не отмѣтить и того факта, — заключаетъ о. Чельцовъ, — что въ нѣкоторыхъ отзывахъ о церковной реформѣ, представленныхъ епархіальными преосвященными, хотя и не открыто, но все-таки довольно прозрачно просвѣчиваетъ по мѣстамъ мысль, что въ нашемъ вѣроученіи не малого, что требуетъ коренного пересмотра» (см. «Церк.-Обществ. Жизнь», 1907 года, № 10, стр. 295).

Что касается внѣшняго, видимаго проявленія сущности и жизни господствующей церкви, то тутъ дѣло обстоитъ еще хуже. «Въ нашей церкви, — говоритъ о ней врачъ Апраксинъ, сотрудничавшій въ «Мисс. Обозр.» и участвовававшій на миссіонерскихъ съѣздахъ, — творится что-то невѣроятное, ужасное, возмутительное до глубины души. Завѣты апостоловъ и свв. отецъ Церкви попраны и забыты, святоотеческій церковный уставъ заброшенъ, каждому священнику, любому псаломщику и даже регенту предоставлено право ломать и коверкать святую службу, какъ ему вздумается: наказанія за это не полагается, развѣ небольшое замѣчаніе для виду и приличія; описаны такіе протоіереи и іереи виртуозы, которые ухитряются три

службы — полунощницу, вечерню и утреню — отслужить въ 20 минутъ; описаны такіе благочинные, которые не только не стѣсняются пропускать чуть ли не всѣ стихиры и канонъ, но даже урѣзываютъ шестопсалміе. Нигдѣ теперь никогда на святой Руси, начиная отъ митрополичьей и архіерейской службы до службы сельскаго священника, вы не встрѣтите совершенно уставной истовой службы (кромѣ единичныхъ монастырей); во всѣхъ приходскихъ храмахъ служба искажена, сокращена и обезображена до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что только равнодушныхъ и лѣнивыхъ или совершенно невѣжественныхъ въ церковно-богослужебныхъ вопросахъ можетъ удовлетворять, на человѣка же, знакомаго съ истовымъ богослуженіемъ и понимающаго глубокій смыслъ и значеніе, можетъ производить только удручающее впечатлѣніе, вызывая душевную скорбь и негодованіе...» «Еще большему попранію, забвенію и даже посмѣянію подверглись средства, установленныя Церковью для упражненія и укрѣпленія воли человѣка: посты, продолжительныя стоянія на молитвѣ, бдѣнія, поклоны, подчиненіе своей воли требованіямъ святоотеческаго устава. Я не буду долго останавливаться на послѣднихъ перечисленныхъ средствахъ, все это окончательно поругано, не соблюдается самими пастырями нашими и считается ненужной, устарѣлой обрядностью» («Девять лѣтъ на лонѣ православной церкви», С. Апраксина, стр. 4—5, 7—8). Это — не поверхностный взглядъ на господствующую церковь посторонняго зрителя. Врачъ Апраксинъ былъ сначала невѣрующимъ человѣкомъ, но потомъ

сталъ горячо и искренно вѣрующимъ христіаниномъ. «Я вступилъ въ господствующую церковь,—говоритъ онъ о себѣ въ своей исповѣди, прочитанной имъ на нижегородскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ,—съ яснымъ сознаніемъ всей лжи и неправды своего прежняго исповѣданія, съ твердой вѣрой и горячей любовью въ ученіе Церкви и въ ея внѣшніе обряды и установленія, съ полной надеждой, что наконецъ-то мною отысканъ вожделѣнный путь истины и спасенія». Но черезъ девять лѣтъ пребыванія своего въ господствующей церкви онъ съ глубокой, тяжелой скорбью въ душѣ вынужденъ былъ сказать своимъ пастырямъ и миссіонерамъ: «Стою я передъ вами унылый, разочарованный, съ такимъ чувствомъ въ сердцѣ, какое испытываетъ чуткій сердцемъ сынъ, узнавшій неожиданно про свою любящую мать, что она... блудница». «Вотъ какое впечатлѣніе вынесъ я изъ своего девятилѣтняго пребыванія въ церкви православной! Вмѣсто любящей матери, истинной наставницы и воспитательницы, я нашелъ баловницу-мачеху, заботящуюся больше о собственномъ довольствѣ и благополучіи, чѣмъ о правильномъ воспитаніи своихъ пасынковъ, которыхъ притворно называетъ она «любящими чадами своими»; а вмѣсто внутренняго удовлетворенія — душевную скорбь и горькое разочарованіе, и вотъ теперь стою я передъ вами, не зная, что дѣлать, куда итти...» (тамъ же, стр. 11 и 12).

Что могли отвѣтить пастыри и миссіонеры господствующей церкви на эту скорбную исповѣдь горячо вѣрующаго человѣка, какой путь могли ему указать,

если они сами глубоко завязли въ болотѣ всякаго нечестія, и нѣтъ у нихъ силъ выбраться отсюда. Для спасенія господствующей церкви отъ окончательной гибели г. Апраксинъ предлагаетъ вывести ее «на истинный путь древняго православія и благочестія» (стр. 15). Только этотъ путь можетъ очистить ее отъ всякихъ пороковъ и заблужденій и привести ее къ спасенію. Другого выхода нѣтъ и не можетъ быть. Московскій митрополитъ Іоанникій сознался въ свое время: «Если бы не было старообрядцевъ, православіе давно бы обратилось въ лютеранство» («Реформы вѣротерпимости», стр. 65). Старообрядческая Церковь всегда готова подать руку помощи всѣмъ, искренно идущимъ къ ней и жаждущимъ душевнаго спасенія.

БИБЛИОТ
СОЦІАЛЬНОСТІ
АКАДЕМ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Гл.		Стр.
I.	Латинскія и протестантскія начала	1.
II.	Еретичность символическихъ книгъ	11.
III.	Разновѣріе русской и греческой церквей	17.
IV.	Безъ понятія православія	23.
V.	О Сынѣ Божіемъ	29.
VI.	О Пресвятой Богородицѣ	43.
VII.	О человѣческомъ зачатіи	47.
VIII.	Ученіе о Церкви	50.
IX.	О крещеніи	67.
X.	О мvропомазаніи	101.
XI.	О причащеніи	122.
XII.	О священствѣ	152.
XIII.	О покаяніи	195.
XIV.	О бракѣ	218.
XV.	О елеосвященіи	233.
XVI.	Послѣднее слово	241.